

Иван Байбаков

МАЛОЙ КРОВЬЮ НА СВОЕЙ ТЕРРИТОРИИ

1941 — Работа над ошибками

1941 — Своих не бросаем

1941 — Бои местного значения

Военная фантастика
коллекция

WH-62168

Коллекция. Военная фантастика (АСТ)

Иван Байбаков

**Малой кровью на своей
территории: 1941 – Работа
над ошибками. 1941 –
Своих не бросаем. 1941 –
Бои местного значения**

«Издательство АСТ»

2016, 2017, 2020

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

Байбаков И. П.

Малой кровью на своей территории: 1941 – Работа над ошибками.
1941 – Своих не бросаем. 1941 – Бои местного значения
/ И. П. Байбаков — «Издательство АСТ», 2016, 2017,
2020 — (Коллекция. Военная фантастика (АСТ))

ISBN 978-5-17-134689-8

Июнь 1941 года. Начало Великой Отечественной войны, самой тяжелой и кровавой войны в истории человечества. Тяжелейшие бои под Брестом и Гродно, танковые клинья вермахта под Минском, Белостокско-Минское сражение, окружение и разгром трех армий в Белостокско-Минском котле. Первое крупное поражение Красной Армии, которое оказало сильное влияние на весь ход войны. А если бы было по-другому? Если бы советские войска не отступали в беспорядке с Белостокского выступа, теряя и бросая по пути технику без горючего и боеприпасов, а организовали на его территории крепкую оборону под умным командованием? И если бы в этом советским войскам помог знаниями из будущего и своим боевым опытом наш современник... Содержит нецензурную брань.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-134689-8

© Байбаков И. П., 2016, 2017, 2020
© Издательство АСТ, 2016, 2017, 2020

Содержание

1941. Работа над ошибками	6
Конец ознакомительного фрагмента.	90

Иван Байбаков
Малой кровью на своей территории:
1941 – Работа над ошибками.
1941 – Своих не бросаем. 1941 –
Бои местного значения (сборник)

© Иван Байбаков, 2021

© ООО «Издательство АСТ», 2021

Серия «Коллекция. Военная фантастика»

Выпуск 27

Выпуск произведения без разрешения издательства считается противоправным и преследуется по закону

1941. Работа над ошибками

Глава 1

Сергей Иванович очнулся от боли в голове. Кровь стучала в висках, дышалось с трудом. И еще почему-то было очень жарко. Он тяжело заворочался, готовясь к привычной боли во всем теле при вставании, но тело послушалось неожиданно легко. Открыв глаза, Сергей Иванович с изумлением огляделся вокруг.

Еще вчера, холодным ноябрьским вечером 2014 года, он заснул у себя – в однокомнатной клетушке на окраине Москвы, после очередной жаркой дискуссии на одном из форумов о Великой Отечественной войне. Снова обсуждали начало войны, Белостокский «котел», долго и упорно спорили о том, как бы оно тогда было, если бы было по-другому. Сам Сергей, как обычно, настаивал на том, что командование Западного Особого военного округа, в попытке организовать изначально малореальный в текущих условиях контрудар под Гродно, своими непродуманными приказами только спровоцировало суматошные и бестолковые метания войск 3-й и 10-й армий по Белостокскому выступу. В результате чего просто раздергало части и соединения войск первого приграничного эшелона, и это не позволило им построить эффективную оборону. Ну и много чего еще вчера обсуждали. И традиционные, уже почти канонические «причины неудач на первом этапе войны», и тактику со стратегией. А еще обсуждали технику, вооружение, снаряжение и прочие материальные аспекты обеспечения боевых действий, при этом сравнивая наши и немецкие образцы. В результате дискуссии, тоже уже традиционно, ни к какому общему мнению опять не пришли, и Сергей, засыпая, все прокручивал в голове аргументы и контраргументы этой жаркой виртуальной баталии.

А сейчас вокруг него было жаркое лето, пыльный проселок возле небольшой речушки и трупы в форме красноармейцев. И его тело, тоже в красноармейской форме. Стоп, – его тело в красноармейской форме?! Но это вовсе не его тело! Его – старое, израненное тело 68-летнего военного пенсионера – осталось там, в далеком теперь 2014 году и в другой реальности, а вот сознание каким-то необъяснимым образом оказалось в молодом и относительно здоровом теле, облаченном в форму командира Красной Армии с двумя лейтенантскими «кубарями» в петлицах.

– Ну, вот вам и здравствуйте. Это что же, выходит, я на эту войну из своего времени попал? А значит, могу не в разговорах и спорах, а в реальности – вот здесь и сейчас – попытаться исправить то, что хотел бы исправить в той, прошлой жизни?

И вновь проваливаясь в забытье от внезапно накатившей слабости, Сергей Иванович только и успел еще подумать: «Ну вот – сбылась мечта идиота».

Сергею Ивановичу Иванову, 1946 года рождения, стать военным было, что называется, «на роду написано». Его родители оба были военнослужащими, отец – командир танковой роты, мама – военный врач – встретились они как раз во время Великой отечественной войны, потом, после войны, вместе служили и защищали Родину там, где это было нужно стране. Вместе и погибли при подавлении контрреволюционного переворота в Венгрии в 1956 году: мама при нападении озверевших «сторонников демократизации» на военный госпиталь в период, когда войскам была дана команда «не поддаваться на провокации, огня не открывать», а отец чуть позже сгорел в танке при штурме Будапешта.

Десятилетнего Сергея переправили в Союз и определили в Суворовское военное училище, а после него он поступил в Московское высшее военное командное училище, где как раз начали готовить офицеров мотострелковых войск. Окончив его, Сергей Иванов потом долго

служил Родине там, куда его направляли. Изрядно помотался по миру, воевал и учил воевать разные «братские народы». Египет, Йемен, Сирия, Мозамбик, Ангола, Эфиопия. А потом был Афганистан – и тоже не в штабах и на теплых местах, куда попасть можно было единожды на год-два-три и по большому благу, а в самых горячих и опасных местах, служить и воевать в которых, желающих было не так уж и много. За время службы Родине получил много ранений, в том числе несколько тяжелых. И прилично боевых наград, в том числе иностранных, от «братских народов», но при этом выше должности командира отдельного разведывательного батальона мотострелковых войск и звания подполковник так и не поднялся, поскольку под начальство не прогибался и говорил, что думал, а не то, что надо было говорить. Спутницу жизни при такой насыщенной, но крайне непредсказуемой и малокомфортной службе не встретил, детей не завел. Дослужил до распада Союза, потом армию начали «реформировать» и Сергея уволили на пенсию. Дали маленькую квартирку в пригороде Москвы, мизерную пенсию, и Родина посчитала, что сделала для Сергея Ивановича Иванова все, что должна. Правда, к тому времени и Родины, которой служил и за которую воевал Сергей Иванович, уже не было. Дальше жил по инерции.

Пытался преподавать военное дело в школах и на военных кафедрах институтов, но ясно видел, что это не нужно ни тем, кого учил, ни государству, для которого учил. В последние годы, правда, ситуация и с армией, и с отношением к армии в обществе начала понемногу выправляться. Вспомнили о фронтовиках и ветеранах, прибавили денежное довольствие и пенсии, потихоньку стали вспоминать и Войну, и Победу, и связь всего этого с современными реалиями. Отставной подполковник Сергей Иванович Иванов, вместе с несколькими такими же, как и он сам, ветеранами старой школы, организовали военно-патриотический клуб, возились с подростками, пытаясь в условиях западной пропаганды все же воспитать их мужчинами и патриотами России, а не «общечеловеками» с правами, но без обязанностей. И для души, в минуты отдыха – история Второй мировой, форумы в Интернете по ее событиям и вариантам этих событий, общение с единомышленниками и споры с оппонентами. А еще, помимо штудирования исторической и документальной литературы, увлечение литературой в жанре альтернативной истории. Читая и сопоставляя как факты, так и различные альтернативные версии событий Великой Отечественной, осмысливая их в контексте своего военного образования и личного боевого опыта, Сергей Иванович в последнее время все чаще задумывался. Задумывался о том, что и как он сам сделал бы тогда – в том кровавом и беспощадном разгроме июня сорок первого, чтобы изменить ход войны, уменьшить трагедию приграничных окружений и поражений Красной Армии. И все чаще ему хотелось попасть туда, в то тяжелое, но светлое и честное время, когда люди его страны в едином порыве строили для себя и своих потомков светлое будущее, мечтали о новой жизни и своими руками создавали эту жизнь. Когда советский народ – весь советский народ, единый народ единой тогда страны, – не жалея себя и своей жизни защищал свою общую Родину от врага. Теперь, похоже, его мечты каким-то образом обрели материальность, и у Сергея Ивановича появился так настойчиво желаемый шанс.

Вновь очнувшись, Сергей (в связи с резким омоложением организма как-то очень естественно отбросивший отчество) почувствовал себя гораздо лучше и осмотрелся вокруг внимательнее. Судя по положению солнца и еще не до конца высохшей росе на придорожной траве, день только начинался. Сам Сергей находился в небольшом и не очень густом кустарнике, на границе перелеска и большого луга, по которому проселочная дорога изгибалась к протекающей рядом речке с небольшим деревянным мостом. От места, где Сергей пришел в себя, до дороги было метров пятьдесят, и она была густо усеяна трупами. По совокупности признаков было очевидно, что маршевую колонну советской пехоты, так не вовремя вышедшую на луг, заметила и накрыла с воздуха вражеская авиация. Солдаты ринулись от бомбежки в лес, но добежать, как явно было видно по количеству и расположению тел, успели немногие. Сам Сергей, судя по боли в голове в момент прихода в сознание, скорее всего, получил контузию от

близкого разрыва авиабомбы и потерял сознание. А потом выжившие остатки взвода ушли, сочтя своего командира мертвым.

«А может, он уже и был мертвым или умирал, пока я не «подселился», – подумал Сергей. – Вот и последствия «его» контузии я с каждой минутой ощущаю все меньше. – Кстати, а кто я теперь?»

Из нагрудного кармана гимнастерки Сергей достал документы на имя Иванова Сергея Николаевича, 1913 года рождения, командира стрелкового взвода стрелковой роты 239-го стрелкового полка 27-й стрелковой Омской дважды Краснознамённой дивизии имени Итальянского пролетариата. Сергей помнил, что в его варианте истории 22 июня 1941 года части дивизии находились на границе в районе Августова, Граево, Сухово. Там дивизия приняла первый бой с 256-й и 162-й пехотными дивизиями вермахта. Дивизия вступила в бой разрозненно, её части сражались изолированно друг от друга, без единого управления, взаимодействия и связи. Основная часть дивизии под угрозой окружения была вынуждена без боя отступить в направлении реки Бобр, где заняла рубеж обороны, который был прорван вечером того же дня. На 23 июня дивизия прикрывала район населенного пункта Сокулка, часть её подразделений сделала неудачную попытку отбить Домброво. 24 июня дивизия, в которой уже насчитывалось около 60 процентов состава, получила приказ на контрнаступление. На 25 июня дивизия заняла рубеж на реке Свислочь, получив приказ «стоять и сражаться насмерть», прикрывая отходившие части армии, где и была уничтожена. Вот, скорее всего, во время беспорядочного отступления подразделений дивизии от границы его взвод в составе отступающей ротной колонны и попал под бомбежку.

– Повезло, что фамилия и имя совпали, – порадовался Сергей. – Проще будет адаптироваться к окружающей обстановке. Теперь выяснить бы, где это я конкретно очутился? И какое сегодня число?

Увы, с этим были проблемы. Планшета с картой у него не было, спросить не у кого.

– Ладно, пока это оставим, сейчас надо вооружаться и двигать отсюда.

Лежавший у него в кобуре ТТ (Тульский, Токарева, образца 1933 года.) Сергей за серьезное оружие не считал, но и брат «мосинку» (7,62-миллиметровую винтовку образца 1891/1930 годов, конструктора Мосина), которыми в большинстве своем были вооружены убитые бойцы, он не хотел. Да, винтовка надежная и безотказная в любых условиях, большая живучесть ствола и затвора, хорошая баллистика и высокая мощность патрона. Знаменитая винтовка, прошедшая три войны и модернизацию только через сорок лет, что говорит о совершенстве изначального варианта. Но при этом – тяжелая, с длинным и крайне устаревшим игольчатым штыком, крепящимся на стволе, а не на ложе. И совершенно не подходящая для неожиданных, скоротечных схваток, возможных, предстоящих Сергею при его блужданиях в поисках советских войск.

– Эх, мне бы пулеметик, – грустно пробормотал Сергей, быстро осматривая оружие погибших бойцов, но сам при этом понимая, что ручные пулеметы, и так не очень щедро положенные по штату на роту, выжившие бойцы вряд ли бы оставили.

Пулемета в наличии не было, взять его было негде, но на обочине дороги, чуть в стороне от убитых, были сложены кучкой несколько СВТ-40. Видимо, выжившие бойцы оставили свои «светки», взяв взамен у убитых мосинские винтовки. И Сергей ясно понимал – почему. Дело в том, что 7,62-миллиметровая самозарядная винтовка системы Токарева (образцов 1938 и 1940 годов.) в Красной Армии приобрела славу не слишком надёжного оружия, сильно чувствительного к загрязнению и капризного в морозы. Большинство солдат, будучи призванными из крестьян и соответственно имея низкий уровень образования и подготовки, не понимало ни устройства винтовки, ни необходимости тщательно следить за ней, ни требований соблюдать правила смазки. Частые проблемы также были связаны с неправильной установкой положения

газового регулятора. Поэтому такие бойцы старались при любой возможности поменять СВТ на привычную и простую в обслуживании мосинскую трехлинейку.

Но Сергей знал и другое. Многие подразделения и отдельные солдаты Красной Армии, имевшие достаточную подготовку, в частности морская пехота, весьма успешно применяли СВТ вплоть до конца войны. Кроме того, и в финской, и в немецкой армии весьма ценили трофейные СВТ – немцы даже приняли эту винтовку в качестве оружия ограниченного стандарта и вооружали захваченными в виде трофеев СВТ целые подразделения своих войск. К тому же в войсках противника СВТ использовали и обслуживали гораздо более грамотно, что позволяло существенно уменьшить её врождённые недостатки. А основное достоинство этой самозарядной винтовки – существенно большая, чем у обычных винтовок, огневая мощь. Боевая скорострельность СВТ составляла 20–25 выстрелов в минуту. Тогда как у немецкой винтовки Mauser 98k (основная винтовка вермахта во Второй мировой войне) скорострельность была на уровне 12–15 выстрелов в минуту при практически той же дальности стрельбы. А у винтовки Мосина и того меньше – всего 10 выстрелов в минуту.

Поэтому Сергей без раздумий вооружился наиболее ухоженной, по внешнему виду и результатам неполной разборки, винтовкой СВТ-40. Затем, быстро перетаскав в перелесок, метров на сто от дороги, все оставшиеся «светки» в количестве 11 штук, все найденные патроны и несколько шинелей, а также пехотную лопатку, он сделал захоронку, куда сложил остальные «светки» и излишки патронов. Себе оставил пехотную лопатку, СВТ без штыка и стандартный тройной боекомплект патронов в вещмешке – брать больше посчитал ненужным, чтобы не ограничивать подвижность. Собравшись, Сергей двинулся по лесу вдоль дороги в направлении на восток, рассудив, что так он быстрее встретит кого-нибудь из своих, также отступающих от границы. Да, своих, поскольку Сергей уже перестал рефлексировать по факту своего «попаданчества» и готовился приложить все силы, чтобы хоть немного изменить расклады первых дней войны, разгромных для Красной Армии. И все, кто воевал с немцами, для него однозначно стали своими.

Но первыми он увидел, – а вернее, услышал, – именно чужих. Пройдя по кромке леса примерно полтора километра и выйдя к месту, где грунтовая дорога была стиснута с одной стороны подступившим к ней подлеском, а с другой – рекой, Сергей услышал шум и немецкую речь. Пригнувшись и совершив короткую перебежку в глубину леса, он скинул поклажу и с СВТ в руках по широкой дуге пополз к дороге. Там, осторожно выглянув из придорожных кустов на уровне земли, Сергей увидел идиллическую картину: «непобедимые солдаты вермахта на отдыхе». Примерно в двадцати метрах по другую сторону от дороги, на берегу реки, в тени нескольких раскидистых деревьев, стоял тяжелый мотоцикл с коляской, в передней части которой на специальном поворотном вертлюге был смонтирован пулемет, сейчас расслабленно упирающийся свой задранный ствол в небо, а из реки доносился веселый гогот, перемежаемый немецкой речью. Увидев эту картину, Сергей предвкушающе оскалился.

– Так, что это за гуси у нас тут разгоготались? Надо же, немчики, – какая неожиданная и волнительная встреча! Исходя из того, что мотоцикл один, их там никак не более трех. Скорее всего, немецкий патруль или разведка передовых частей, а в ходе выполнения боевой задачи попутно освежиться решили, сволочи. Так я вам в этом деле всемерно помогу, как говорится, заодно и помоемся... в последний раз... Интересно, они хоть дозор выставили, или сразу все в воду полезли, – пробормотал Сергей, ползком преодолев дорогу и пробираясь к мотоциклу в высокой траве.

Подобравшись ближе, он с мрачным удовлетворением убедился, что легкая война в Европе и успехи первых дней боев в Белоруссии сыграли с хваленной немецкой педантичностью злую шутку – дозор немцы не выставили. Конечно, и все втроем они в речку не полезли – одного оставили на берегу, но этот участник их веселой компании в настоящий момент был больше кулинарум, чем дозорным.

Довольно пожилой худошавый немец в очках сидел у костра в паре метров от мотоцикла, лицом к реке, а спиной к дороге, и увлеченно жарил курицу, насаженную на ветку, время от времени весело переговариваясь о чем-то с двумя радостно плескавшимися в реке здоровенными молодыми парнями.

– Ты посмотри – прямо белокурые бестии с пропагандистских плакатов Геббельса, – злым шепотом пробормотал Сергей. – Пикник себе тут устроили, завоеватели... Курочки им, видите ли, захотелось. Так, а оружие где?

Свои автоматы купальщики аккуратно сложили метрах в трех от кромки воды, а винтовка кулинару лежала у костра рядом с ним. Там же, рядом с автоматами, любители водных процедур по-немецки бережно сложили свою форму и снаряжение.

«Кулинару первого, пехотной лопаткой, а потом купальщиков, из автомата», – решил Сергей. Надо только успеть добежать до этих автоматов.

Почему так? Ведь у него из оружия и винтовка, и пистолет были. По одной простой, но важной причине – Сергей не знал, есть ли поблизости еще немцы, и если есть, то где они и сколько их. Поэтому не хотел привлекать их возможное внимание, устраивая стрельбу из своего оружия – опытное ухо легко различит, что выстрелы не из немецкого оружия. А две-три короткие очереди из немецкого пистолета-пулемета не должны насторожить, возможно, находящихся поблизости, немцев – скорее всего те подумают, что их товарищи развлекаются, гоняя местное население в процессе отъема домашней живности. Конечно, учитывая полное отсутствие информации о нахождении поблизости противника, возможно, стоило вообще отказаться от попытки уничтожения «отдыхающих», но Сергею очень уж хотелось прибрать к рукам мотоцикл и остальные трофеи с расслабившегося немецкого патруля.

Пехотная лопатка при умелом обращении – страшное оружие в рукопашной. Сергей обращаться с ней умел. Немец у костра, с почти перерубленной шеей, умер мгновенно. Немцы-купальщики сначала застыли на пару секунд, увидев, как из-за мотоцикла выскочил грязный непонятно кто и чем-то рубанул их товарища, после чего тот беззвучно завалился на бок, а потом дружно ринулись на берег, к своему оружию. Но сегодня был явно не их день – Сергей успел первым. Три быстрых шага, и он, схватив автомат, передернул затвор, досылая патрон, а затем перечеркнул двумя кроткими очередями обоих противников. Две голые тушки горезавоевателей из великого рейха медленно поплыли по течению, а он обессиленно опустился на траву, привалившись спиной к коляске мотоцикла и жадно хватая ртом прохладный от близости реки воздух.

– Десять секунд на продышаться, – сам себе назначил время короткого отдыха. – А потом надо собирать трофеи и в темпе сматываться отсюда, вдруг поблизости все-таки есть еще немцы и кто-то из особо любопытных камрадов решит посмотреть, во что это тут стреляли его героические товарищи.

Отдыхая, Сергей попутно анализировал ход и результаты скоротечного боя. Да, он отдавал себе отчет, что затея с мотоциклистами была во многом авантюрой и то, что он жив и здоров, а немцы мертвы, можно объяснить не только бóльшим превосходством Сергея в подготовке и военном опыте из той, «прошлой жизни», но и очень большой толикой везения. Авантюра, конечно, это да, но мотоцикл с пулеметом и трофеи от немцев в нынешней ситуации уж больно лакомый кусок был, грех не рискнуть.

Чуть отдышавшись, Сергей, как попало, запихал в коляску все, что лежало на берегу. Хотел и кулинару раздеть, но потом передумал, – время поджимало, да и форма у немца была вся залита кровью из широкой рубленной раны на шее. Поэтому он только наскоро снял с него снаряжение, да выгреб все из карманов, свалил это в коляску и сел за руль. Немецкая техника ожидаемо не подвела, мотоцикл легко завелся, и, мягко переваливаясь на кочках, покатил сначала по траве к месту, где Сергей оставлял свою поклажу, а потом дальше по грунтовке, снова в направлении на восток. Отъехав приблизительно на три километра, Сергей увидел еле замет-

ную тропинку, отходящую от дороги и ведущую в глубину леса. Решив, что небольшой отдых, совмещенный с разбором трофеев, сейчас будет очень кстати, свернул по ней в лес и, проехав примерно еще километр, выехал на небольшую поляну с бурно разросшимися кустами малиника, где и заглушил двигатель мотоцикла.

Осмотревшись по сторонам и в кустах, Сергей убедился, что в окрестностях тишина и покой, ни детей, скорее всего и протоптавших сюда тропку за дикой малиной, ни их конкурента медведя поблизости нет. Потом закатил мотоцикл под деревья и с радостным предвкушением полез в трофеи, сопроводив свои действия любимой хомяческой присказкой, которую подцепил в результате прочтения великолепного романа Ильфа и Петрова «12 стульев»: «Ну, что там сегодня бог послал Альхену?»

Мотоцикл «Цюндапп» (Zundapp KS 750), почти новый и в очень хорошем техническом состоянии. Мотоцикл военный и для войны – был специально разработан для вермахта и по его техническим требованиям, именно как военная техника. Конструктивно имеет привод на колесо коляски и возможность движения задним ходом, что крайне важно при движении по пересеченной местности и в условиях бездорожья. К слову сказать, в Красной Армии ничего подобного таким мотоциклам сейчас нет и даже после войны появится еще очень не скоро. По узлам и деталям почти на 70 процентов унифицирован с другим тяжелым мотоциклом вермахта – BMW R 75 (который, как Сергей неоднократно читал об этом, был признан лучшим тяжелым мотоциклом Второй мировой войны). При боевой массе с коляской 400 килограммов, имеет допустимую максимальную нагрузку 600 килограммов. Слева на мотоцикле и справа на коляске закреплены сумки с боеприпасами и всякими полезными мелочами, а также канистра с запасом бензина. Багажник коляски тоже не пустой, а в передней ее части – установка для пулемета. Максимальная скорость мотоцикла, как помнил Сергей, 95 километров в час, запас хода на полном баке 300 километров в час. Сам мотоцикл радовал глаз окраской темно-серого цвета и не имел ни одной демаскирующей блестящей детали.

«Зверь-машина, – с удовольствием подумал Сергей, осмотрев мотоцикл. – Это и сам по себе отличный трофей, уже оправдывающий авантюрную атаку на любителей пикников и купаний, так еще и вон сколько всего дополнительно напало на этих купальщиков, так неосмотрительно утративших бдительность. Теперь бы мне на эту боевую машину кого в помощники найти – я-то и за руль сесть смогу, и за пулемет, но один надвое не разорвусь же... Ладно, про экипаж машины боевой подумаю потом, сейчас же – что там у нас дальше имеется? А дальше у нас имеется пулемет...»

Пулемет MG-34, он же МГ-34 в русском обозначении. Один из лучших пулеметов Второй мировой войны (лучшим была признана его более поздняя модификация, МГ-42). Первый единый пулемет, когда-либо принятый на вооружение. В нем воплотилась выработанная в немецкой армии на опыте Первой мировой войны концепция универсального пулемета, способного выполнять сразу несколько функций: в качестве легкого, типа ручного, пулемета, используемого с сошек; в качестве станкового, используемого с пехотного или зенитного станка, а также в качестве танкового пулемета, используемого в спаренных и отдельных установках танков и прочих боевых машин. Такая унификация заметно упрощала обучение пулеметчиков и облегчала снабжение боеприпасами. А еще допускала широкие тактические возможности использования пулемета на поле боя. Высокие тактико-технические характеристики МГ-34, оставлявшие далеко позади конкурентов, также были обусловлены высоким темпом стрельбы (800–900 выстрелов в минуту), комбинированным ленточным и барабанным питанием, и возможностью не только быстрой, но и удобной замены ствола (не более 7 секунд). Для сравнения, по скорострельности МГ-34 превосходил своего основного конкурента в советских войсках, – ручной пулемет Дегтярева (500–600 выстрелов в минуту) – почти в два раза и был способен в буквальном смысле создавать «шквал огня», оказывая, помимо собственно боевой эффективности, еще и мощное психологическое воздействие на противника. Помимо всего

вышеперечисленного пулемет МГ-34 имел штатную возможность установки оптического прицела. К большому сожалению Сергея, этот конкретный пулемет оптического прицела в комплекте не имел, зато имел все остальное, что полагалось иметь в наличии: шесть 50-патронных барабанов, четыре коробки с 250-патронными лентами, даже специальную ручную машинку для снаряжения пулеметных лент.

– Ну, вот и пулеметик у меня образовался, да еще и какой! – удовлетворенно похлопал Сергей по ствольной коробке, осмотрев МГ-34 и убедившись в его полной исправности – хоть сейчас в бой. – Наверное, все же правы те, кто утверждает, что мысли материальны и при определенных условиях имеют свойство сбываться. Очень хотел попасть в это время – пожалуйста, пулемет – нате вам. Теперь бы еще сбылись мои мечты и надежды хоть что-то изменить к лучшему в этой войне...

Очень довольный трофеями в виде мотоцикла и пулемета, остальные приобретения Сергей рассматривал уже с меньшим интересом и более поверхностно.

Магазинная винтовка Mauser 98k. Неплохая винтовка, по своим боевым характеристикам практически одинаковая с винтовкой Мосина (ну, может, самую малость получше). Как и «Мосинка», очень хорошо себя проявила в Первую мировую войну, в ее позиционных сражениях с ведением неторопливой прицельной стрельбы из окопов в качестве основного варианта пехотного огневого боя в обороне и штыковых атаках в остальных случаях. Как и «Мосинка», для условий современной войны тоже устарела (поскольку не самозарядка), для целей и задач Сергея никакой ценности не представляла, хапнул ее, что называется, из жадности, но пока есть на чем везти – пусть будет, авось на что-нибудь сгодится.

Два автомата (пистолеты-пулеметы МР 38/40). Сергей знал, что правильно их надо называть пистолетами-пулеметами, поскольку для стрельбы они используют пистолетный патрон, но для собственного удобства решил именовать их по принципу действия, то есть по способности вести огонь очередями в автоматическом режиме. Так вот, автомат МР-38/40. Его достоинства – компактность, удобство в использовании, хорошая управляемость оружия, сравнительно высокое останавливающее действие 9-миллиметровой пули на дальностях до 100–200 метров. Имея скорострельность 500 выстрелов в минуту, эти автоматы были очень эффективны для боя на ближней дистанции. А еще к ним прилагались удобные подсумки для магазинов, сгруппированные по три, которыми можно было хоть обвешаться (крепления подсумков позволяли их соединять).

Все оружие Сергей разложил возле мотоцикла, рядом разложил немецкую форму и осмотрел снаряжение.

Три камуфлированные плащ-палатки образца 1931 года (треугольные), с вырезом посередине, закрытым внахлест двумя клапанами. Удобные прежде всего как камуфляж, который всегда с собой, а еще как универсальное маскировочное укрытие над окопом, подстилка для сна и отдыха, подручное плавсредство, носилки и т. п. Из четырех плащ-палаток, к слову сказать, в полевых условиях легко и быстро собиралась стандартная пирамидальная палатка на четырех человек.

Пехотные лопатки – общей длиной полметра, прямоугольное стальное лезвие, рукоятка окрашена в черный цвет, – в общем, добротный немецкий довоенный стандарт.

Добротная немецкая вальтеровская ракетница в кожаной кобуре и с запасом разноцветных ракет – 12 штук в отдельной сумке.

Противогазы Сергей сразу выкинул за ненадобностью, ибо хорошо помнил, что в этой войне ни немецкие, ни наши войска боевые отравляющие вещества не применяли. А вот противогазные футляры оставил в качестве емкостей для хранения, сразу запихав туда противохимические накидки, представлявшие собой тканевые хлопко-вискозные полотнища размерами 1,5 на 2 метра со специальной нейтрализующей пропиткой, – наверняка пригодятся подстелить куда-нибудь или еще для каких целей.

Потом, уже совсем поверхностно, Сергей осмотрел непромокаемые прорезиненные плащи мотоциклистов, каски с защитными очками-масками и перчатки с раструбами-крагами и снова полез в коляску – потрошить ранцы.

Все три ранца порадовали запасными ботинками с шерстяными носками, сухарями, НЗ в виде мясных консервов, принадлежностями для чистки оружия, наборами для бритья и умывальными принадлежностями, а также сменным нижним бельем и наборами для шитья.

Помимо типового снаряжения пехотинцев с почивших мотоциклистов Сергею достались стандартный 6-кратный бинокль вермахта, фонарик с тремя светофильтрами, отличные швейцарские наручные часы (и еще двое часов похуже), три комплекта индивидуальных перевязочных пакетов (малый – длиной пять метров и большой – длиной семь). А также планшет с картой и полевым компасом в комплекте – настоящее богатство по нынешним временам. Черная кожаная сумка прямоугольной формы, разделенная внутри на два отделения. В одном из них, к своему вящему удовольствию и радости, Сергей обнаружил складной защитный целлулоидный чехол, а в нем – несколько немецких тактических средне- (1 : 100 000, 1 см = 1 км) и крупномасштабных (1 : 50 000, 1 см = 500 м) карт территории Белоруссии, участками от границы до Белостока.

Последняя находка порадовала особенно – теперь он мог определиться на местности.

Сориентировавшись по карте, Сергей понял, что он, как говорится «туда попал – куда надо попал». А попал он на территорию так называемого Белостокского выступа, почти в центр неправильного четырехугольника, ограниченного автомобильными и железными дорогами по линиям (от границы) Граево – Белосток – Гродно – Августов – Граево.

«Весело, – подумал Сергей. – Это значит, сейчас самое начало, наверное, первая неделя войны. Командование армий в панике дергает войска, связи и достоверных данных об оперативной обстановке нет, транспорта и снабжения нет. В моей реальности буквально через несколько дней, в конце июня, немцы окружили 3, 4 и 10-ю армии в Белостокско-Минском «котле» – первом «котле» этой войны. В результате сражения основные силы советского Западного фронта, раздерганные и вместе с потерей связи утратившие управляемость, оказались в окружении и были разгромлены, 28 июня немецкие войска взяли Минск.

В ходе наступления противник добился серьезных оперативных успехов: нанес тяжёлое поражение советскому Западному фронту, захватил значительную часть Белоруссии и продвинулся на глубину свыше 300 километров. Из состава 3-й армии были полностью разгромлены 4-й стрелковый и 11-й механизированные корпуса, в 10-й армии, самой мощной из трех, были уничтожены ВСЕ соединения и части армии! 8 июля 1941 года бои в Белостокско-Минском «котле» были завершены. По итогам боев немцами было взято в плен около 300 тысяч бойцов и командиров, в том числе несколько старших генералов, захвачено более 3000 танков, около 2000 орудий, порядка 250 неповрежденных самолетов и другие многочисленные военные трофеи. Безвозвратные потери советских войск составили 341 тысячу человек, плюс почти 77 тысяч раненых. Общие потери более 417 тысяч человек.

Сергей вспоминал подробности и обстоятельства возникновения Белостокско-Минского «котла» в его реальности, одновременно переодеваясь в немецкую форму. И почти уже закончил, но тут в глубине леса, с противоположного конца тропинки, послышался треск сучьев. Вскинувшись, он подхватил автомат и быстро залег за дерево на краю поляны – так, чтобы в случае стрельбы в направлении источника звука не повредить мотоцикл. Вскоре на поляну осторожно вышел пограничник в запыленной, щедро пропитанной потом и местами порванной гимнастерке с кубиком младшего лейтенанта в петлицах, с ручным пулеметом ДП-27 (Дегтярев пехотный) в руках. Увидев немецкий мотоцикл и разложенные возле него трофеи, пограничник замер, внимательно оглядывая поляну.

Сергей, из-за древесного ствола незаметно наблюдавший появление на поляне нового персонажа, вначале напрягся, – младший лейтенант НКВД приравнялся к старшему лейте-

нанту в армии, – неизбежно попытается командование на себя перетянуть, но, к своему облегчению, почти сразу вспомнил, что на погранвойска это не распространялось и старший по званию именно он.

Потом, пока пограничник обследовал глазами поляну, в голове у Сергея успели промелькнуть сразу две мысли.

«Ну вот, похоже, и экипаж мотоцикла появился – даже не ожидал, что так быстро».

И вторая.

«А вот с переодеванием в немецкую форму я, пожалуй, поторопился. Но сейчас уже ничего не изменишь, пора объявляться».

– Ты пулеметик-то, положи, – тихо, с интонациями товарища Сухова из фильма «Белое солнце пустыни», сказал Сергей. – Здесь чужих нет, все свои.

– Кто вы?! Назовите себя! – настороженно произнес младший лейтенант, быстро повернувшись на голос и поудобнее перехватив пулемет для стрельбы от пояса.

– Немецкий шпион, кто же я еще могу быть, – все так же тихо отозвался Сергей из-за дерева. – Шпиону вот помаленьку, вас дожидаюсь.

И потом добавил, уже чуть громче и злее:

– А то ты не знаешь, младший лейтенант, кто сейчас по лесам бродит, а кто по дорогам ездит.

Пограничник устало присел, но пулемет не опустил, а пристроил его на коленях все так же в готовности к открытию огня и спросил, чуть скосив глаза на мотоцикл.

– А это откуда?

– А это? Это немецкий патруль бдительность потерял, – ответил Сергей, в свою очередь, вставая и подходя к коляске.

– Вас там сколько идет?

В глазах пограничника вновь плеснулась подозрительность, но ничего ответить он не успел – раздвигая кусты малинника, на поляну начали выбредать усталые и грязные пограничники, четверо из которых несли на плечах носилки с раненым, а двое тащили винтовки СВТ – свои и остальных. Это они трещали сучками – сил выбирать, куда ставить ноги, уже не было. За ними был виден еще один пограничник, с ППД в руках и несколькими тощими вещмешками на плече. Увидев на поляне мотоцикл и незнакомца, все остановились и замерли. Немая сцена продолжалась несколько секунд, потом Сергей взял контроль ситуации в свои руки.

– Так, бойцы. Вон там лежат консервы и сухари, берите, открывайте, организуйте перекус. Что с раненым?

– Это наш командир заставы, контузило его сильно, – ответил младший лейтенант, в то время как остальные старались расположить носилки с раненым поудобнее.

– От самой границы в себя не приходит. Второй день уже.

«Значит, сегодня 23 июня 1941 года, – решил Сергей. – Надо же, к самому началу войны попал, как по заказу».

– Кто старший остался?

– Я старший. Младший лейтенант погранвойск НКВД Петров, Августовский погранотряд, – поднялся пулеметчик и с ожиданием уставился на Сергея, по-прежнему не выпуская из рук пулемет и держа его так, чтобы, лишь слегка повернув ствол, можно было прошить Сергея очередью.

«Ты погляди, – с восхищением подумал Сергей. – Усталые, грязные, голодные, второй день волокут на себе раненого командира, но оружия не бросили и не сломались, вон как остальные искоса зыркают, ожидая, чем разговор закончится. И винтовочки свои потихоньку уже разобрали, вроде как осматривают их, а сами по поляне рассредоточиваются. Пора, пожалуй, им свою легенду рассказывать, а то ведь птенцы Лаврентия Павловича могут и пристре-

лить на всякий случай, так сказать, для сокращения количества факторов неопределенности в окружающей обстановке».

– Лейтенант Иванов. Командир стрелкового взвода стрелковой роты 239-го стрелкового полка 27-й стрелковой дивизии. Дислоцировались возле границы, в районе населенного пункта Граево.

– А здесь как оказались? И почему один? – Петров все еще смотрел подозрительно.

– Дивизия 22 июня приняла бой с наступающими немецкими войсками, понесла большие потери от артиллерийского огня и бомбежек. Потом, под угрозой окружения, отступала в направлении Сокулки. Часть подразделений, включая мой взвод в составе стрелковой роты, командование направило для атаки Домброво, занятого немецкими войсками. Двигались пешим маршем, по пути ротную колонну разбомбила авиация противника. Я был контужен, когда очнулся – вокруг только трупы. Наверное, выжившие бойцы сочли и меня мертвым, поэтому оставили на месте бомбежки. Двинулся по какой-то проселочной дороге в сторону Домброво, хотел догнать своих бойцов. По пути встретил немецкий мотоциклетный дозор, они возле реки отдохнуть решили. Ну, я и помог им... отдохнуть навечно. А мотоцикл и остальное забрал – им-то уже не нужно. Вон, даже курочка от них досталась – слегка недожаренная, правда – так что милости просим всех к столу.

Младший лейтенант Петров, кажется, поверил Сергею – во всяком случае, пулемет он опустил, а его усталые и голодные пограничники с удовольствием потянулись к еде.

Глава 2

После короткого перекуса, когда остальные пограничники перематывали портянки, оправлялись и делали еще много всяких мелких дел, которые накопились за время изнурительного перехода, младший лейтенант Петров культурно примостился рядом с Сергеем и тихо сказал:

– Командир совсем плох, боюсь, не доживет до врачей. Может, на мотоцикле быстрее будет? Помочь можете, товарищ лейтенант?

Сергей задумался. Командир заставы вторые сутки не приходит в сознание, – значит, контужен сильно и к врачам его действительно надо побыстрее. Но при этом транспортировать нужно бережно, на боку, чтобы в случае тошноты не захлебнулся рвотными массами, а в мотоцикле его на бок не положишь, да и при движении сильно растрясет, – как бы хуже не вышло. Но решать с транспортировкой все равно что-то надо, иначе командир нежилец.

Что решать? До ближайшего госпиталя в Домброво километров тридцать пять, но там, скорее всего, либо уже немцы, либо бои за город, так что этот вариант отпадает. Попробовать отвезти в Сокулку? Там перед войной была дислоцирована 33-я танковая дивизия 11-го механизированного корпуса. А это по штату: два танковых полка; мотострелковый полк; гаубичный артиллерийский полк; разведывательный батальон; отдельный зенитно-артиллерийский дивизион. Серьезная сила, с такой силой можно мощную оборону построить. Особенно с учетом использования в этой обороне отступающих от границы к Сокулке частей и подразделений. Да и дивизионный медико-санитарный батальон тоже там расположен – вот туда контуженого командира заставы и повезем. А повезем мы его на чем?..

– Значит, так, товарищи пограничники, – озвучил для всех присутствующих плоды своих размышлений Сергей. – Командира вашего на мотоцикле не довезем – помрет. Нужна машина, лучше грузовая, и везти его нужно в лежачем положении, причем на боку – чтобы рвотой не захлебнулся. Вам, кстати, сильно повезло, что его не затопило, пока вы его на носилках тащили – нельзя контуженых так транспортировать. Повезем в Сокулку, там дивизионный медсанбат должен быть, а вот немцев и боев за населенный пункт еще не должно быть, так что есть шанс спокойно доехать. Теперь по транспорту. Судя по карте, километрах в десяти переkre-

сток шоссейных дорог. Вот там будем добывать для вашего командира транспорт. Вопросы? Нет вопросов? – Тогда: бойцы, кто из вас умеет водить автомобиль?

Как оказалось из восьми пограничников водить автомобиль умели трое, а мотоцикл все – прошли обучение во время службы. Сергей в очередной раз мысленно сплюнул. Ведь смогли в НКВД организовать подготовку личного состава срочной службы по различным специальностям, в том числе нужным потом на «гражданке», почему же в РККА такой жуткий бардак с обучением устроили? Да еще перед самой войной...

Сергей злился, хотя и сам прекрасно знал – почему. В той жизни читал в Интернете, что в СССР, согласно переписи населения 1937 года, проживало почти 30 миллионов неграмотных граждан возрастом старше 15 лет, а это почти 20 % всего населения! В 1939 году только около 8 % населения СССР имели образование 7 классов и больше, а высшее образование имели меньше одного процента! У мужчин возраста 16–59 лет эти показатели были чуть выше – соответственно 15 % и 1,7 % – но все равно были недопустимо низкими. До Великой отечественной войны две трети населения СССР проживало в сельской местности, уровень образования и навыков обращения с техникой призывников из сел и деревень в подавляющем количестве случаев был удручающе низок. В большинстве своем до прихода в армию они никогда не пользовались даже велосипедом, а некоторые о нем никогда не слышали! Так что, говорить об опыте вождения мотоцикла или автомобиля вообще не приходилось.

«И вот с такими солдатами, необразованными и технически неграмотными, наш народ сумел выстоять, а потом сломать и уничтожить великолепно образованную, технически подготовленную, отлично вооруженную и снаряженную немецкую армию, – вдруг успокоился Сергей. – Правда, и цена победы в человеческих жизнях оказалась непомерно высока. Но ничего, я теперь здесь все силы приложу, чтобы соотношение потерь изменилось».

– Младший лейтенант Петров! Ты, я вижу, пулеметчик. Надень сверху немецкий плащ и каску с очками, в коляске за пулеметом поедешь. Кто лучше всех водит автомобиль – третьим с нами на мотоцикл, сядешь за мной. Надень немецкую форму и возьми автомат. Остальные, наломайте веток и, когда мы уедем, заметите следы от колес. Потом один в дозор, остальные достаньте из моего вещмешка патроны и набейте сменные магазины к «светкам» и «дегтярю». Потом возьмите пехотные лопатки, вырубите просеку, чтобы грузовик можно было загнать хотя бы метров на сто, и приготовьте ветки для его маскировки.

Сам Сергей повесил на шею второй автомат, уселся за руль мотоцикла и на малом газу вывел его на дорогу. До перекрестка доехали минут за двадцать, никого по дороге не встретив. Собственно, на это Сергей и надеялся. Клинья вермахта сейчас рвутся от Гродно и Бреста частью на Минск, а частью к Белостоку, готовя окружение, на второстепенных направлениях их сейчас еще не так много. Но за пару километров до перекрестка остановился, опять загнал мотоцикл в подлесок и отправился с пограничниками к перекрестку. По пути объяснил свою идею и расстановку сил.

– Если на перекрестке пост, постараемся снять его без особого шума. Потом ждем одиночный автомобиль, лучше грузовик без тента на кузове или легковушку. Когда такой появится, я его остановлю. Если это грузовик, я беру на себя тех, кто в кабине, вы двое в кузов с разных сторон. Если в кузове никого, быстро ко мне, оттаскиваем трупы. Если в кузове кого найдете – трупы оставите там, потом ты, младший лейтенант, остаешься в кузове, а водитель ко мне. Именно поэтому будем дожидаться грузовик без тента, а то в кузове можно нарваться на полувзвод немецких солдат и смертельно удивиться. Если это легковушка, то я ее оставлю, вы атакуете с двух сторон чуть сзади, офицера постарайтесь взять живым. Трупы оставляем в машине, сами в нее. Отъедем подальше – общем, – закончил инструктаж Сергей, заметив, как переглянулись между собой пограничники, уважительно глянув на него.

Перекресток порадовал тем, что поста на нем не было, а движение было, причем довольно интенсивное. Но достаточно долго ничего подходящего не попадалось – шли армей-

ские колонны с охранением из мотоциклов с пулеметами. Наконец, ближе к вечеру, на дороге появился одиночный грузовик «Опель-Блиц» – стандартная трехтонка, рабочая лошадка и самый массовый грузовик немецкой армии (за период с 1937 по 1944 год только для немецкой армии их было изготовлено более 70 тысяч!). Простая, неприхотливая и надежная машина – как раз то, что сейчас нужно для перевозки контуженого командира заставы.

Увидев, что кузовной тент сложен и из просматриваемого кузова не торчат головы немецких солдат, Сергей вышел на дорогу метрах в десяти от перекрестка и замахал руками. Автомат висел у него на груди, а свой пистолет он заранее сунул сзади за ремень. Опель остановился метра за три до Сергея, и водитель, который в кабине был один, не глуша мотор, высунулся в окно, что-то дружелюбно забормотав по-немецки. Сергей, не переставая улыбаться, быстро сделал пару шагов к кабине и чуть в сторону, опуская руки, затем выхватил из-за спины ТТ и выстрелил водителю в голову, краем глаза заметив, что Петров уже запрыгнул в кузов с его стороны. Почти тут же высунувшись из кузова, пограничник выдохнул:

– Никого, командир.

– Отлично, ты в кузове, водителя давай за руль, я в кабину с ним рядом.

Распоряжаясь, Сергей одновременно открыл водительскую дверь, подхватил выпадающий труп водителя, стараясь при этом не вымазаться в его крови, и оттащил тело через дорогу на обочину. Потом наскоро обыскал, забрал документы, разную мелочевку типа зажигалки, карманного зольдинговского многолезвийного ножа и наручных часов, а затем, снова перебежав дорогу, запрыгнул в кабину, где за рулем уже осваивался водитель-пограничник, после чего опель тронулся, свернул с шоссе на проселок и запылил по проселку к месту, где они оставили мотоцикл.

Возле мотоцикла остановились, не выключая двигатель, и Сергей заглянул в кузов, уткнувшись в довольную улыбку младшего лейтенанта Петрова. Тот за время пути от перекрестка до мотоцикла успел пошарить в ящиках, что были в кузове, и с ходу зачастил:

– Командир, вон в тех в ящиках два новых пулемета, еще в заводской смазке, станки и патроны к ним, в этих ручные гранаты, там – мины, противопехотные и противотанковые. В этих ящиках продовольствие: консервы, крупы, еще какие-то упаковки – я не понял.

Скорее всего, им попался интендантский грузовик ротного снабжения вермахта, который спешил в свою наступающую роту со склада снабжения, поэтому и был один.

– Это мы удачно зашли, – непонятно для пограничника пробормотал Сергей, забравшись в кузов и увидев, что, помимо всего того изобилия нужных и полезных вещей, которое так порадовало младшего лейтенанта, в кузове возле кабины на специальных подставках уложена двухсотлитровая бочка с бензином, причем, судя по звуку при простукивании, почти полная. Рядом были аккуратно закреплены ручной насос для перекачки бензина из бочки в канистры и лейка для заливки в бак. А это, вкуче с двумя запасными канистрами, (на опеле и на цюндаппе), обеспечит отличный запас хода не только их новому приобретению, но и трофейному мотоциклу (немецкий бензин имел более высокое октановое число, и заливать вместо него наш было бы очень бесполезно для моторов).

– Ладно, лейтенант, – для ускорения процесса отдания команд чуть повысил Петрова в звании Сергей. – Более подробно потом все осмотрим и подсчитаем. А сейчас ты давай снова лезь в мотоцикл, к пулемету. Я сяду за руль, а опель пойдет вслед за нами. – Все, поехали.

До поляны в лесу, где оставили командира заставы и остальных пограничников, доехали, по-прежнему никого не встретив. Дозорный показал, куда загнать грузовик, после чего общими усилиями замели ветками следы и замаскировали машину. Мотоцикл закатали чуть дальше, после чего дозорный остался, а остальные направились на поляну, захватив с собой консервы, так удачно оказавшиеся в кузове опеля.

Там Сергей, которого пограничники уже воспринимали как командира, предложил свой план дальнейших действий.

– Ну что, бойцы, – транспорт у нас теперь есть. Командира вашего предлагаю везти ночью – немцы сейчас ночью не ездят, и на дорогах будет свободно. Остаются, правда, патрули, но я планирую ехать проселками и надеюсь, что их там не будет. Ну, а если будут – тем хуже для них. Поэтому вы все сейчас ужинаете и пару часов отдыхаете, а я пока на грузовике съезжу к месту гибели моего взвода, соберу оружие и боеприпасы, которые там спрятал. Только мне в помощь еще один боец нужен будет.

В помощь вызвался младший лейтенант Петров – как догадывался Сергей, чтобы проверить место и окончательно подтвердить или опровергнуть свои подозрения. Отнесся к этому спокойно – тут уже ничего не поделаешь, это у сотрудников НКВД типа рефлекса – всегда все до последней возможности проверять (кстати, очень полезная привычка, по мнению Сергея). Прибыв на место и убедившись, что Сергей не соврал насчет гибели под бомбами маршевой колонны советской пехоты, Петров, похоже, окончательно разрешил все свои сомнения в отношении лейтенанта Иванова в пользу последнего, после чего активно включился в погрузку. Пользуясь тем, что теперь их двое и у них есть грузовик, Сергей с Петровым погрузили в кузов не только наспех собранные и спрятанные СВТ и патроны, но и вообще все, что можно было собрать и забрать. То есть все винтовки, все патроны к ним, в первоначальной спешке не замеченные Сергеем, шинели, ремни, сапоги и вообще все, что можно было собрать из обмундирования, пехотные лопатки, каски, фляги и прочее снаряжение. Еще собрали все вещмешки, в том числе полупустые и не содержащие в себе ничего полезного, кроме собственно самих мешков.

Пока собирали и грузили, познакомились поближе – младшего лейтенанта Петрова звали Игорем, и он оказался простым в общении парнем, без того часто встречающегося высокомерия и снобизма, присущего сотрудникам НКВД, причем особенно сотрудникам низкого ранга. Разговорились, Петров все выспрашивал подробности реквизиции немецкого мотоцикла, и Сергей охотно отвечал на вопросы. Потом Игорь удивился, мол, зачем собирать пустые и бесполезные вещмешки. И Сергей объяснил, какой полезной вещью может оказаться вещмешок или любой другой мешок, набитый землей. Из пары таких мешков можно быстро соорудить импровизированный бруствер для защиты от вражеского огня, а из большого количества мешков – быстровозводимое укрытие от пуль и осколков или пулеметное гнездо. Или, к примеру, можно еще технику ими обкладывать – для создания полузакрытых позиций и усиления защиты, а также для орудий и минометов защитные укрытия делать. В общем, много чего придумать можно. Судя по задумчивому лицу Игоря, для него все то, что рассказал Сергей, было открытием.

«Конечно, для молоденького младшего лейтенанта, пусть и имеющего кое-какую подготовку, это новая информация, – с досадой констатировал Сергей. – Да и откуда? Боевой опыт и тактические наработки Первой мировой, особенно в области построения обороны, у среднего и старшего комсостава присутствует в крайне ограниченном объеме, потому что, во-первых, мы отринули буржуазных офицеров и военспецов, а во-вторых, оборона вообще в нашей военной доктрине не в чести. Ну а уж младший-то комсостав – кто его этому обучать стал бы? Ну, что же, значит, буду обучать я».

Вернувшись, Сергей довел до немного отдохнувшего личного состава старую армейскую истину, что самый лучший отдых – это смена занятия, после чего засадил пограничников за чистку и смазку всех имеющихся в наличии СВТ (для «светок» чистка и грамотная смазка вообще никогда лишними не бывают). А сам, вместе с младшим лейтенантом Петровым и двумя бойцами, со слов Петрова, имеющими понятие о стрельбе из пулемета, отправился назад, к опелю, в кузове которого их ждали два новых полнокомплектных МГ-34 в консервационной смазке.

В процессе проведения расконсервации, Сергей попутно обучил всех троих разборке, сборке и смазке МГ-34, замене ствола в боевых условиях, ну, и кое-что из теории пулеметной

стрельбы тоже разъяснил, в том числе приемы и особенности стрельбы с зенитного станка по воздушным целям. Благо, сам он за время службы «в той жизни» настроился вволю из самых разных пулеметов, от ручных до крупнокалиберных и от танковых до зенитных. Последнее, что сделали под конец обучения, так это собрали и закрепили в кузове опеля, возле кабины, один из двух доставшихся вместе с пулеметами зенитный станок. И установили на него только что смазанный, полностью готовый к бою пулемет – в качестве аргумента для немецкой авиации или встреченных на дороге немецких патрулей.

Наконец, первый для Сергея и очень длинный, насыщенный событиями день его «новой жизни» в другом времени подошел к концу – сгустились сумерки, все было готово к выезду. Контуженого командира, так и не пришедшего в сознание, разместили в кузове опеля с максимальными удобствами: на боку, на мягком ложе из шинелей и травы. Сергей ехал впереди на мотоцикле, с ним в коляске, за пулеметом, Петров. Два новых пулеметчика обеспечивали оборону в кузове, один впереди, за МГ-34 на зенитном станке, второй стерег тыл у заднего борта, сменив для удобства МГ-34 на более легкий ручник ДП-27. Остальные разместились в кузове и кабине опеля.

Поначалу, в целях обеспечения максимальной скрытности, ехали, а скорее ползли, по проселочным дорогам в режиме светомаскировки, почти на ощупь, часто останавливались, слушали тишину и снова ползли. Промучившись так почти полночи, Сергей ясно понял, что в таком темпе доехать до Сокулки к утру они точно не успеют. Незнакомая дорога, сложности с определением направлений и расстояний, мест поворотов. После чего плюнул на скрытность и решил для себя, что, если кто не спрятался, так он не виноват. Вывел свою маленькую колонну на шоссе, отдал пулеметчикам в кузове команду «если что, делать как я», а сам врубил фару мотоцикла на полную мощь и на приличной скорости нагло понесся к своей цели, готовый в любой момент давить массивным пулеметным огнем любую помеху на пути. То ли его наглая тактика сработала, то ли просто повезло, но доехали без приключений, так никого на ночной дороге и не встретив.

К Сокулке подъехали как раз на рассвете, и Сергей остановил колонну за полтора-два километра, возле небольшого перелеска, что с одной стороны подходил к дороге почти вплотную. С другой стороны от дороги имелся только небольшой кустарник, а за ним простирался то ли широкий травяной луг, то ли чем-то засеянное поле, – Сергей в этом не разбирался, – в общем, открытое пространство. Сам город и его железнодорожная станция, помимо лучей встающего рассветного солнца, были дополнительно освещены огнями пожаров, скорее всего после бомбежки, которые не успели или не смогли потушить.

«Соваться сейчас в город на немецкой технике – не самая лучшая идея, – решил Сергей. – «Мама» не успеешь сказать, как из всех стволов встретят. Но контуженый совсем плох, все-таки растрясло его по дороге. Надо срочно что-то решать...»

– Вот что, бойцы, берите носилки и плавно тащите командира к городу. К оборонительным постам подойдете уже по светлomu, там должны помочь его в госпиталь определить. Младший лейтенант Петров, ты с ними пойдешь, старшим. Плащ и каску немецкие сними, на постах сейчас бойцы нервные. Мне оставьте одного бойца, мы с ним тут пока технику замаскируем и оборону займем.

– И вот еще что, Игорь, – отвел того чуть в сторону Сергей. – Вас там, скорее всего, сразу к особисту поведут – так ты еще перед допросом расскажи ему, что мы тут остались немецкую технику стеречь, пусть кого-нибудь для сопровождения пришлет, чтобы ее на въезде в город не расстреляли. И еще скажи, что технику лучше отсюда забрать побыстрее – неизвестно, когда тут немецкая разведка может появиться.

С Сергеем остался боец, который вел «Опель-Блитц» ночью. Вдвоем они споро вырубали пехотными лопатками кустарник и молодые деревца на обочине дороги со стороны леса, чтобы получился карман, загнали туда грузовик и замаскировали его срубленными деревьями.

Мотоцикл в лес загонять не стали, только закатали в кусты и тоже замаскировали ветками. Затем стали готовить оборонительные позиции. Поскольку оставшийся с ним боец пулеметчиком не был, оба пулемета – для себя и для него – Сергей достал из кузова и расположил рядом, в лесу за придорожными кустами, на расстоянии примерно пяти метров друг от друга и метрах в двадцати от грузовика в сторону возможного появления немцев. Пулемет со «своего» мотоцикла трогать не стал – вдруг особысты проканителются, а немцы, наоборот, поспешат, и тогда, в зависимости от обстоятельств, возможно, придется на нем в темпе удирать, бросив тут все остальное. Пока готовили позиции, провел с бойцом краткий ликбез на тему «что такое пулемет вообще и как конкретно из него стрелять надо». Потом Сергей переоделся обратно в свою форму лейтенанта РККА и с биноклем залез на дерево, ждать, гадая при этом, кто появится раньше – наши или немцы.

И хотя Сергей очень надеялся, что первыми появятся все же наши, после чего «Опель-Блиц» можно будет спокойно гнать в город, его надеждам не суждено было сбыться. Только-только рассвело полностью, как на Сокулку волнами пошли немецкие бомбардировщики, а затем, около 8 утра, на дороге послышался треск мотоциклетных моторов, и чуть позже Сергей разглядел в бинокль довольно резвый передовой немецкий дозор в составе трех мотоциклов с пулеметчиками в колясках.

«Хорошо, что без броневика, – с облегчением подумал Сергей. – А то бы мы тут и остались, либо действительно пришлось бы все бросать и бежать. Однако теперь со всей остротой возникает вопрос, подкупающий своей новизной – что делать? Мотоцикла три, пулемета в них тоже три, а нас только двое. Можно, конечно, все бросить и отступить, но это как-то не комильфо. Да и немцев живыми отпускать что-то очень не хочется. Ладно, будем считать, что фактор внезапности уравнивает шансы, а еще, что, как говаривал незабвенный Александр Васильевич Суворов, “смелость города берет”».

Быстро скатившись с дерева и поудобнее устраиваясь за пулеметом, Сергей торопливо довел своему напарнику новости, диспозицию и последние инструкции.

– Боец, стрелять начнешь только после меня. Твой мотоцикл головной, потому что дистанция до него будет ближе всего. Стреляешь сначала в пулеметчика и только потом в водителя. Как стрелять, помнишь? Хорошо, что помнишь. Постарайся не повредить мотоцикл. И главное – не спеши, целься тщательнее, спусковой крючок не рви, тогда все у тебя получится.

Сергей дождался, пока головной мотоцикл приблизится примерно на сто пятьдесят метров, после чего двумя короткими очередями упокоил обоих пулеметчиков в двух последних мотоциклах и перевел прицел на водителей. Первого из них снял чисто – тот аккуратно выпал на дорогу, и его мотоцикл, плавно сбрасывая скорость, покатился дальше самостоятельно. А второй водитель успел пригнуться к рулю и попытался развернуть мотоцикл на полной скорости. В результате этого смелого маневра мотоцикл предсказуемо пошел кувырком, слетел с дороги и заглох, застряв в кустарнике на обочине. Сергей, с сожалением проводив взглядом скорее всего испорченную технику, воткнул туда, где из-за лежащего на боку мотоцикла торчали ноги водителя, пару коротких очередей и кинул взгляд на первый мотоцикл. Боец со своей задачей справился успешно – пулеметчик был убит, а водитель, видимо, тяжело ранен, потому что упал грудью на руль мотоцикла и перестал им управлять, после чего мотоцикл плавно свернул с дороги и мягко уперся в кусты, урча двигателем на малых оборотах.

– Лови второй мотоцикл, – крикнул Сергей бойцу, а сам, выхватывая из кобуры свой ТТ, бросился к убитым немцам – окончательно завершить процесс перехода живой материи вражеской армии в неживую.

Тяжелораненый водитель первого мотоцикла был явно не жилец, а вот резвый немец, который кувыркался на последнем мотоцикле, на удивление оказался жив, только получил ранение бедра, и, когда Сергей, «проконтролировав» остальных, подбежал к нему, уже вяло шевелился, пытаясь перевернуться на живот и отползти от мотоцикла в сторону поля. Сергей

помог резвому и удачливому немцу перевернуться на живот, связал руки за спиной его же ремнем, затем перетянул рану на бедре ремнем его мертвого товарища-пулеметчика. Потом оттащил от мотоцикла, но не в поле, а, наоборот – к дороге, пристроив на ее обочине.

– Молись, фашист проклятый, чтобы наши раньше, чем ваши, подъехать успели, – сказал немцу, не особо надеясь, что тот поймет. – Если успеют – тогда плен. Ну, а если не успеют, – значит, не судьба, – грохнем тебя при отходе.

Немец в ответ что-то забормотал по-своему, но Сергей не стал его слушать – все равно немецкого языка не знал. Однако, отходя, мысленно сказал сам себе, что это непорядок и язык противника надо бы подучить, хотя бы в объеме, необходимом для полевого допроса. Ладно – это сейчас не главное. А главное для нас сейчас – это трофеи.

Вдвоем с бойцом они подогнали к грузовику и заглушили два неповрежденных мотоцикла, затем вытащили из кустов кувыркнувшийся туда третий, и сняли с него пришедший в негодность пулемет. Сам мотоцикл, к удивлению и радости Сергея, почти не пострадал, легко завелся и бодро затарахтел на холостых оборотах. Сергей подогнал его к остальным мотоциклам, заглушил двигатель и, в наступившей тишине снова услышал шум мотора, на этот раз со стороны Сокулки. Шум создавали советский пушечный броневедомитель БА-10 и шедшая за ним «полупанк» ГАЗ АА с бойцами в кузове.

– Ну, вот и помощь подоспела.

Глава 3

Маленькая колонна подъехала и остановилась возле трофейной техники. Первым из кузова полупанки, еще на ходу, выскочил и подбежал к Сергею младший лейтенант Петров со своим неизменным ДП на ремне за плечом.

– Успели, товарищ лейтенант, в госпитале врачи сказали – раз до сих пор не умер, то жить будет.

Затем, с восхищением осматривая картину «мотоциклетного побоища», Петров отошел к своему бойцу, выяснять подробности боя.

А из кабины остановившейся полупанки, не особо торопясь, вылез военный со знаками различия военно-политического состава и с ромбом в петлицах. Отойдя на пару шагов в сторону, он тоже первым делом стал осматривать место боя, причем, несмотря на его бесстрастное выражение лица и сдерживаемые эмоции, все же можно было рассмотреть, что увиденное его впечатлило. Вслед за ними из кузова выпрыгнули и пристроились рядом еще двое, тоже в форме политруков, но со шпалами в петлицах.

«Ну вот, кажись, особый отдел по мою душу пожаловал, – подумал Сергей, который знал, что перед войной сотрудники особых отделов в своей работе использовали форму, знаки различия и звания политсостава. Ничего себе, ромб в петлице – целый бригадный комиссар (он же майор госбезопасности) пожаловал, со свитой. Неужели сам начальник особого отдела дивизии?»

Думая так, сам Сергей в это время подбежал и представился главному особисту.

– Бригадный комиссар Трофимов, начальник особого отдела 33 танковой дивизии, – подтвердил тот предположение Сергея. – Лейтенант, доложите обстановку.

– Слушаюсь, товарищ бригадный комиссар! Только что, менее пятнадцати минут назад, внезапным огнем из засады, из двух пулеметов, нами был уничтожен передовой мотоциклетный дозор в составе шести мотоциклистов на трех мотоциклах с пулеметами. Два мотоцикла и их пулеметы не повреждены, третий мотоцикл имеет легкие повреждения, но на ходу, его пулемет сильно поврежден и к стрельбе не пригоден. Пять мотоциклистов убиты, шестой ранен, но пригоден для допроса, – он вон там, возле кустов лежит, – затараторил Сергей. – Докладываю по обстановке. Учитывая появление немецкого дозора, существует вероятность, что

скоро здесь появятся основные силы немцев. До этого момента хорошо бы успеть эвакуировать технику. Водитель грузовика со мной, нужны водители на мотоциклы. Кроме того, было бы неплохо собрать с убитых оружие, форму и снаряжение – это все потом может пригодиться.

Начальник особого отдела дивизии в первые секунды доклада Сергея даже слегка опешил от его напора, но тут же собрался и отдал нужные приказы. Бойцы под руководством двух его помощников посыпались из кузова и разбежались в разные стороны, выстраивая технику в колонну для следования в Сокулку. Сам Трофимов, переходя с места на место, продолжил осматривать поле боя. А Сергей, временно оставленный в покое, отошел чуть в сторону и там внимательно осматривал средний пушечный броневедомитель БА-10, точнее, его последнюю модификацию БА-10М, с вынесенными наружу и забронированными баками, о котором раньше так много читал. И попутно лихорадочно обдумывал идею, которая крутилась у него в голове с того самого момента, как он увидел этот броневедомитель.

БА-10 был самым массовым советским броневедомителем довоенной постройки, серийно производился с 1938-го по август 1941 года, и за этот период было собрано более трех тысяч этих, по личному мнению Сергея, очень неплохих боевых машин. Имея боевую массу чуть более пяти тонн, этот трехосный броневедомитель с двумя ведущими задними мостами развивал на шоссе скорость до 50 км в час, при этом отличался хорошей проходимостью по пересеченной местности и бездорожью, чему эффективно помогали его низко подвешенные и свободно вращающиеся запасные колеса. Проходимость изрядно увеличивали также возимые снаружи на броне специальные гусеничные ленты, которые при необходимости надевались на задние колеса броневедомителя.

В качестве основного вооружения БА-10 имел 45-мм пушку 20К (образца 1934 года) и спаренный с ней 7,62-миллиметровый пулемет ДТ, установленные в двухместной башне. Пушка служила для борьбы с бронетехникой противника, причем для тридцатых годов, когда эта пушка создавалась, ее бронепробиваемость была более чем достаточной. На расстоянии в полкилометра снаряд, выпущенный из этой пушки, мог пробить 43-миллиметровую броню (по нормам). В комплекте снарядов пушки имелись также 45-миллиметровые осколочные гранаты для борьбы с пехотой противника, причем эти осколочные гранаты при взрыве давали до ста осколков, которые при разлете сохраняли свою убойную силу на пять-семь метров в глубину и до пятнадцати метров по фронту.

В общем, по совокупности характеристик отличная для своего времени колесная бронированная машина, способная эффективно выполнять боевые задачи. При условии грамотного боевого применения и использования в соответствии со своим предназначением, конечно. А вот с этим как раз наблюдались большие проблемы.

БА-10 достаточно успешно применялся советскими войсками в боях на Халхин-Голе, во время зимней войны с Финляндией, а также практически на всем протяжении Великой Отечественной. При этом, по опыту и результатам боевого применения броневедомителя еще в боевых действиях на Халхин-Голе, было отмечено, что эта бронемашинка не очень эффективна против танков в открытом либо встречном бою, но превосходит по боевой эффективности танки при ведении боя в обороне с полужакрытых позиций либо из засад.

Но, как это обычно и бывает, высокие чины от полученных результатов боевого применения просто отмахнулись, и бронемашинки, с их более слабым бронированием, в тактических схемах боя продолжали использоваться в качестве «танков на колесах», в результате чего большинство их было потеряно в первые месяцы войны. А Сергей сейчас собирался использовать этот пушечный броневедомитель самым эффективным способом – для засады и ведения огня с полужакрытой позиции.

Увидев, что Трофимов закончил осмотр поля боя и направляется к нему, – явно с новыми вопросами, – Сергей решил перехватить инициативу.

– Товарищ бригадный комиссар! Как вы отнесетесь к тому, чтобы здесь чуть задержаться и слегка повоевать, с целью уничтожить еще немного немцев?

И, поймав вопросительно-заинтересованный взгляд особиста, продолжил:

– Вот, сами посмотрите: у нас здесь и сейчас есть хороший пушечный броневедомитель. Загоним его в лес задним ходом на место опеля, хорошенько замаскируем – вот вам и защищенная противотанковая огневая точка. Далее – снимем пулеметы с нашего и с только что захваченных мотоциклов, в дополнение к тем двум, из которых сейчас немецкий дозор уничтожили, – всего пять МГ-34 получится. А это, учитывая их высокую скорострельность, даст нам очень приличную плотность огня. И еще – в кузове трофейного опеля есть несколько ящиков мин, в том числе противотанковые. Устроим минную ловушку для бронетехники, а потом будем расстреливать остальных из пушки и пулеметов. Должно получиться!

А сам Сергей при этом подумал, что, может быть, после совместного боя отношение к нему со стороны начальника особого отдела станет более дружественным. Ну, или менее подозрительным – это тоже неплохо будет.

Бригадный комиссар пару секунд подумал, внимательно посмотрел на Сергея и сказал:

– Командуй, лейтенант!

– Слушаюсь, товарищ бригадный комиссар! – ответил Сергей, после чего, не теряя времени, принялся раздавать команды и указания.

– Младший лейтенант Петров!

– Я!

– Возьми людей, собери все немецкие пулеметы и готовь для них огневые позиции по обеим сторонам дороги. На той стороне, где леса нет, готовьте не менее двух запасных позиций на каждый пулемет. Сам определи пулеметчиков, назначь секторы стрельбы, очередность открытия и последовательность переноса огня по фронту и в глубину. Задача – не дать пехоте противника развернуться для боя. Выполняй, времени у тебя, как мне кажется, не так много. Да, и еще. Вот, возьми бинокль и загони с ним вон на то дерево самого глазастого бойца, в качестве наблюдателя.

Сам Сергей бросился к броневедомителю и стукнул кулаком по броне.

– Сержант Гаврилов! – козырнул высунувшийся из башенного люка боец с петлицами бронетанковых войск.

– Сержант, ты видел, где грузовик стоял? Отлично, загоняй туда задним ходом свою броню, причем так, чтобы дорогу на полкилометра простреливать мог, затем маскируйте ее срубленными деревьями и ветками, – ну, ты видел, как мы грузовик укутали. Стрелять начнешь, когда головная немецкая броня на mine подорвется. Потом вся их бронетехника твоя, постарайся не промахиваться. И вот еще что, сержант. В кузове опеля свалены пустые вещмешки. Возьмите сколько нужно, плотно – я подчеркиваю, плотно – набейте землей, и выложите перед машиной полукруглый бруствер, чтобы только башня торчала. Это для твоей бронемашинки и защита дополнительная, и маскировка.

Убедившись, что сержант понял все его указания правильно и их самая сильная боевая единица теперь не только хорошо замаскирована, но и дополнительно прилично защищена, Сергей с легким сердцем и все более крепнущим ощущением удачного завершения предстоящего боя, принял личное участие в оптимизации окружающего ландшафта. То есть лично установил и замаскировал на дороге, метров за четырехста до огневых позиций засады, пять немецких противотанковых мин, в шахматном порядке, по всей ее ширине. Хороших, мощных немецких мин для немецких захватчиков.

Потом проконтролировал, как окопались бойцы, как расставлены пулеметы, внес несколько изменений и уточнений, оформил младшему лейтенанту Петрову животворящего командирского пинка за некоторую небрежность при подготовке позиций. После чего вернулся на свою огневую позицию к пулемету.

Бригадный комиссар Трофимов за то время, пока Сергей готовил засаду, по радиации, установленной в броневике, связался со штабом дивизии и обрисовал обстановку. Потом отправил трофейные мотоциклы и пленного с одним из своих помощников в Сокулку, организовал маскировку опеля и полуторки, которые его бойцы перегнали по дороге метров на шестьсот назад, ближе к городу. Сам Трофимов взял СВТ Сергея и тоже залег в кустарнике, рядом с ним. И сразу спросил, откуда это лейтенант Иванов знает, как из мешков с землей различные защитные элементы на поле боя строить?

Сергей, не ожидавший, что его начнут потрошить прямо сейчас, под пронзительным взглядом особиста немного растерялся и сказал правду. Что, мол, это же вариант старых добрых габионов – фортификационного, а позже инженерного сооружения. Их еще со времен наполеоновских войн используют для быстрого создания укреплений. Тогда габион представлял собой плетеную корзину, наполненную землей. Из таких корзин воздвигали оборонительные сооружения, ими же обкладывали орудийные расчеты. Подобное укрепление габионами применялось и русскими войсками, в крымскую и русско-турецкую войну. Позднее, в Первую мировую войну, для этих же целей стали использовать специально пошитые мешки, которые набивали землей или песком и потом использовали как элементы создания защитных укреплений. У немцев, вон, даже в Наставлении от 1912 года был описан способ усиления защитных свойств стрелковых окопов от ружейно-пулеметного огня и от шрапнели противника при помощи мешков с песком, а также были указаны способы и порядок их укладки.

Трофимов выслушал, хмыкнул и вернулся к наблюдению за дорогой, а Сергей подумал, что идея с ходу завязать более дружественные отношения с начальником особого отдела дивизии, пожалуй, не так уж и хороша – больно он цепок к деталям. Но что сделано, то сделано – уже не исправишь.

Немцы не особо спешили и появились в пределах видимости около 10 часов утра, когда все уже извелись в ожидании. Впереди, примерно в ста метрах от основной колонны, шел авангард из пары мотоциклов с пулеметами. В голове колонны, как и рассчитывал Сергей, пылили друг за другом два немецких легких танка Т-2 с 20-миллиметровыми автоматическими орудиями, за ними шел открытый сверху полугусеничный бронетранспортер с рамочной антенной и двумя пулеметами МГ-34, установленными впереди и сзади. Следом шли десять грузовиков «Опель-Блитц» с закрытыми брезентовыми тентами кузовами.

Сергей по собственному немалому опыту знал, что все планы боя идеально выполняются только до начала боя, а потом неизбежны случайности и непредсказуемые действия противника, поэтому, при виде немецкой колонны, его охватило нешуточное волнение. Все-таки первый в его новой жизни серьезный бой.

Но засада удалась идеально. Головная «двойка» удачно напоролась гусеницей на мину и встала, чуть развернувшись и подставив борт, в который тут же поймала броневой снаряд из пушки броневика. Вторая «двойка» попыталась объехать ее и тоже поймала в борт снаряд, да так удачно, что после этого сразу загорелась и чуть позже взорвалась – вероятно, от детонации боекомплекта. Бронетранспортер объезжать танки не стал, но деваться ему было некуда – сзади дорогу заблокировали грузовики, из которых уже начала высаживаться пехота. Через минуту и два попадания он тоже задымил, после чего наводчик БА-10 перенес огонь на грузовики, грамотно начав с последнего в колонне опеля, водитель которого, наблюдая столь печальное развитие событий, уже пытался развернуться. Но не успел, а потом осколочный снаряд в кабину прекратил его маневры, после чего броневик спокойно расстрелял кабины остальных грузовиков. Пехоте развернуться для боя не дали пулеметы. Пять немецких скорострельных пулеметов, замаскированные в заблаговременно отрытых окопах, обеспечили высокую плотность огня и сначала легко расстреляли мотоциклистов в голове колонны, а потом, не отвлекаясь на быстро уничтоженную немецкую броню, спокойно выкосили солдат, пытавшихся занять оборону. Бой продолжался не более пятнадцати минут, после чего немецкая колонна как актив-

ная боевая единица перестала существовать. У нападавших серьезных потерь не было – только несколько легкораненых шальными пулями.

Сергей дал команду прекратить огонь и наблюдать, принял рапорт о потерях, затем обратился к Трофимову с докладом.

– Товарищ бригадный комиссар! Боевая задача выполнена. Колонна противника уничтожена. С нашей стороны безвозвратных потерь нет, имеется несколько легкораненых. Разрешите осмотреть место боя, выяснить потери противника, а также собрать трофейное оружие и боеприпасы.

Получив добро, Сергей озадачил прибывших с Трофимовым бойцов сбором документов, вооружения и патронов с убиенной немецкой колонны, а сам, пока Трофимов был занят тем, что по рации докладывал в штаб о бое и его результатах, отвел Петрова в сторону и негромко сказал:

– Игорь, ты возьми пару-тройку бойцов и внимательно осмотрите вон тот бронетранспортер. Скорее всего, он был в этой колонне командирской машиной. Соберите документы, карты. Пулеметы с бронетранспортера снимите, причем кормовой пулемет сразу снимайте с его зенитной турели и сложите в кузов опеля. А один из наших пулеметов снова поставьте на его зенитный станок у кабины, и тогда у нас снова будет ПВО. Потом пройдите по колонне, соберите все нужное и полезное. Особенно часы, бинокли, медикаменты, снаряжение. В общем, тащите все, что можно – ненужное потом выбросим. Обязательно соберите немецкую форму, какая не сильно залита кровью. Попутно соберите с грузовиков все канистры, в том числе пустые, проверьте в кузовах наличие бочек с бензином, если найдете – тащите их к нашему грузовику. И учти – идти очень осторожно, раненых добить – выжившие враги нам не нужны. Еще момент – осмотрите мотоциклы передового дозора. Машинки эти у немцев очень надежные и ремонтпригодные, поэтому, даже если в ходе боя сильно пострадали и сейчас не на ходу, все равно цепляйте их к грузовикам на тросах – в мастерских танкового рембата их либо починят, либо из двух один точно соберут. Вопросы есть? Нет вопросов? Тогда выполняй задачу.

Петров козырнул и убежал, а Сергей направился к броневика, который уже выбрался на дорогу и развернулся в сторону города. Из башенного люка счастливо улыбался сержант Гаврилов, а подойдя ближе, Сергей услышал внутри бронемшины смех и радостные возгласы экипажа, обсуждавшего бой и победу в этом бою.

– Сержант Гаврилов!

– Я!

– Экипажу к машине!

– Слушаюсь! Экипажу к машине! – Гаврилов как-то странно глянул на Сергея, но команду экипажу повторил, а Сергей с досадой подумал, что, наверное, где-то ошибся в словах.

– Молодцы, отлично воевали. Благодарю за службу!

– Служим Советскому Союзу! – радостно рявкнул в ответ экипаж. Видно было, что они очень рады, но до сих пор не могут до конца поверить в свою удачу. Уничтожить одним броневиком три единицы бронетехники и восемь грузовиков, и при этом самим не понести потерь! Да за такое сразу к боевой награде могут представить! Особенно учитывая, что это произошло в первые дни так неудачно начавшейся войны, когда во всех сводках только и слышно: поражения, отступления, превосходящие силы противника...

Поблагодарив экипаж броневика, Сергей и их привлек к собирательству, по своей, так сказать, специализации.

– Значит так, славные представители бронемашинных войск. Воевали вы хорошо, эффективно воевали, еще раз хвалю. А сейчас нужно быстро и качественно собрать трофеи с вражеской техники. Поэтому, сейчас берете свои инструменты, и в темпе начинаете потрошить сначала грузовики, а потом немецкую броню. С техники снимайте все, что сможете открутить и унести, но особо обратите внимание на фары, лампы, проводку, аккумуляторы, генераторы.

Обязательно соберите все инструменты. Посмотрите, можно ли из баков слить бензин или снять сами баки, если полные.

По первой части вопросы есть? Нет? Тогда перехожу ко второй, то есть к сбору всяких полезностей с немецкой бронетехники. Там помимо всего перечисленного надо снять все пулеметы и посмотреть, можно ли быстро снять башенные пушки. Само собой, собрать все патроны и снаряды, приборы наблюдения, а также собрать всю мелочевку типа карт, биноклей и остальных полезных вещей. Отдельно про радиостанции. Их нужно будет аккуратно снять и с танков, и с бронетранспортера, причем в любом состоянии, и не забыть антенны, а также собрать весь ЗИП к ним.

Если все понятно и вопросов нет – тогда вперед, разукomплектовывать вражескую технику, – Сергей отпустил экипаж броневика и отправился к опелю – проверить выполнение своих указаний и заодно посмотреть, «что же сегодня бог послал Альхену?».

Трофеи с немецкой колонны оказались богатыми и приятно порадовали, в первую очередь в плане вооружения.

Моторизованная рота вермахта, мирно ехавшая захватывать чужую землю в первых восьми грузовиках, оставила после себя 47 пистолетов, 16 автоматов, 132 винтовки и 12 пулеметов МГ-34, три 50-миллиметрового миномета и три противотанковых ружья (ПТР). Приятным сюрпризом стало наличие на 6 пулеметах оптических прицелов.

Ну, и с мотоциклистов пара пулеметов досталась, да еще один с подбитого первым танка сняли (во втором, где боекомплект рванул, ничего ценного не осталось). С танковыми пушками все оказалось не так просто и легко, поэтому Сергей отменил возню с ними, собрали только 20-миллиметровые снаряды в кассетах.

Помимо этого, как оказалось, в двух последних грузовиках ехала приданная роте в качестве усиления батарея тяжелых 81-миллиметровых минометов, а все оставшееся свободным место в кузовах было забито минометными боеприпасами. Последнее обстоятельство порадовало Сергея особенно, потому что эти мины подходили и к советским 82-миллиметровым батальонным минометам БМ-37, и наоборот.

Из трех батарейных минометов два не пострадали при обстреле колонны, и были полностью готовы к бою.

Кроме вооружения, вдохновленные своей победой бойцы натащили к опелю большую кучу снаряжения, в том числе немецкие ранцы и сапоги.

Поняв, что все не увезти, Сергей дал команду грузить только все вооружение и все собранные боеприпасы.

Потом доложил Трофимову об окончании процесса сбора трофеев и уговорил того разрешить бойцам переодеть немецкие сапоги – многие бойцы сапог не имели, ходили в ботинках с обмотками. Мотивировал это морально-психологическим эффектом для остальных бойцов по приезде в город. Вот, мол, в трофеях ходим, а трофеи в бою взяли, немцев много побили, а сами целы. Значит, немца бить можно и не так уж сложно.

Бригадный комиссар с интересом посмотрел на Сергея, хмыкнул, но разрешил. Причем, к немалому его удивлению, разрешил бойцам взять не только сапоги, но и другие элементы снаряжения, в том числе каски, ранцы (они гораздо удобней вещмешков), а оставшееся снаряжение и сапоги погрузить с собой – сколько места хватит.

Потом Сергей проверил, как на зенитный станок в кузове опеля установили пулемет, и руководил догрузкой в его кузов трофеев, чтобы бойцы на радостях не завалили подходы к пулемету.

Уже перед самым отъездом, когда все, что могло влезть в кузов грузовика, было в него погружено, а все остальное ценное по команде Сергея было перенесено дальше в лес и там по возможности замаскировано, он приказал поджечь технику немецкой колонны, чтобы уже

с гарантией исключить ее дальнейшее использование противником, и доложил бригадному комиссару о готовности к выдвижению.

Наконец, часа через полтора после боя, тяжело нагруженная маленькая колонна тронулась к городу. Впереди шла полуторка с бойцами, сзади – броневедомоцикл, сам Сергей устроился в кузове идущего посередине оцепя у зенитного пулемета – «ПВО, однако».

Глава 4

В Сокулку колонна въехала около полудня. Встретили ее с триумфом. Об успехе боя знали, кажется, уже все бойцы передовых оборонительных позиций. Слух о том, что неполный стрелковый взвод и один пушечный броневик уничтожили больше роты немцев, да еще и два танка, и бронетранспортер, принес на передовые позиции особист, один из помощников Трофимова, который сначала пригнал в город трофейные мотоциклы, а потом вернулся на позиции, чтобы организовать встречу и пропуск колонны. Немногочисленные красноармейцы радостно махали руками и кричали ура, их глаза горели восторгом и восхищением. Они, наспех сведенные из разных частей и соединений, прибывших в Сокулку в результате отступлений первых дней войны, – отступлений под бомбежками, без связи, без грамотного командования, надломленные этими тяжелыми событиями, – вдруг узнали, что немца можно бить. Да еще как бить – при его численном превосходстве больше чем один к трем. На фоне неудач и растерянности первых дней войны разгром наступающей немецкой колонны малыми силами и без потерь выглядел в их глазах чудом, непонятным и необъяснимым. Именно поэтому они с таким восторгом и душевным подъемом встречали победителей. И в глазах встречающих бойцов, помимо восторга и восхищения, Сергей ясно видел еще и твердую решимость стоять до конца, зубами вцепиться в этот назначенный им рубеж обороны. Да уж, рубеж обороны...

Сергей махал рукой в ответ, а сам внимательно осматривал этот «рубеж обороны». Увиденное его, мягко говоря, очень не радовало. Перекресток двух сходящихся дорог на въезде в город. Впереди, примерно с километр, чистое поле, за ним небольшой лесок. Сзади, до ближайших деревянных домов пригородного поселка, метров сто пятьдесят – двести. Повсюду следы неоднократной бомбежки. Ну и, собственно, сам оборонительный рубеж. Сергея учили, что оборонительный рубеж – это позиция на местности, удобная для ведения боевых действий в течение необходимого времени, или участок местности, подготовленный в инженерном отношении для ведения войсками оборонительных боевых действий. Ни удобства для обороны, ни инженерной подготовки местности Сергей здесь не наблюдал.

Противовоздушной обороны нет, блиндажей нет, траншей с ходами сообщения нет, дзотов (дерево-земляных огневых точек) тоже нет. Станковых пулеметов – тоже ни одного нет. Есть пехота, в количестве примерно пары стрелковых взводов, вооруженная преимущественно трехлинейками, совсем мало СВТ и несколько ручников ДП. Еще есть пара противотанковых «сорокопятков», расположенных почти рядом, толком не зарытых в землю и не замаскированных. Их сами артиллеристы с юмором окрестили «Прощай, Родина», потому что из-за слабого бронбойного действия снарядов по лобовой броне часто приходилось немецкие танки подпускать гораздо ближе километра, и даже ближе полукилометра, а потом пара выстрелов, и конец расчету.

«Ну конечно: "...И на вражьей земле мы врага разобьем – малой кровью, могучим ударом..."», – зло матерился в душе Сергей. – Зачем нам толковая оборона? Мы же с ходу опрокинем любого врага, тут же перейдем в наступление на его территорию, а там нас радостно встретит классово близкий пролетариат, который мы сразу распропагандируем, и войне конец. Ура, товарищи! Так ведь у нас перед войной, в рамках существующей военной доктрины, считали и военные теоретики, и военачальники всех рангов, и даже рядовые бойцы – бойцы, правда, из тех, кто помоложе, и кто не застал Первую мировую. А что теперь? Нормальной обороны

нет, линии снабжения перерезаны, немцы выполняют свои любимые прорывы и охваты механизированными танковыми клиньями, связи нет, командование не знает реальной обстановки, отдает совершенно бессмысленные приказы и практически полностью утратило управление войсками.

«Ладно, это все лирика, – перестал накручивать себя попусту Сергей. – Что конкретно можно сделать здесь и сейчас? Пожалуй, для начала нужно осмотреться».

Сергей застучал по кабине опеля и попросил водителя посигналить передней машине, а потом остановиться. Сзади остановился броневтомобиль. Сергей вылез из кузова и подбежал к Трофимову, сидящему в кабине полуторки.

– Товарищ бригадный комиссар, не подскажете, а где наш броневик дальше воевать будет?

Трофимов, занятый своими мыслями, вначале непонимающе посмотрел на этого слишком уж резвого и независимого лейтенанта, поведение которого явно не соответствовало критериям субординации при обращении к лицам старшего состава. Но потом вспомнил недавно закончившийся бой и его результаты, после чего решил все свои сомнения и вопросы по личности лейтенанта Иванова отложить на чуть позже, а сейчас посмотреть, что этот неугомонный еще придумал.

– Да здесь и будет воевать, я его отсюда для усиления взял, когда через пост к вам ехал. А в чем дело, лейтенант?

– Разрешите здесь на часок задержаться, немного оборону улучшить?

Трофимов снова внимательно посмотрел на Сергея и после небольшой паузы разрешающе кивнул. Потом, когда лейтенант Иванов бодрой рысью понесся к трофейному опелю, тоже вылез из кабины, отправил полуторку с бойцами комендантской роты дальше, в штаб дивизии, а сам остался наблюдать за действиями Сергея.

Сергей ясно чувствовал, что своим нестандартным поведением и действиями он вызывает у начальника особого отдела дивизии все больше вопросов, но осознанно решил ничего не менять. Пока он будет играть в прятки с особым отделом, здесь в скором времени могут бессмысленно погибнуть люди, которым он мог помочь не только выжить, но и славно повоевать. Поэтому к лешему все эти политесы, сейчас надо заниматься конкретными действиями по укреплению обороны вот этого конкретного рубежа.

Вызвав командира БА-10М сержанта Гаврилова, Сергей вместе с ним нашел старшего оборонительного рубежа. Им оказался молоденький пехотный лейтенант, необстрелянный, судя по тому, как он подчеркнуто по уставу представился и восторженными глазами уставился на Сергея.

– Слушай сюда, лейтенант, – Сергей достал из планшета лист бумаги и карандаш, несколькими штрихами набросал схему оборонительной позиции.

– Вот твоя диспозиция. Орудия переставь в стороны, на фланги – так, чтобы бронетехника противника, атакуя одно, другому борту подставляла. Да замаскируй свои пушки хорошенько, и по паре запасных позиций для них оборудуй. Для защиты от огня противника орудия чуть закопай, а землю в пустые вещмешки засыпь, и из них полукругом брустверы сложи перед орудиями. Все понял? Тогда слушай дальше. Ближайшие к тебе с тыла дома пустые?

– Пустые, товарищ лейтенант.

– Это хорошо, что пустые. – Ты тогда за ними оборудуй несколько сменных позиций для броневика, чтобы только башня была видна. И будет он у тебя блуждающей огневой точкой, с возможностью оказывать поддержку пушечным и пулеметным огнем по всему фронту обороны. Кроме того, найдите сарай, куда он сможет заехать – при бомбежке пусть там прячется. При выборе позиций, и вообще, по всем вопросам, связанным с применением брони, не стесняйся и не брезгуй советовать с командиром броневика сержантом Гавриловым – он парень с головой и в ходе сегодняшнего боя себя очень хорошо проявил. И запомни, лейтенант. Бро-

невик сейчас твое самое сильное оружие, береги его. Понял меня? Хорошо, что понял. Дальше – как у тебя с боеприпасами?

– Плохо, – вздохнул лейтенант. По 20 снарядов на орудие, по 2 диска к ручным пулеметам. И по 50 патронов на винтовку.

– Ага, ну это дело поправимое. Мы с товарищем бригадным комиссаром, после того как недавно немного немцев поубивали, ну и, по случаю, набрали всякого. Бери бойцов и пошли, поделимся по-честному.

Из кузова опеля Сергей передал бойцам шесть МГ-34 с тройным боекомплектом в пулеметных лентах, еще несколько ящиков пулеметно-винтовочных патронов к ним, все три 50-миллиметровых миномета и весь боезапас к ним. Узнав у артиллеристов, что те смогут справиться с немецкими 81-миллиметровыми минометами, оставил им один из двух, честно поделив боеприпасы пополам. Тяжелый миномет посоветовал поставить в огородах брошенных домов и стрелять с закрытой позиции, а для корректировки огня презентовал лейтенанту бинокль. И пару оптических прицелов на немецкие пулеметы выделил, проведя короткий инструктаж и объяснив, насколько облегчает ведение боя тактика выбивания у наступающих их командиров, унтер-офицеров и пулеметчиков.

– После боя посылай людей, пусть оружие и боеприпасы собирают, авось продержишься. Главное, активно маневрируй орудиями и броней, потеряешь их – сомнут. Пулеметы тоже чаще перемещай на запасные позиции, дольше их сохранишь. И учти, лейтенант, вот этот вот немецкий МГ-34 – пулемет очень хороший, по скорострельности и прочим характеристикам наш ДП легко за пояс заткнет. Но он весьма чувствителен к грязи и требователен к уходу. Поэтому чаще чистить и смазывать не забывай, а то в самый разгар боя отказы пойдут.

Потом Сергей рассказал, как из скорострельных немецких пулеметов портить жизнь и прицел немецким летчикам при бомбежке. Выгрузил из кузова и помог установить, а потом замаскировать зенитный станок, показал, как ставить и снимать пулемет.

– И еще. Блиндажи и дзоты сделать не успеешь, да и не из чего тебе хорошие перекрытия сделать, но щели от бомбежки и артиллерийского огня обязательно оборудуй.

Сергей на отдельном листке набросал эскиз простейшей открытой «Г-образной» щели размерами три на три метра и глубиной полтора метра, с полуметровым бруствером.

– Твои бойцы часа за два-три выкопают 4 щели, вам хватит с запасом. – И сверху их замаскировать хорошо бы. Например, сетка рыболовная с навязанной травой хорошо подошла бы, или полотнище под цвет ландшафта натянуть, да травой и пылью присыпать, или, к примеру, кусок крыши или забора сверху закрепить, как будто при прошлых бомбежках отлетели. – В общем, подумай над этим.

Напоследок сам установил на танкоопасных направлениях по несколько противотанковых мин.

– Ну, удачи тебе, лейтенант, – закончил давать советы по обороне Сергей и хлопнул того по плечу. – Главное, помни – немцев бей, а своих людей береги, зря под пули не подставляй.

Окрыленный лейтенант побежал укреплять оборону, а Сергей подошел к Трофимову и доложил, что можно ехать.

Всю дорогу до штаба дивизии начальник особого отдела задумчиво молчал, периодически искоса поглядывая на Сергея.

А Сергей напряженно думал сразу о нескольких вещах. О том, что особый отдел вторгся в его новую жизнь слишком рано. Ведь он не только реалий этого времени не знал, но даже биографии настоящего лейтенанта Иванова. Кто, откуда, где служил. Лейтенант в 28 лет – почему только лейтенант? Поздно попал в училище? А почему поздно? Или разжалован, тогда опять-таки – почему? Аморалка? Или попал под «каток репрессий»? Сплошные вопросы, и ни одного ответа. Если выдумывать – достаточно любому особисту после допроса запросить

данные личного дела, и все – прощай, лейтенант Иванов Сергей Николаевич, 1913 года рождения, здравствуй, немецкий шпион...

Сергей ведь поначалу вообще не планировал встречаться с «компетентными органами» до выполнения своей программы-минимум. А собирался в первые же дни войны из окруженцев и освобожденных пленных создать на захваченной немцами территории что-то типа партизанского отряда, устраивать засады и минные ловушки, громить коммуникации снабжения. По мере обучения бойцов комплектовать отдельные группы и накрывать диверсиями все большую площадь. Конечная цель – парализовать снабжение и затормозить немецкий блицкриг. Ну а потом можно было и с командованием связаться. Эх, если бы не контуженый командир заставы...

Сергей думал о том, что жизнь внесла свои коррективы, и он, судя по всему, сумел заинтересовать начальника особого отдела танковой дивизии, расквартированной в Сокулке. Причем не только сумел заинтересовать, но еще и подставился сегодня по полной со своими тактическими «находками» – сейчас Красная Армия так не воевала. Хотя об этом Сергей не жалел, – каждый убитый сейчас фашист, каждая уничтоженная единица техники – капельки на весы Победы. Эти уничтоженные солдаты уже никого не убьют, не будут грабить и насиловать мирных жителей, не дойдут до Москвы. Да и на «непобедимых солдат Великой Германии», что рвутся сейчас на нашу землю в составе танковых и моторизованных клиньев, такие потери должны подействовать как отрезвляющий «холодный душ».

Сергей думал о том, что начальник особого отдела дивизии в текущих условиях – это, ну очень, очень большая величина. И теперь, с помощью бригадного комиссара Трофимова – если удастся его убедить помочь – можно попытаться решить задачу посерьезней, способную существенно изменить ход войны. А именно – предотвратить окружение и уничтожение войск Западного фронта в Белостокском, а потом в Минском «котлах». Сергей в той, прошлой, жизни изучил множество источников о Великой Отечественной войне, от документальных до художественных и от официальных версий до частных мнений. И нигде он не нашел однозначных доказательств того, что попытка армий Белостокского выступа оставить Белосток и отступить к Минску была объективно необходима, а окружение наших войск в «котлах» и их уничтожение было неизбежным. А значит, эту ситуацию можно попытаться изменить.

Думал, наконец, и о том, какую линию поведения выбрать на допросе, чтобы не только его пережить, но и суметь сначала заинтересовать, а потом и привлечь для выполнения своего замысла Трофимова. А в том, что его будет допрашивать именно начальник особого отдела, а не его помощники, Сергей почему-то не сомневался. Сложность была в том, что рассказывать Трофимову всю правду никак нельзя – тот просто не поверит, а значит, потом – подвал, камера, наручники, пара особистов и очень больно проходящая дискуссия на тему «ты кому, гад, Родину продал?». Но и попытаться просто выкрутиться из неудобных вопросов негоже – тогда начальник особого отдела просто потеряет к нему интерес, и шанс привлечь его для помощи будет потерян.

Глава 5

Предчувствия его не обманули. По приезде в штаб танковой дивизии бригадный комиссар отправил Сергея с сопровождением ждать у своего кабинета, а сам куда-то ушел, как предположил Сергей, скорее всего отправился узнавать оперативную обстановку. Вернулся он не скоро и при этом изрядно растерявший свое приподнятое после успешного боя настроение. Войдя в кабинет, жестом указал Сергею на стул возле своего стола, а сопровождающему – на выход, сам уселся за стол и задумался о чем-то явно неприятном, прикрыв глаза и подперев голову руками. Так прошло около минуты, потом Трофимов взял себя в руки, встряхнулся и начал допрос.

Повертев в руках документы лейтенанта Иванова, Трофимов даже анкетные данные не стал уточнять, а вместо этого спросил сразу в лоб:

– А скажи-ка мне, лейтенант Иванов из 239-го стрелкового полка 27-й стрелковой дивизии. – Где это ты так воевать научился? И когда?

Сергей, хоть и принял по дороге решение с начальником особого отдела не играть, в последний момент передумал и, чтобы подогреть интерес Трофимова, решил дать тому возможность «поохотиться» и вывести допрашиваемого в своем лице на чистую воду.

– Так я, товарищ бригадный комиссар, недавно из отпуска возвращался, со мной в одном купе еще товарищи командиры ехали. Из их разговоров я понял, что они и на Халхин-Голе воевали, и на Финской. Один даже в Испании был. Ну вот, они всю дорогу опытом делились и бои разные обсуждали, а я слушал – интересно же. Вот кое-что и запомнил.

– Халхин-Гол и финская война, говоришь? – слегка усмехнулся особист. – И ты кое-что запомнил?

– Видишь ли, в чем дело, лейтенант. Я тоже воевал и на Халхин-Голе, и на финской. Кое-что из того, что ты сегодня вытворял, там, может, и было, но далеко не все. И кто тебя, простого пехотного лейтенанта, учил бронетехнику использовать? Причем не просто использовать, а во взаимодействии с пехотой. – А военно-инженерному делу и устройству инженерных сооружений тебя тоже «товарищи командиры» в купе за несколько часов обучили? Опять же, команды ты не всегда по уставу отдаешь, слова интересно используешь. Так кто ты и откуда... лейтенант Иванов?

– Может быть, немецкий шпион? – притворно печально вздохнул Сергей.

– Немецкий шпион, значит... – Трофимов снова поставил руки локтями на стол и положил подбородок на сложенные в замок кисти.

– На стратегического шпиона глубокого внедрения ты не похож, с таким-то малым воинским званием и таким своеобразным поведением. А если ты полевой шпион Абвера (немецкой военной разведки и контрразведки), внедренный в войска для добычи разведанных и диверсий, так только за сегодняшний день ты уничтожил усиленную танками моторизованную роту вермахта и при этом ни одного бойца Красной Армии не потерял. Это не считая других твоих «подвигов», о которых младший лейтенант Петров на допросе рассказал. Не стоят все эти потери немецкой армии тех разведанных, которые ты смог бы собрать. Да и какие разведанные – отступаем по всем направлениям, полная неразбериха, – Трофимов тяжело вздохнул и поиграл желваками.

– Кстати о разведанных, – сказал Сергей, решивший, что вот сейчас как раз наступил самый подходящий момент перехватывать инициативу и устанавливать контакт. – Сегодня ведь 24 июня?

– Да, – удивленно ответил Трофимов, который явно собирался задать какой-то свой вопрос, но не успел.

– Вы, товарищ бригадный комиссар, сейчас вернулись из штаба с изрядно ухудшившимся настроением. Думаю, там вы узнали, что 33-я дивизия 11-го механизированного корпуса ведет тяжелые бои под Гродно и имеет большие потери, части дивизии и всего корпуса разбросаны, единого управления нет, постоянно бомбит вражеская авиация, боезапас и горючее на исходе.

– Допустим, это так, – взгляд начальника особого отдела снова стал острым. – И что дальше?

– А дальше, товарищ бригадный комиссар, я вам сейчас в общих чертах расскажу оперативную обстановку в районе Белостокского выступа, по состоянию на сегодня и на ближайшие дни.

Сергей увидел, как при его последних словах глаза Трофимова наполнились удивлением и недоумением, и поспешил продолжить, пока тот не опомнился.

– Сегодня 33-я танковая дивизия в составе 11-го мехкорпуса ведет бои в районе Гродно. Туда же, под Гродно, были направлены и сейчас тоже ведут тяжелые бои еще 6-й механизированный и 6-й кавалерийский корпуса 10-й армии. Они действуют в составе конно-механизированной группы под командованием заместителя командующего фронтом генерал-лейтенанта Болдина. Но никакого положительного результата все эти соединения нашей армии не добьются. Господство в воздухе немецкой авиации, плохая организация удара, бесполезные атаки на грамотно подготовленную оборону с эффективными противотанковыми позициями и разгром тылов приведут к тому, что немецким войскам удастся остановить наши войска. Потом 5-й, 6-й и 8-й немецкие корпуса 9-й армии продолжат охват наших войск в Белостокском выступе. Из-за неудачи контрудара и фактического начала окружения завтра, 25 июня, войска 6-го и 11-го мехкорпусов, а также 6-го кавкорпуса начнут отступление.

Трофимов слушал Сергея с посеревшим лицом. Когда тот остановился, снова спросил, почти не разжимая губ.

– Дальше?

– Около полудня 25 июня расположенные в Белостокском выступе 3-я и 10-я армии получают приказ штаба фронта на отступление. 3-я армия будет отступать на Новогрудок, 10-я – на Слоним. 27 июня советские войска оставят Белосток.

Потом Сергей рассказал Трофимову об окружении и разгроме трех армий в нескольких «котлах», полном разгроме 10-й армии и уничтожении 11-го мехкорпуса 3-й армии, в том числе и входившей в него 33-й танковой дивизии. Рассказал о том, что, советские войска, имея в условиях обороны превосходство в артиллерии (16,1 тысячи против 15,1 тысячи), танках (3,8 тысячи против 2,1 тысячи) и самолетах (2,1 тысячи против 1,7 тысячи), почти нигде по фронту так и не смогли оказать наступающим немецким войскам эффективного сопротивления. Потери немцев в наступлении составили всего 20 тысяч ранеными и 6,5 тысяч убитыми, а советские войска потеряли почти 77 тысяч ранеными и более 341 тысяча убитыми и пленными, причем пленными гораздо больше, чем убитыми.

– И что потом?

Видно было, что Трофимов сдерживается из последних сил, его взгляд не обещал Сергею ничего хорошего.

– Потом? Потом четыре тяжелейших года войны, снова окружения и «котлы», где будут гибнуть наши войска, немцы под Москвой, битва за Сталинград, сражение на Курской дуге... – Потом наша Победа и наши войска в Берлине весной 45-го года. Потом подведение итогов этой войны – не менее 15 миллионов военнослужащих убитыми и умершими от ранений, еще более полумиллиона умерших в результате небоевых потерь и еще 4,5 миллиона попавшими в плен и пропавшими без вести. Общие демографические потери (включающие погибшее мирное население на оккупированной территории и повышенную смертность на остальной территории СССР от невзгод войны) – более 26,6 миллионов человек. И в наследство от этой войны – огромная послевоенная разруха, которую потом страна преодолевала много лет, – тяжело вздохнув, ответил Сергей.

– Победим, значит. Но какой ценой... – тихо сказал Трофимов, устремив застывший взгляд куда-то мимо Сергея.

Только через несколько минут бригадный комиссар пришел в себя и опять воткнул острый взгляд в Сергея.

– Откуда информация? Ты что, ко всем своим военным способностям, еще и будущее предсказываешь? Как этот... Вольф Мессинг?

– Товарищ бригадный комиссар, вам что нужно – шашечки или ехать?

– Что? Какие шашечки? Куда ехать? – не понял Трофимов.

Тут Сергей, собиравшийся разрядить обстановку анекдотом про придирчивого пассажира, вспомнил, что шашечки на такси в СССР появились только после 1948 года. А значит, анекдота про шашечки Трофимов явно не поймет.

– Я говорю, какая вам разница, откуда у меня информация, если это достоверная информация? Я просто знаю, что это будет. И знаю, что, если ничего не изменится, то окружения в «котлах» при отступлении нашим войскам не избежать. Но я также знаю, что можно сделать, чтобы немцы кровью умылись со своим блицкригом. Да вы утром сами видели, как мы с вами этих «непобедимых солдат Великой Германии» на ноль помножили.

– Что за блицкриг, – уцепился за новое слово особист.

– Блицкриг – дословно, «молниеносная война» – прорывы и охваты мощными механизированными клиньями на флангах, разрыв коммуникаций, окружение и добивание растерянных, дезорганизованных частей. Сейчас на Белостокском выступе как раз это и происходит.

– И что мне делать теперь с тобой? – задумчиво спросил Трофимов, снова глядя куда-то мимо Сергея. – На самый верх докладывать надо...

– Нет, такой футбол нам не нужен! – внутренне холодея от того, что ситуация начинает разворачиваться по самому негативному сценарию, подумал Сергей и с удвоенной силой ринулся убеждать Трофимова. – Товарищ бригадный комиссар! Докладывать наверх, как минимум, рано. Да и какой смысл в этом сейчас? Ну, знаю я, как немцы почти до Москвы дойдут. Знаю про «котлы», окружения и ошибки командования. Ну, доведу информацию, допустим, до начальника Генерального штаба. Но ведь от этого ничего не изменится. С нынешним уровнем подготовки наших войск и старшего командного состава Красной Армии и ошибки командования, и отступления войск неизбежны. Наверху сейчас ничего изменить не смогут. Или не захотят. Или не успеют...

В качестве примера Сергей рассказал Трофимову вычитанную в мемуарах Георгия Константиновича Жукова историю о Белостокском выступе.

– У нас ведь сейчас, а точнее, с февраля 1941 года, начальником Генерального штаба Красной Армии является Георгий Константинович Жуков? Так вот – еще до войны Жуков знал, что текущее расположение 3-й, 4-й и 10-й армий Западного округа в Белостокском выступе создает угрозу глубокого охвата и окружения их со стороны Гродно и Бреста путем удара под фланги. Он знал, что 10-я армия при этом занимает самое невыгодное расположение. Он знал, что дислокация войск округа на Гродненско-Сувалковском и Брестском направлениях была недостаточно глубокой и мощной, чтобы не допустить здесь прорыва и охвата Белостокской группировки. Знал – и ничего не сделал для исправления ситуации. А что он может сделать сейчас, когда три армии дезорганизованы и фактически неуправляемы?

Сергей не стал рассказывать Трофимову о том, что на должность начальника Генерального штаба Жукова выдвинул лично Сталин, причем как раз по итогам проведенных в январе 1941 года двух двухсторонних оперативно-стратегических игр на картах, на тему контратакующих и наступательных действий войск Западного особого военного округа в ответ на агрессию внешнего противника. В этих играх, в качестве ответа на агрессию, рассматривались действия крупной ударной группировки советских войск с государственной границы СССР в направлении (соответственно) Польша – Восточная Пруссия и Венгрия – Румыния. (Вот оно – малой кровью, могучим ударом, и на чужой территории!).

– Какая-то стратегия у наших появится только через год отступлений и потерь, не ранее лета 1942-го года, – печально закончил свой рассказ Сергей, имея в виду Сталинградскую битву. Я, собственно, поэтому и не хотел раскрываться. Думал собрать из окруженцев мотоманевренную группу, устраивать засады и диверсии у немцев в тылу. Но тут контуженого командира погранзаставы надо было в госпиталь везти. А потом ребят на въезде в город увидел, их оборону – вернее отсутствие обороны. Жалко стало, ведь погибли бы не за грош.

– А если тебя, с твоей информацией, к командующему Западного фронта, генералу армии Павлову доставить?

– К Павлову – это было бы хорошо. Тем более, что на Павлова меньше чем через месяц возложат всю вину за тяжелое поражение войск фронта в Белостокско-Минском сражении – и расстреляют. Так что он, как никто другой, будет заинтересован в изменении хода войны. Но здесь есть две большие проблемы. Во-первых, Павлов мне сразу просто не поверит, а пока я буду его убеждать, время будет упущено. Во-вторых, даже если удастся быстро убедить Павлова и он, вместо приказа армиям на отступление, попытается сейчас организовывать оборону – управление войсками уже потеряно, они отступают неорганизованно и без взаимодействия, сами по себе, по пути бросая технику и тяжелое вооружение. И сейчас организовать эти хаотически отступающие войска для обороны из Минска – без устойчивой связи, без постоянного знания оперативной обстановки на местах – задача крайне сложная, практически невыполнимая.

– Ну, хорошо, тогда можно обратиться к командующим армиями, – предложил Трофимов.

– Товарищ бригадный комиссар! В Белостокском и Минском «котлах» останутся более трехсот тысяч пленных бойцов. Но командующий 10-й армией и начальник артиллерии армии выйдут из окружения в конце июня в составе сводной группы 86-го Августовского пограничного отряда НКВД СССР. А командующий 3-й армией со своим членом Военного совета армии выйдет из окружения в конце июля севернее Рогачева, при этом выведет с собой аж целых 498 вооруженных красноармейцев и командиров частей 3-й армии. Остальной личный состав останется погибать и попадать в плен в «котлах»...

– Так что же, сложа руки сидеть и окружения ждать? – вскипел Трофимов.

– Окружения ждать надо, а вот сидеть, сложа руки – нет, – примирительно ответил Сергей.

– Это как? Объясни нормально!

– Объясняю, товарищ бригадный комиссар. Сейчас есть две самые важные и первоочередные задачи. Причем обстоятельства складываются так, что обе эти задачи взаимосвязаны и дополняют друг друга. Первая – любыми способами сбить темп прорыва немецких войск на нашу территорию. И в первую очередь для этого – парализовать снабжение, ибо без горючего танки и прочая немецкая техника никуда не поедут, а без боеприпасов им нечем будет стрелять. Для снабжения любых войск, но особенно наступающих, всегда необходимы транспортные коммуникации. Это могут быть железные и автомобильные дороги, водный и воздушный транспорт. В нашем случае коммуникации снабжения наступающих танковых групп – это, в первую очередь, ветки Брест-Литовской железной дороги. Если совместить карту движения немецких войск и карту Брест-Литовской дороги – это видно отчетливо. Отсюда следует, что для срыва снабжения наступающих войск диверсии на «железке» – самое то. И здесь все средства хороши, абсолютно любые – вплоть до того, чтобы разбирать железнодорожное полотно вручную, если нет взрывчатки и саперов.

И вторая задача – не дать немцам уничтожить наши армии в «котлах» при отступлении. А значит, остановить беспорядочное отступление, собрать разрозненные войска для их перегруппировки, снабжения и организации продуманной обороны. Создать как бы точки кристаллизации, или узлы сбора отступающих войск, – с грамотным командованием, четкой организацией и обеспечением обороны, где проходящие мимо битые и обескровленные остатки частей и соединений будут собираться, перегруппировываться и вливаться в оборонительные порядки. Где усталые, голодные и растерянные бойцы смогут отдохнуть, поправить обмундирование и вооружение, кое-чему подучиться, но главное – почувствовать, что они не одиноки и не брошены командованием, а снова бойцы регулярной армии, имеют четкий приказ и ясную боевую

задачу. Почувствовать, что они снова – не бегут неизвестно куда, а обороняют свою Родину от врага, ощущая локоть боевых товарищей.

Увидев, что бригадный комиссар усердно строчит карандашом в своем блокноте, делая по мере рассказа пометки, Сергей стал говорить медленнее и более размеренно.

– Уверен, что, оставляя Белостокский выступ и пытаться отвести войска ни в коем случае нельзя – что из этого выйдет, я вам уже рассказал. Поэтому необходимо собирать разрозненные и рассеянные части в район Белостока, Сокулки и прилегающих населенных пунктов, а затем, используя эти части и ресурсы расположенных здесь же, в местах предвоенной постоянной дислокации частей, баз снабжения, организовать укрепленный оборонительный район.

– Почему именно здесь?

– Ресурсы, товарищ бригадный комиссар, – коротко ответил Сергей, а потом, снова наблюдая непонимание в глазах собеседника, пояснил свою мысль более развернуто. В Сокулке развернута 33-я танковая дивизия. Следовательно, дивизионные запасы горючего, боеприпасов, ремонтная база. Здесь также остались ресурсы расквартированных поблизости вспомогательных подразделений дивизии, в частности, отдельного батальона связи, моторизованного понтонно-мостового батальона, автотранспортного батальона, ремонтно-восстановительного батальона, медико-санитарного батальона.

В Белостоке и его окрестностях также находятся базы снабжения 6-го механизированного и 1-го стрелкового корпусов. Там же развернуты 4-я танковая и 29-я моторизованная дивизии. И 10-й отдельный инженерный полк... Сколько там, в окрестностях Белостока, имущества, боеприпасов, горючего – вообще всего нужного и полезного – даже представить сложно. Все эти перечисленные мной ресурсы при отступлении будут брошены и достанутся врагу. А в случае организации обороны они же пойдут на пользу нашим войскам, помогут создать мощную систему полевых инженерных укреплений (что-то типа укрепрайона) и устроить немецким войскам веселую жизнь с постоянной угрозой флангам их войск, что сейчас двумя сходящимися клиньями рвутся к Минску.

Кроме того, товарищ бригадный комиссар, сам Белосток – это крупный железнодорожный узел, оставив который, мы подарим фашистам готовую транспортную сеть снабжения своих войск на первоначальном этапе блицкрига. А удержав Белостокский узел и оставив его за собой, мы, наоборот, получим возможность широко использовать железнодорожную сеть в целях переброски и снабжения уже наших войск.

Сергей приводил Трофимову свои доводы, а сам думал о том, что сейчас, для успешного выполнения озвученных им задач, на Белостокском выступе ресурсов – людей, техники, боеприпасов, горючего, снаряжения и всего-всего остального – просто завались. Здесь и базы снабжения развернутых частей, и запасы укрепрайонов, и мобилизационные склады...

– Здесь, наконец, развитое сельское хозяйство, большое поголовье мясного и молочного скота, большие предвоенные запасы на объектах сельского и промышленного производства... Если не все (война и противодействие врага все-таки), но хотя бы половину всего этого добра собрать, не дать уничтожить при отступлении или захватить врагу, тогда этих ресурсов хватит такой узел обороны создать, – куда там Сталинграду, а уж тем более блокадному Ленинграду...

Таким образом, при организации Белостокского узла обороны можно решить сразу несколько важных задач: собрать и сохранить от последующего окружения и уничтожения отступающие части; организовать эффективную оборону и успешно перемалывать немецкие войска; а также создать мощную базу обеспечения, используя ресурсы которой, проводить эффективные операции в немецких тылах для уничтожения их коммуникаций и срыва общего темпа наступления вермахта на территории Белоруссии. Причем операции не только наземные, но и воздушные...

И лично вы, товарищ бригадный комиссар, используя свои полномочия начальника особого отдела дивизии, можете очень многое из перечисленного организовать здесь, в масштабах

Сокулки. Если же вам удастся связаться со своими коллегами в отступающих частях и убедить их в том, что войска надо отводить не в глубь нашей территории, в направлении Минска, где их ждет окружение и полный разгром, а именно сюда – под Белосток, для организации обороны именно здесь, – тогда очень многое в этой войне можно будет изменить к лучшему для нашей армии и страны уже в ближайшее время.

Трофимов закончил писать, несколько раз сжал и разжал уставшую держать карандаш руку, бегло просмотрел написанное, после чего поднял взгляд на Сергея.

– Получается, все, что ты сейчас говорил, относится ко второй указанной тобой задаче – сбору отступающих войск и созданию оборонительного узла. А что по первой – то есть по нарушению снабжения и коммуникаций наступающих немецких войск? – Что ты по этим вопросам предложить можешь?

– По этим вопросам, товарищ бригадный комиссар, я прямо сейчас могу предложить свое личное участие в организации диверсий на коммуникациях немецких войск. Считаю, что нам сейчас в первую очередь надо перерезать линии снабжения 3-й танковой группы Гота, которая рвется к Минску от Гродно, и 2-й танковой группы Гудериана, которая наступает от Бреста, своим левым флангом атакуя в направлении Белостока, а правым флангом прорываясь опять-таки к Минску, и далее на Москву. Причем сделать это необходимо как можно скорее и любыми доступными способами.

– Как конкретно все это организовать?

– Я твердо уверен в том, что сейчас, в неразберихе и суматохе первых дней войны, для проведения диверсий на железнодорожных путях не нужны крупные силы. Немец еще не пуганный, а даже совсем наоборот – наблюдая беспорядочное отступление войск первого эшелона от границы, все там наверняка преисполнились излишней самоуверенности в своих силах. Ну, а нам это даже на руку будет... Поэтому, думаю, сейчас оптимальным решением будет создать несколько диверсионных групп из сапера и четырех-пяти бойцов на мотоциклах. Мотоциклы лучше брать немецкие, с коляской и пулеметом в ней. Тогда это и надежность, и скорость с маневренностью, и высокая огневая мощь. И тогда, помимо диверсий на железной дороге, по пути можно на дорогах сюрпризы немцам оставлять, мелкие посты уничтожать. А чуть позже, если все получится и удастся организовать несколько полноценных мотоманевренных групп, только диверсиями дело не ограничится. Тогда можно будет в немецких тылах полноценные боевые операции проводить...

Сергей, увидев, что Трофимов явно заинтересовался новым для него понятием «мотоманевренная группа» и собирается начать выяснять подробности, мысленно укорил себя за длинный язык и поспешил переключить того обратно на первоочередные задачи.

– Но сейчас, товарищ бригадный комиссар, говорить о создании мотоманевренных групп пока рано – для их создания и успешного функционирования и ресурсы будут нужны, и обучение соответствующее. Поэтому давайте вернемся к вопросу диверсионных групп, первую из которых прошу разрешить возглавить мне.

И сразу же, стараясь не дать Трофимову времени на отказ, зачистил:

– Предлагаю выехать уже сегодня ночью. С собой на первый раз возьму группу пограничников Петрова, ну и сапера, конечно. К утру будем на перекрестке возле Суховоля, очень мне этот перекресток в прошлый раз приглянулся. Там на день замаскируемся, а может, и пару небольших немецких колонн снабжения уничтожим, если шанс подвернется – они сейчас еще без серьезной охраны идут. Ну а потом пройду вдоль железной дороги Сувалки – Августов – Домброво – Гродно, песочка в механизм снабжения вермахта добавлю. И вот после этого посмотрим, полюбуемся – как и куда танки 3-й танковой группы Гота без бензина ехать смогут...

Сергей закончил, и в кабинете повисла тишина. Трофимов, подперев голову руками, глубоко задумался, а Сергей, сказав все, что хотел и мог сейчас сказать, старался ему в этом не мешать.

– Ну, хорошо, лейтенант, или кто ты там есть, – наконец произнес начальник особого отдела. – Допустим, твоей информации о том, что отступать в направлении на Минск плохо, а строить оборону здесь – хорошо, я верю. Постараюсь эту мысль до командования дивизией донести. И еще – я очень хорошо знаю начальника особого отдела 6-го мехкорпуса, дивизионного комиссара Титова. Мы с ним еще на финской друг другу спину прикрывали, из одного котелка ели и одной шинелькой укрывались. Если твои слова о завтрашнем приказе армиям Белостокского выступа на отступление подтвердятся, попробую с ним связаться.

Сергей, услышав слова Трофимова о возможности выхода на командование 6-го мехкорпуса, сначала даже не поверил такой удаче.

Ведь 6-й механизированный корпус 10-й армии на момент начала войны – единственный из всех танковых корпусов 3-й, 4-й и 10-й армий Белостокского выступа, который был укомплектован танками практически полностью по штату, а остальной боевой техникой – почти по штату. Для сравнения – всего в трех армиях их было 4 – 11-й мехкорпус в 3-й армии, 14-й мехкорпус в 4-й армии, 6-й и 13-й мехкорпуса в 10 армии.

Так вот, если:

- в составе 11-го мехкорпуса 3-й армии – всего 237 танков и 141 броневедомоцикл;
- в составе 14-го мехкорпуса 4-й армии – всего 520 танков и 44 броневедомоцикла;
- в составе 13-го мехкорпуса 10-й армии – всего 294 танка и 34 броневедомоцикла,
- То, в составе 6-го мехкорпуса 10-й армии – всего 1021 танк (по штату 1031) и 229 броневедомоциклов (по штату 268).

То есть, количество танков 6-го мехкорпуса было практически равно общему количеству танков во всех остальных мехкорпусах, а броневедомоциклов было даже больше, чем у всех остальных, вместе взятых! И какие танки! Треть из них – новейшие КВ и Т-34 (114 и 238 соответственно, всего 352 машины). Помимо 6-го мехкорпуса только 11-й имел такие танки, но в количестве всего лишь 31 машины (3 КВ и 28 Т-34).

Помимо этого корпус почти полностью укомплектован минометами и полностью по штатам – артиллерией, в том числе гаубичной (40 122-миллиметровых и 36 152-миллиметровых гаубиц).

Для обеспечения мобильности корпус имел в своем составе 294 трактора и почти 5000 автомобилей, а также 4-й мотоциклетный полк (1042 мотоцикла). Огромный по нынешним временам транспортный ресурс!

Правда, с личным составом было похуже – на начало войны корпус насчитывал порядка 24 000 человек (67 процентов от штатной численности). Тем не менее, он – единственный из четырех механизированных корпусов на Белостокском выступе, полностью (ну почти) был оснащен техникой и тяжелым вооружением. Даже свою корпусную авиаэскадрилью имел.

Сейчас этот – единственный на три армии полностью оснащенный мехкорпус – с боями, под постоянной бомбежкой, пробивается в направлении на Гродно, где его уже ждет подготовленная противотанковая оборона, расходуя по пути горючее и боезапас, которые ему негде будет пополнить. Потом, после тяжелых потерь, без связи и единого командования этот корпус будет в беспорядке отступать, опять под бомбежками и без ПВО, и, в конце концов, будет полностью разбит, а командир корпуса героически погибнет в бою. Техника будет частью уничтожена, а частью брошена без горючего, и достанется немцам.

И вот, только что Сергей услышал от Трофимова, что есть шанс попытаться спасти если не весь корпус, то хотя бы его большую часть вместе с командиром, действительно грамотным военачальником и настоящим коммунистом, которого можно будет попытаться убедить возглавить Белостокский оборонительный узел. Получится ли? Ну, поехали...

– Товарищ бригадный комиссар, если Вы хорошо знаете начальника особого отдела 6 мехкорпуса, то передайте ему, чтобы он постарался донести до командира корпуса следующую информацию:

– После неудачного контрудара под Гродно отводить корпус по направлению Крынки – Волковыск – Слоним категорически нельзя. Без запасов горючего и боеприпасов, без надежной связи между подразделениями корпуса, в результате чего они будут отходить несогласованно, – такое отступление обречено на провал. Кстати, эшелон с горючим, посланный командующим Западным фронтом Павловым навстречу корпусу, так и не дойдет – застрянет где-то под Барановичами. Поэтому из окружения они все равно не вырвутся, корпус будет полностью разгромлен, а сам комкор погибнет.

– И очень вас прошу – не теряйте понапрасну время, не ждите приказа на отступление, а постарайтесь связаться с вашим другом как можно скорее. Ведь сейчас каждый лишний час промедления для 6-го мехкорпуса означает лишние потери как техники, так и человеческих жизней! Генералу Хацкилевичу сейчас необходимо как можно быстрее корпус обратно в Белосток отводить, принимать командование и создавать узел обороны. А почему именно ему узел обороны создавать, я расскажу при встрече.

– То есть мне и сейчас ты не скажешь, – набычился Трофимов.

Он злобно засопел, на скулах заиграли желваки, а от бывшего настроя на конструктивный разговор не осталось и следа. Сергей понял, что ситуацию надо срочно спасать, иначе все пойдет прахом.

«Надо срочно отвлечь его чем-нибудь позитивным... Эх, ладно, хоть и жалко сейчас время тратить, но придется – дам ему материалы по мотоманевренным группам, пусть отвлечется на их изучение, да заодно и ресурсы под них собирать начнет».

– Товарищ бригадный комиссар, ну вот поверьте на слово – не время сейчас об этом. Да и не верите вы пока мне и моей информации до конца. Если получится корпус спасти – тогда да, тогда мой рассказ будет смысл иметь. А сейчас, как говорится, многие знания – только лишние печали. Давайте лучше я вам сейчас тезисы по вопросам организации боевых мотоманевренных групп набросаю, чтобы, пока в рейде буду, вы могли эти материалы посмотреть, обдумать и прикинуть, где обеспечение для них брать. А по результатам моего рейда можно будет внести коррективы, если понадобится, и готовый план создания таких групп командованию нести.

Получив неохотное, но все же согласие бригадного комиссара, Сергей наскоро помылся, перекусил и, усевшись за стол временно выделенного ему кабинета, принялся готовить материалы по созданию мотоманевренных групп, стараясь при этом не слишком отрываться от текущего уровня техники и тактики Красной Армии.

За основу взял два броневедомола, лучше, если оба – средние пушечные БА-10, но можно и один средний пушечный, а один легкий пулеметный БА-20. Но два обязательно – это не только огневая мощь, но и возможности маневра огнем, и возможности буксировки друг друга, на крайний случай.

К ним – два мотоцикла, лучше трофейных, с пулеметами МГ-34 в колясках. Сейчас в Сокулке как раз четыре трофейных «Цюндапа» есть – после диверсий на железных дорогах их на две мотоманевренные группы хватит, а там наверняка еще трофеи будут. Про достоинства немецких пулеметов – для Трофимова отдельно расписать. По два бойца на мотоцикл, один из них пулеметчик (Трофимову – озаботиться поиском хороших пулеметчиков), личное оружие у обоих – автоматы, опять-таки лучше немецкие – снимается вопрос обеспечения боеприпасами, да и поухватистее они в ближнем бою, чем наш дисковый ППД (пистолет-пулемет Дегтярева).

Еще из транспорта – грузовик, опять-таки лучше немецкий, и лучше «Опель-Блитц». Надежная и неприхотливая машина – настоящая рабочая лошадка этой войны. Ну, или нашу трехтонку ЗИС-5, этот грузовик всяко получше полутонки будет. В него запас бензина, инстру-

менты, средства маскировки, инженерное имущество, шанцевый инструмент, в том числе возимый, и т. д.

В грузовик – еще два пулеметных расчета с МГ-34, эти по нормам вермахта, то есть по три человека на пулемет. Второго и третьего номера можно без опыта – за время рейда первый номер их заодно пулемету обучит. Личное оружие у всех – также немецкие автоматы. Хотя бы один из пулеметов в кузов грузовика на зенитный станок нужно монтировать, они тоже в трофеях есть.

Туда же, в грузовик, – два расчета противотанковых ружей, опять же трофейных – наши ПТР сейчас лихорадочно разрабатываются и дорабатываются, их еще до марта 1942 года ждать. И две снайперские пары, эти лучше с СВТ – у них меткость похуже, зато скорострельность гораздо выше, чем у мосинской винтовки. И тем, и другим – обязательно запас броневой-зажигательных патронов. Снайперам в качестве личного оружия немецкие парабеллумы (пистолет Люгера P08, знаменит своей точностью и малой отдачей).

Почему всех огневых средств по два? Так для качественных засад же, с ведением огня либо с двух флангов, либо с фронта и фланга, либо с головы и хвоста колонны, либо всем вместе, для создания плотности огня – вариантов еще много можно придумать, были бы ресурсы под рукой.

Обязательно в каждую группу сапера поопытней – чтобы из любых подручных средств мог средство подрыва сделать, инженерные заграждения и фортификацию знал, ну и маскировку мог обеспечить. Ему автомат не нужен, пистолета хватит.

Ну, и пару хороших механиков с навыками оружейников, чтобы могли и технику ремонтировать, и трофеи с нее снимать. Кстати, одной из задач мотоманевренным группам надо ставить сбор трофейной немецкой техники, для этого в группы включать пару-тройку сменных водителей, чтобы подменить или на трофеи сесть. Водителям в качестве личного оружия можно пистолеты и СВТ выдавать, причем «светки» для удобства на потолке кабины крепить. Водители народ технически грамотный, с уходом и регулировкой СВТ разберутся. Да и закрепленная на крыше кабины, она мешать не будет, а в бою хорошую плотность огня добавит, если что.

Ко всем СВТ – обязательно глушители. На отдельном листке Сергей набросал эскиз и пояснения к изготовлению «Глушителя звука выстрела к СВТ-40», полигонные испытания которого прошли еще в апреле 1941 года. Он был спроектирован для стрельбы обычными винтовочными патронами со сверхзвуковой скоростью пули, а не под специальные патроны с уменьшенной скоростью пули (позднее такие глушители называли «тактическими»). Тогда испытания показали, что глушитель практически не изменял начальную скорость пули и кучность боя, но и довольно слабо влиял на погашение звука и вспышки при выстреле. И по результатам его не стали дорабатывать. Но Сергей, вооруженный знаниями и опытом использования тактических глушителей в будущем, добавил в эскиз глушителя для СВТ несколько усовершенствований, которые позволят серьезно увеличить его эффективность.

Тактика действий таких групп – минные и огневые засады на дорогах, диверсии на железнодорожном полотне, уничтожение тыловых частей и баз снабжения и многое другое – подробнее об этом Сергей собирался расписать позднее, после возвращения из рейда, используя его результаты в качестве примеров.

В качестве личного состава мотоманевренных групп Сергей прописал предложение максимально полно использовать пограничников и бойцов войск НКВД. Они и подготовку имеют более высокую, чем бойцы стрелковых частей, и, как правило, более образованы, в том числе технически. К тому же самостоятельность и решительность действий в них развита гораздо больше, чем во вчерашних крестьянах, призванных в армию из глухих деревень. А еще, как это не цинично и презрительно звучало в его времени, весь личный состав боевых подразде-

лений НКВД военного времени отличался очень высокой степенью патриотизма, никогда добровольно не сдаваясь в плен и всегда до последнего выполняя поставленные боевые задачи.

Отдельно расписал для Трофимова, что для массированного уничтожения немецких эшелонов даже пути рвать не обязательно. Для этого Сергей, снова на отдельном листке, набросал эскиз нехитрого устройства, придуманного в его истории талантливым железнодорожным инженером Тенгизом Евгеньевичем Шавгулидзе, боровшимся с фашистами в одном из партизанских отрядов в Белоруссии. Зимой 1942/1943 года, в условиях острого недостатка взрывчатых веществ, испытываемого партизанами, этот умелец придумал и осуществил на практике идею пускать под откос эшелоны врага при помощи специального приспособления, действующего по принципу железнодорожной переводной стрелки и названного впоследствии «клином Шавгулидзе». Это приспособление представляло собой металлическое устройство весом около 18–20 кг и состояло из клина и откосной рейки, закрепленных на одной основе, строго подогнанной к размеру железнодорожного рельса. На его установку и крепление к рельсам болтами требовалось всего лишь несколько минут.

Принцип действия: наезжая на клин, переднее колесо паровоза накатывалось на наклонную плоскость, поднимаясь по ней. Далее буртик бандажа выходил из соприкосновения с рельсом, сдвигаясь в сторону, и колеса паровоза и вагонов, по откосной рейке, переводились с внутренней на наружную сторону рельса. Все – эшелон противника шел под откос. Клинья Шавгулидзе, изготовлявшиеся в большом количестве партизанскими мастерами, стали грозным оружием диверсионных групп и наносили фашистам немалый урон. Опыт диверсий показал, что применение «переводной стрелки Шавгулидзе» давало лучшие результаты, чем употребление взрывчатых веществ. Дело было в том, что в момент взрыва мины под паровозом нарушалась линия воздушных тормозов, которые автоматически срабатывали, и последние вагоны эшелона зачастую оставались невредимыми. Наскочив же на клин, состав разрушался полностью, особенно если насыпь была высокой, а скорость движения большой.

Подготовив материалы, Сергей передал их Трофимову для осмысления и подготовки необходимых ресурсов, как материальных, так и людских. Потом, получив таки разрешение на личное участие в диверсионном рейде, успел часа четыре поспать в казарме при штабе дивизии. А потом и поест, так что, ко времени выхода в ночной рейд лейтенант Иванов находился в состоянии бодром, отдохнувшем и был готов к новым героическим свершениям на этой войне...

Глава 6

Заместитель командира заставы 86-го Августовского погранотряда младший лейтенант пограничных войск НКВД СССР Игорь Петров сидел в оружейной комнате в здании штаба 33-й танковой дивизии и механически, по второму разу, разбирал и смазывал свой верный ручной пулемет ДП-27, но мысли его сейчас занимали совсем не вопросы смазки оружия. Петров размышлял о лейтенанте Иванове и о том, что изменилось в его, Игоря, жизни с тех пор, как они встретились на лесной поляне. Там, на поляне, в первый момент Игорь его за вражеского шпиона или диверсанта принял. Ну, а как иначе – новенький немецкий мотоцикл, вокруг много опять же немецкого оружия и снаряжения, и рядом лейтенант Иванов – вот он я, в одиночку немецкий патруль уничтожил. Подумал тогда Игорь, что Абвер (немецкая военная разведка и контрразведка) таким образом своего агента внедряет, – им на спецкурсах перед войной о хитрости и коварстве этой организации много рассказывали. И решил – как только к своим выйдут, сразу же особистам про этого лейтенанта все свои подозрения рассказать. Пока же внимательно наблюдать и подмечать детали.

Он и про помощь контуженному командиру заставы скорее от отчаяния спросил, особенно на что не надеясь. Но когда лейтенант Иванов, чтобы их командира к врачам побыстрее

доставить, организовал нападение на немецкий грузовик и сам взял на себя наиболее рискованную роль, Игорь свои оценки немного пересмотрел. Вряд ли немецкий шпион ради спасения советского командира такие усилия прилагал бы. Так что, наверное, все-таки не немецкий шпион. И, судя по его способностям и подготовке, пожалуй, действительно мог в одиночку уничтожить немецкий патруль.

Но вопросы все равно остались. Ладно, не шпион, но тогда кто? Обычный «Ванька-взводный», как сам Иванов говорит о себе, – однозначно нет. Тот бы не то что трех немцев, тот один на один с подготовленным немецким солдатом выйдя – не факт, что однозначно победил бы. Значит, не «Ванька-взводный», а тогда кто? И почему выдает недостоверную информацию?

Для прояснения своих вопросов Петров даже напросился вместе с лейтенантом Ивановым съездить к месту бомбежки и гибели пехотной колонны. Там убедился, что про это Иванов не соврал. И хотя остальные вопросы остались, решил для себя, что главное – лейтенант Иванов не враг, а остальные неясности могут и подождать.

Определившись в главном, Игорь затем легко перешел в подчинение к лейтенанту Иванову. Причем не потому, что тот был старше по званию – пограничники, подчиняясь НКВД, были в армии особой кастой, и Игорь, при желании, мог отговориться своей особой задачей и под командование к Иванову не идти, причем без особых для себя последствий. А подчинился он потому, что, блуждая с раненым командиром на руках по немецким тылам, не знал, что делать и как его спасти, а вот лейтенант Иванов, как оказалось, знал. И не просто знал, а быстро принял решение, разработал план и грамотно организовал его выполнение.

Только благодаря лейтенанту Иванову, он со своими бойцами и контуженого командира вовремя в госпиталь доставил и сами без новых потерь до своих в Сокулке добрались. Там Иванов его с бойцами и командиром на носилках пешком вперед отправил, а сам трофейную технику стеречь остался – как знал, что дальше последует.

Как только они донесли носилки до передовых постов и коротко рассказали, что прибыли из немецких тылов, командира заставы сразу в медсанбат отправили, а их как и положено, в особый отдел. И когда Игорь, по указанию лейтенанта Иванова, дежурному особисту сразу, еще перед допросом, рассказал, что сам лейтенант Иванов вместе с трофейной техникой стоит возле города и дожидается, когда за ними придет сопровождение, тот не поверил, побежал к начальнику особого отдела дивизии бригадному комиссару Трофимову. А Трофимов, как и сам Петров немного ранее, решил, что этот «лейтенант Иванов» просто немецкий шпион и таким образом пытается внедриться. Поэтому-то Трофимов, с двумя своими помощниками, сам за Ивановым поехал да еще бойцов комендантского взвода охраны, сколько в полуторку влезло, и броневик с собой взял. Ну, и Игоря с собой прихватили, мол, посмотришь, как мы шпионов ловим и разоблачаем.

Но когда предвкушающие захват шпиона особисты доехали до места, то увидели там заключительные действия лейтенанта Иванова по разгрому немецкого мотоциклетного дозора и освоению трофеев. А потом, по предложению все того же лейтенанта Иванова, в устроенной засаде одним неполным взводом и одним броневиком уничтожили немецкую моторизованную роту, да еще вместе с танками.

Тогда, распределяя бойцов по позициям и расставляя пулеметы, Игорь не особо задумывался о будущих результатах боя, как и о том, чтобы выжить в этом бою. Он, уцелевший с несколькими бойцами после разгрома заставы, считал, что свой долг по охране границы выполнил не до конца и позволил немецкой сволочи все-таки прорваться на охраняемую ими территорию Родины. Но тогда застава лежала в руинах, кончились боеприпасы, и было разбито все тяжелое вооружение. И еще – нужно было спасти тяжелораненого командира. Тогда Игорь с уцелевшими бойцами ушли, унося командира и оставив своих убитых боевых товарищей непогребенными, потому что на развалины заставы уже входила немецкая пехота при поддержке бронемашин.

И вот сейчас, опять-таки благодаря инициативе лейтенанта Иванова, можно было поквитаться с врагом. Поэтому Игорь не задумывался об исходе боя и о том, чтобы уцелеть в этом бою – он хотел только самого боя. Поэтому особо и не заморачивался с подготовкой пулеметных позиций для себя и остальных, за что потом был отведен в сторону и получил командирский разнос от лейтенанта Иванова. И потом, уже в бою, со злобной радостью расстреливая выпрыгивающих на землю – его, советскую землю – вражеских солдат, хотел только одного – уничтожить их как можно больше.

А когда бой закончился, Петров с немалым удивлением узнал, что из бойцов засады не погиб никто. И раненых всего несколько человек, да и то не особо тяжело. Но как?!..

Игорь видел, что и начальник особого отдела дивизии тоже впал в сильную задумчивость, вероятно, задавая себе тот же вопрос. Трофимов даже по радию в штаб о результатах боя не сразу сообщил, а чуть попозже, – после того, как сам лично еще раз все прошел и перепроверил. Наверное, в первые минуты после боя сам себе не мог поверить.

Игорь не знал, какие указания бригадный комиссар дал своим особистам после того боя, но после возвращения в Сокулку особисты словно забыли про отступление Игоря с пограничниками с заставы и их блуждание по немецким тылам. Они продолжили допрос его и его бойцов, но только про лейтенанта Иванова. Где и как встретились, кто и что сказал, кто и что сделал при захвате грузовика, как Иванов ставил задачу, как держался, что еще говорил и т. д., и т. п. Игорь отвечал на вопросы, а в голове его снова крутилась мысль – кто же он такой, этот лейтенант Иванов? И вообще, лейтенант ли?..

После допроса Игоря и его бойцов отправили в баню, потом накормили и выдали со складов дивизии новое обмундирование – Игорь заметил, что этого добра там было много. Оружие им оставили свое, и, только пограничники отправились в оружейную комнату его чистить, как Петрова вызвали к Трофимову.

Бригадный комиссар выглядел очень уставшим, но одновременно сильно возбужденным, с каким-то нездоровым блеском в глазах. Игорь не знал, что после беседы с лейтенантом Ивановым Трофимов долго и тяжело думал, осмысливая информацию и решая, как ему поступить с Сергеем. Отпустить в рейд по немецким тылам? Погибнуть тот вроде не должен – Трофимов лично видел, как Сергей, фатально для немцев и без потерь для своих, организует засады. Но на войне случайности неизбежны. А если лейтенант Иванов попадет в плен? Что тогда?! Но не пускать Иванова в рейд против его желания – значит, разрушить созданный доверительный контакт. И тогда где гарантии в полноте и достоверности дальнейшей информации от него? А ломать потом силой – тоже не выход. Потому что Иванов в результате, может, и будет отвечать на те вопросы, которые ему зададут, но с неизвестной степенью достоверности. А на вопросы, которые ему не зададут? Да и немецкие коммуникации снабжения повредить – оно тоже сейчас самое своевременное дело, это бригадный комиссар и сам понимал отлично. И потому вызвал младшего лейтенанта Петрова.

Усадив Игоря на стул, он снова стал задавать тому вопросы про лейтенанта Иванова, выясняя мельчайшие подробности встречи и последующего общения с лейтенантом Ивановым, хотя на столе у Трофимова уже лежали протоколы допросов Игоря и остальных пограничников. Когда вопросы, а некоторые из них по второму и третьему кругу, закончились, Трофимов неожиданно спросил:

– Скажи-ка мне вот что, младший лейтенант Петров. Ты с лейтенантом Ивановым почти сутки вместе был, в бою по захвату немецкого грузовика участвовал. Сам-то ты, как считаешь – ему верить можно?!

Игорь от такого прямого и неожиданного вопроса сначала немного замялся, вспомнив свои сомнения относительно того, что лейтенант Иванов не тот, за кого себя выдает, но потом посмотрел в глаза Трофимову и твердо ответил:

– Товарищ бригадный комиссар! Мне тоже кажется, что лейтенант Иванов что-то скрывает. Ну не может простой пехотный командир взвода такие вещи, как он с немцами, вытворять. Тут и подготовка нужна другая, и опыт. Причин его скрытности я не знаю. Но я твердо убежден – верить лейтенанту Иванову можно, он не враг, он наш – советский человек, и Родину не предаст!

– Наш значит? Советский? – задумчиво протянул Трофимов, словно принимая какое-то решение. – И в разведку ты с ним пойти готов?

– Готов, товарищ бригадный комиссар!

– Ну, что же, значит, так тому и быть. Сегодня в ночь ты с тремя своими бойцами, – их сам выберешь, – с приданным сапером и под командованием лейтенанта Иванова в рейд пойдете, снова к немцам в тыл. Твоя задача, помимо общих для вашей группы задач, внимательно наблюдать за лейтенантом Ивановым, подмечать малейшие детали. По возвращении – подробный отчет, как это у нас в НКВД заведено. И еще – к немцам лейтенант Иванов живым попасть не должен ни при каких обстоятельствах. Ты понял, младший лейтенант, – ни при каких обстоятельствах!!! Вопросы есть?

– Нет вопросов, товарищ бригадный комиссар, задачу понял...

И вот теперь, вместо того чтобы поспать пару часов перед рейдом в немецкие тылы, младший лейтенант пограничных войск НКВД СССР Игорь Петров сидел в оружейной комнате, по второму разу разбирал и смазывал свой верный ручной пулемет и думал о лейтенанте Иванове. Так все-таки кто же он такой, этот загадочный лейтенант Иванов?

Глава 7

Выехали, как Сергей и планировал, ночью, на двух трофейных «Цюндапах», основательно загруженных взрывчаткой, а также противотанковыми и противопехотными минами. Снова ехали проселками и к рассвету были в километре от знакомого перекрестка. Здесь остановились, и Сергей выслал пару бойцов с биноклем на разведку, а сам отозвал Петрова в сторону.

– Смотри, Игорь. На перекрестке, скорее всего, уже пост стоит. А это, как правило, мотоцикл с пулеметом и три мотоциклиста. Они сейчас наверняка сонные будут. Ты со своими бойцами постарайся их снять тихо, без стрельбы, и так, чтобы форму сильно не повредить. У нас, конечно, немецкая форма, чтобы переодеть, есть, но вдруг повезет, и на перекрестке будет не просто пост, а пост немецкой фельджандармерии. Это у немцев военная полиция такая, в задачи которой входят контроль дорожного движения, поддержание воинского порядка и дисциплины, проверка документов и многое другое. Для нас особенно важно то, что фельджандармы имеют право следовать через запретные зоны, блокпосты, караульные посты и так далее, а также при необходимости проводить розыск военнослужащих и военного имущества. Поэтому их никто из армейских на постах и КПП не останавливает и не проверяет – боятся связываться. Как раз то, что нам надо, для наших диверсионных дел.

– А как их отличить от обычных постовых? – загорелся Игорь.

– У них на шее поверх формы такие специальные бляхи на металлической цепи висят, фельджандармов поэтому в войсках еще «цепные псы» называют.

– Сделаем, командир! – заулыбался Игорь. – Только бы они нам попались!

В это время вернулись разведчики, и сообщили, что на перекрестке действительно появился пост – три человека, мотоцикл с коляской и пулеметом в ней. Двое дремлют в мотоцикле, а один сонно прохаживается рядом, вроде как дозорного изображает. Вооружены все трое автоматами. На вопрос Сергея бойцы ответили, что таки да, у немцев на шее висят какие-то бляхи на цепи, которые поблескивают в свете уходящей луны.

Радости младшего лейтенанта Петрова не было предела. Взяв трех своих бойцов и оставив в мотоциклах все лишнее, он растворился в поднимающемся утреннем тумане.

Минут через сорок, уже перед самым рассветом, Сергей с сапером завели мотоциклы и на малой скорости подъехали к перекрестку. К тому времени пост фельдандармерии уже был ликвидирован, трупы оттащили в лес, а Петров и его пограничники радостно сопели, осматривая трофеи. Группе достался новенький тяжелый мотоцикл BMW R 75 с коляской и пулеметом МГ-34 в ней, 3 автомата МП-38/40, 3 пистолета Люгер P08, они же знаменитые парабеллумы, плащи, снаряжение, патроны и консервы. Но самый важный для группы трофей – форма и специальные бляхи трех фельдандармов, которые здесь и сейчас в качестве пропуска были покруче, чем «вездеходы» спецслужб, госчиновников и прочих привилегированных категорий граждан России во времени Сергея.

И теперь, пока пограничники деловито осваивали трофеи, а сапер равнодушно дремал в коляске, сам Сергей пребывал в нелегких раздумьях. С одной стороны, он собирался днем подорвать и уничтожить пулеметным огнем пару небольших колонн на дороге, а ночью двинуться дальше, к железной дороге между городами Августов и Домброво, с другой – неожиданный бонус от лица немецкой полевой жандармерии давал возможность не ждать ночи и прямо днем спокойно доехать до «железки», а потом и вдоль нее, выбирая наиболее удобное для подрыва место, после чего и подорвать, а чем раньше подорвать, тем оно лучше.

После нескольких минут таких терзаний Сергей решил положиться на удачу. Если первую колонну, которая подойдет к перекрестку, можно будет быстро разгромить наличными силами, они это сделают, а потом двинутся дальше. Если нет – тогда основательно нашипируют перекресток минными гостинцами для беззаботных немецких водителей, и сразу дальше. Успокоившись на этом, Сергей распределил бойцов в засаду, и они стали ждать начала движения по дороге.

Удача сегодня определенно была на их стороне. С первыми лучами солнца на дороге, со стороны границы, показалась небольшая колонна из четырех грузовиков «Опель-Блиц» с тентованными кузовами. Впереди, метрах в пятидесяти, вероятно, в качестве передового дозора и одновременно командирской машины, шел небольшой военный грузовик (Kfz.70) – транспортный вариант легкого трехосного крупновского артиллерийского тягача «Krupp L2H 43» с бортовым кузовом и установленным в нем пулеметом на зенитной турели. За характерный вид сильно скошенного вниз капота, этот тягач получил у немецких солдат прозвище «Шнауцер» (нем. Schnauzer, от Schnauze – морда).

– Ты посмотри, какая замечательная машинка и как вовремя она нам попала! – радостно воскликнул Сергей, едва рассмотрев «шнауцер» в бинокль. Пожалуй, «мордастенький» немецкий грузовичок-тягач очень хорошо подойдет нам в качестве транспорта для группы.

Этот удачный трехосный (6×4) грузовик производился фирмой «Крупп» с 1930 года, в 1936-м был модифицирован. Брал полторы тонны груза и мог дополнительно буксировать прицеп либо орудие весом до тонны. Настоящей изюминкой была его высокая внедорожная проходимость – имея односкатные шины и очень удачную развесовку по мостам, крупновский тягач легко проходил даже по мягким грунтам, где вязли и более легкие автомобили.

«Так, ну, со “шнауцером” все предельно ясно – это уже не их машина, это наша машина. Что с остальными грузовиками делать? Вернее, с тем, что у них в тентованных кузовах находится? Если там, к примеру, продовольствие, или боеприпасы, или еще какие полезные ресурсы, так это очень хорошо и очень нам на руку будет, даже несмотря на то, что все это сейчас нам и не нужно.

«А если там солдаты? Четыре грузовика – это до полуроты активных стрелков получается, многовато будет... Но “шнауцер”, да еще с зенитным пулеметом... это, как говорилось в какой-то рекламе в мое время, настоящее искушение! С другой стороны, из засады, в

три пулемета по четырем, всего-то, грузовикам... Надо только пулеметы грамотно расположить!..» – размышлял Сергей и, приняв окончательное решение захватить артиллерийский тягач, быстро отдал необходимые команды и распределил пулеметы.

Колонну уничтожили практически мгновенно. Сначала два пограничника в форме фельдмаршалов вышли на дорогу, и один из них жестом, типичным, наверное, для «гаишников» всех времен и народов, приказал «принять вправо и остановиться». Затем, пока остальные грузовики подъезжали к головной машине и останавливались, «фельдпограничники», не торопясь, подошли к кабине «шнауцера» с двух сторон, якобы для проверки документов, после чего резко ускорились, из пистолетов перебили сидевших в его кабине и ринулись в кузов. Солдат, стоявший в кузове за зенитным пулеметом, растерялся на мгновение, и это стоило ему жизни. Больше в кузове тягача никого не было, и пограничники успешно потренировались в стрельбе по кабине следующего грузовика.

В это же время пулеметы, установленные в лесу с двух сторон от дороги, во фланги колонне, отработали по грузовикам длинными очередями, от кабины до заднего борта и обратно, вообще не сдерживая себя в расходе боеприпасов. Учитывая высокий темп стрельбы немецких «швейных машинок» МГ-34, у сидевших в кабинах и предположительно находившихся в кузовах солдат просто не было никаких шансов. Меньше минуты – и тентованные кузова грузовиков, прошитые и порванные пулями, практически ничего уже не скрывали, при этом никакого движения в кузовах не наблюдалось, как и криков раненых.

– Ну, значит, повезло нам, а не им, и в кузовах вместо немецких солдат везли что-нибудь материальное, может быть, даже и полезное для нас, – с облегчением выдохнул Сергей. – Пора собирать трофеи и уносить ноги.

Подхватив пулемет, из которого расстреливал последние в немецкой колонне грузовики, Сергей потащил его обратно к мотоциклу, на ходу раздавая команды.

– Игорь, группы из «шнауцера» – на дорогу, и пусть твои «фельдмаршалы» их обыщут. Все, что найдут – в кузов тягача. Мундиры тоже в кузов, состояние не важно, потом разберем. Сам отгони тягач с дороги на обочину и проверь его зенитный пулемет. Потом наблюдай дорогу в обе стороны – вот, держи бинокль. А они пусть соберут с расстрелянных грузовиков запасные канистры с бензином, потом, перед отходом, грузовики подожгут – нечего немцам ремонтнопригодную технику оставлять. Остальные! Автоматы к бою, осторожно проверьте кабины и кузова, добейте раненых. Потом посмотрите, что там они везли...

– Товарищ лейтенант! – неожиданно вмешался сапер. – Но добивать раненых...

– Молчать! – выверился на него Сергей. Ты, земляная твоя душа, хочешь, чтобы эти раненые немецкие солдаты выжили, подлечились и снова пришли на нашу землю – убивать?! Причем убивать не только солдат, но и женщин, детей, стариков?! Чтобы они жгли села, издевались над ранеными и пленными, а потом фотографировались на фоне трупов и сгоревших домов?! Чтобы они угоняли мирное население в концентрационные лагеря и на рабскую работу в Германию?! Мы их сюда не звали!!! А раз они сами пришли к нам с войной – чем больше мы их уничтожим здесь и сейчас, тем меньше они напакостить успеют на нашей земле! Выполняй приказ, – скомандовал Сергей, беря себя в руки после внезапной вспышки ярости.

– Есть выполнять приказ, – побледневший сапер сглотнул, снял автомат с предохранителя и пошел к немецкой колонне, где уже раздавались первые выстрелы остальных бойцов.

Через несколько минут выяснилось, что раненых, требующих дополнительного контроля, было не так и много, всего-то с пяток. Да и общее количество убитого личного состава в колонне оказалось не так уж велико – около двух десятков. А все потому, что автоколонна, будучи, скорее всего, частью тыловой колонны снабжения какого-нибудь полка, перевозила не людей, а различные материальные ценности. Соответственно ассортимент всего того, что было погружено в кузова грузовиков Сергея одновременно и радовал, и сильно раздражал.

Радовало наличие боеприпасов к немецким автоматам, пулеметам, минометам и ПТР. Радовали два ящика с новыми противотанковыми ружьями Pz.B-39 в полном комплекте. Радовали несколько ящиков мин и гранат, а также взрывчатки и средств взрывания.

Но куда, скажите на милость, девать без малого десять тонн всего остального, нужного и полезного добра, лежащего сейчас в потерявших способность к передвижению грузовиках? Продовольствие, много разного продовольствия: от различных консервов до круп и пищевых концентратов. Еще боеприпасы, в том числе снаряды, мины, патроны – тоже много. Обмундирование, снаряжение, различное хозяйственное имущество.

С собой увезти – не на чем, да и боевую задачу тогда не выполнить. Спрятать – ни времени, ни сил не хватит. Уничтожить – сердце кровью обливается, от жалости и жадности.

Эх, если бы заранее знать, что колонна идет только с имуществом и охранением... Тогда можно было попытаться сохранить хотя бы еще пару грузовиков, и попытаться их отвести от перекрестка, спрятать где-нибудь на потом. Ладно, чего уж теперь...

Еще через двадцать минут, когда бойцы утрамбовали кузов «шнауцера» всем, что смогли туда впихнуть, а сам Сергей, отказавшись от идеи жечь автомобиля, вместо этого щедро нашпиговал их минными и гранатными ловушками, что называется, во все доступные места, дал команду к отходу. Маленькая колонна, всего за несколько часов приросшая и хорошим мотоциклом, и отличным проходимым тягачом, покинула перекресток с гостеприимно ожидающими своих хозяев немецкими машинами и двинулась по дороге в сторону Августова. Сергей снова стоял за зенитным пулеметом, контролируя небо. Пусть вся техника в колонне немецкая и, скорее всего, бомбить ее немецкая авиация вряд ли будет, но береженого бог бережет.

Через десяток километров свернули на узкий проселок, почти тропинку, между лесом и заболоченным лугом, немного проехали по ней, затем, еще с километр, за поворот, скрывающий дорогу, и Сергей остановил колонну, загнав ее под деревья. Послав пару бойцов назад, к повороту, наблюдать за дорогой, Сергей позвал Петрова и сапера, чтобы оценить трофеи.

Больше всего Сергея порадовали противотанковые ружья и большой запас бронебойно-зажигательных патронов к ним. И еще запас топлива, в виде двухсотлитровой бочки, горизонтально уложенной на специальной подставке возле кабины «шнауцера». В нее, кстати, помимо собранных запасных канистр с бензином долили под пробку бензин из баков брошенных грузовиков. Остальное – немного стрелкового вооружения, боеприпасы, взрывчатка, мины и гранаты, консервы и пищевые концентраты – было уже как-то привычно. Ну, собрали с трюпов еще с десятков автоматов и винтовок, а также разную мелочевку типа биноклей, часов, бритвенных приборов и наборов для шитья – и ладно.

Пока бойцы разогревали трофейные консервы, Сергей определился с местонахождением группы по карте. Сейчас они находились возле реки Бебжа (другое название Бобр), которая дальше по течению пересекала железную дорогу как раз примерно посередине перегона Августов – Домброво. И, судя по ширине реки, мост там должен быть немаленький – если его рвануть, то немцы не скоро восстановят. Конечно, можно и пути в нескольких местах взорвать, как Сергей раньше хотел, но мост – это проблемы немецким ремонтникам уже совсем другого порядка.

– Решено, идем смотреть мост, – определился Сергей и присоединился к жующим бойцам.

После привала он разделил группу. Пограничников с Петровым во главе оставил на месте привала с задачами: хорошенько замаскировать тягач и мотоциклы; организовать наблюдение за дорогой, начать составлять график движения по ней вражеских колонн; разведать окрестности, выяснить, куда дальше ведет лесная грунтовка.

В ходе постановки задачи Сергей вспомнил, что методы маскировки в Красной Армии практически не развивались, поскольку не вписывались в наступательную доктрину войны.

– Кстати, Игорь, если найдете местных жителей, постарайтесь купить или выменять у них старые рыболовные сети. Чем больше, тем лучше. На обмен возьмите пару немецких винтовок и патроны.

Сам Сергей вместе с сапером отправился к железнодорожному мосту. От места их стоянки до моста по прямой, то есть по берегу реки, расстояние было примерно пять километров. Со всеми предосторожностями дошли за полтора часа, затем еще немного доползли и залегли примерно за полкилометра наблюдать. Ну, что сказать – мост действительно впечатлял. Солидный, порядка двухсот метров длиной, два его пролета опирались на капитальную опору, установленную посередине реки. И охранялся он тоже серьезно. С двух сторон помимо пулеметных гнезд стояли скорострельные 20-миллиметровые зенитки. На дальней стороне моста, через реку, рядом с зениткой – казарма, не менее чем на пару взводов солдат. Рядом с казармой Сергей заметил снятую с путей мотодрезину на шесть человек с двумя пулеметами на турелях.

Движение железнодорожных составов через мост было довольно интенсивным – за сорок минут наблюдения от границы в сторону наступающих немецких войск прошли состав с топливными цистернами и два состава с боеприпасами, судя по платформам, плотно уставленным ящиками характерного вида.

Судя по всему, немецкие снабженцы сейчас напрягаются изо всех сил, стараясь как можно более интенсивно использовать захваченные на приграничных железнодорожных станциях паровозы, топливные цистерны, вагоны и платформы советского образца для организации снабжения своих войск на захваченной территории. Колея-то у нас и у них разной ширины, немецкие паровозы и вагоны не подходят без переделки, а это лишнее время и потеря темпа наступления. Ведь не зря первые удары немецких войск на Белостокском выступе были нацелены на крупные железнодорожные станции – Гродно и Брест. Особенно Брест – от него железнодорожная магистраль через Барановичи прямо на Минск идет. И Сергей их отлично понимал. Транспортные коммуникации, особенно железнодорожные – артерии войны. Без них невозможно организовать ни снабжение, ни переброску и ротацию войск. И не зря основоположник военной логистики (а это перевозки, планирование, управление и снабжение войск, определение места их дислокации, а также строительство мостов и дорог) Антуан Анри Жомини называл логистику третьей составляющей системы управления войсками, наряду со стратегией и тактикой.

Сергею даже пришел на ум когда-то и где-то вычитанный афоризм – мол, глупые изучают тактику, умные изучают стратегию, а самые умные – логистику. И сейчас, видя, как немцы с успехом организовали интенсивное снабжение своих наступающих войск, Сергей был склонен согласиться с неизвестным автором афоризма.

Осмотрев диспозицию, Сергей повернулся к саперу. Тот задумчиво и печально жевал сорванную травинку, при этом ни малейших признаков оптимизма на его лице не наблюдалось.

– Что думаешь? Осилим?

– Боюсь, что нет, товарищ лейтенант – не осилим, – флегматично ответил тот. – Чтобы этот мост качественно и надолго вывести из строя, надо взрывать центральную опору. А как мне ее минировать и взрывать, при такой-то охране?

– И какие тогда предложения? – Сергей, наблюдая явное отсутствие у сапера энтузиазма и конструктивной инициативы, начал потихоньку заводиться.

– Никаких, – все так же флегматично ответил сапер.

– Ладно... – скрипнул зубами Сергей. – Сколько тебе нужно времени на минирование опоры?

– Минут двадцать – двадцать пять, если все приготовить заранее. И если немцы мешать не будут.

Сергей молча отвернулся от этого... печального сапера, и снова направил бинокль на мост. Настроение стремительно скатывалось в меланхолию. Сапер, хоть и сильно раздражает

своим отношением к выполнению поставленной задачи, но тут прав – при таком количестве охраны к центральной опоре не подобраться. Да дело даже не в количестве охраны как таковой, а вон в тех двух зенитках, установленных на концах моста и способных быстро превратить в кровавый фарш намного большее количество диверсантов, чем его небольшая группа. Конечно, будь у Сергея снаряжение из его реальности, тогда никаких проблем, – тихо подплыть под водой, при помощи специальных приспособлений тихо залезть на опору, затянуть взрывное устройство, выставить таймер, либо активировать радиодетонатор, уплыть обратно, нажать на кнопку, – и готово, боевая задача по подрыву моста выполнена успешно и без потерь. Но здесь и сейчас...

«Проклятье, неужели мост нам не по зубам, и придется удовлетвориться подрывами железнодорожного полотна, что намного менее эффективно и будет намного быстрее восстанавливаться немецкими ремонтниками? – подумал Сергей. – Хотя стоп – что это там такое везут?!...»

Через мост снова шел состав с топливом – но какой состав! Топливная цистерна в нем присутствовала только одна, а остальные – обычные открытые двадцатитонные платформы, на которых были плотно уложены горизонтально стандартные двухсотлитровые бочки с бензином, увязанные в несколько ярусов, возвышающихся над бортами платформ.

«Ну да, точно, – довольно улыбнулся Сергей, осмотрев и пересчитав платформы с бочками. – У немцев ведь система снабжения частей и подразделений топливом отличается от нашей. Это у нас везде цистерны и бензовозы, что, кстати, не всегда удобно и не всегда оправдано, особенно в условиях критической нехватки тех же бензовозов. А у немцев бензовозы – это в основном для авиации, а цистерны для доставки топлива по железной дороге на крупные узловые станции, ну и, опять-таки, еще на аэродромы. А основной способ снабжения моторизованных и танковых частей – именно вот так, бочками и канистрами, которые можно и на обычных платформах перевозить, и потом обычными грузовиками развозить. Кстати, такая организация весьма сильно увеличивает гибкость системы снабжения и снижает требования к наличию спецтранспорта, что как раз сейчас я и наблюдаю на примере вот этих вот стандартных открытых платформ, забитых бочками с бензином.

Ну, вот, собственно, и все! Теперь я знаю, как мы решим вопрос с многочисленной и совсем недружественной нам охраной моста!» – облегченно выдохнул довольный Сергей и обернулся саперу, чтобы поделиться с ним своей идеей. Снова наткнулся на его печальную физиономию, быстро передумал и только сквозь зубы отдал команду на возвращение.

На месте стоянки он убедился, что все его распоряжения выполнены, «шнауцер» и мотоциклы качественно замаскированы ветками, один боец в боевом охранении, один с биноклем наблюдает за дорогой, а оставшаяся пара во главе с младшим лейтенантом Петровым ушла на разведку.

Ожидая разведчиков, Сергей приказал саперу готовить подрывные заряды, при этом резко оборвал его вопросы и не стал ничего объяснять – сапер ему все больше не нравился. А сам взял наиболее ветхие части от немецкого и советского обмундирования и ножом стал распускать их на треугольные лоскуты примерно пять на пятнадцать сантиметров. К возвращению разведчиков у него были готовы две охапки лоскутов – оттенков хаки и фельдграу (желто-зеленого и зелено-серого). Осталосьшить или привязать эти лоскуты на большую рыболовную сетку с крупными ячейками – и готова самодельная маскировочная сеть для техники.

Младший лейтенант Петров со своим напарником вернулся из разведки, когда солнце уже перевалило за полдень. Из его доклада Сергей узнал, что проселок идет дальше в лес еще примерно на семь километров, где заканчивается у небольшого хутора на шесть домов. Рядом небольшая речка. Немцев на хуторе еще не было. Зато там есть раненый советский летчик, сбитый в первый день войны и упавший в лесу недалеко от хутора. Местные его подобрали и

выхаживают, как могут, но лекарств у них нет, а ранение у летчика серьезное, дело близится к нехорошему концу.

На две немецкие винтовки и двести патронов к ним разведчики выменяли у хуторян приличный мешок свежих продуктов, включая даже окорок, и целую охапку старых рыболовных сетей, но зачем лейтенанту Иванову старые сети, Игорь Петров не может понять до сих пор. В ответ на последнюю фразу Сергей усмехнулся и отправил разведчиков «разведать вон тот луг и принести по большой охапке травы каждый», а сам в это время послал дозорного вернуть наблюдателя от дороги и отрезал от сетей шесть кусков размерами примерно полтора на два метра. Когда все собрались, он показал, как из травы делать пучки и привязывать эти пучки к кускам сетки крестом. Затем Сергей взял один кусок сетки, зашел за кусты, чтобы бойцы его не видели, лег на землю и накрылся сеткой, а затем позвал бойцов. Когда бойцы, идущие в глубь леса на его зов, прошли мимо практически в двух-трех шагах и не заметили Сергея, тот счел испытания маскировочной сети успешными, сбросил ее с себя до пояса и тихо сказал им в спины: «Ку-ку». Надо было видеть изумленные лица бойцов, когда они обернулись и увидели Сергея, сидящего за их спинами!

Дав группе время, чтобы восторг от такой замечательной и нужной каждому разведчику вещи, поутих и каждый научился маскироваться своей сеткой не только на месте, но и в движении, Сергей собрал группу и поставил боевую задачу.

– Поскольку немцев на мосту для нас слишком много и вооружены они при этом слишком разнообразно, пусть в их уничтожении нам помогут сами немцы. Идея такая. Делимся на три двойки. Первая берет два противотанковых ружья с бронебойно-зажигательными патронами, залегает у моста в направлении на пост и казарму через реку. И ждет состав с топливом, причем состав не любой, а тот, где бензин будет перевозиться в бочках на открытых платформах. Когда состав поравняется с казармой и постом на той стороне, попутно перекрыв немцам возможность стрельбы оттуда в нашу сторону, эта двойка сначала пробивает из ПТР его паровой котел. Надеюсь, паровозная бригада поймет намек правильно, остановит либо затормозит состав и сама уберется с паровоза подальше. После этого первая двойка расстреливает бочки на открытых платформах бронебойно-зажигательными пулями. Думаю, взрыв даже одной платформы с горючим снесет и пулеметный пост, и зенитку, и казарму до кучи...

Вторая двойка берет два пулемета, залегает у моста в направлении пулеметного поста на его ближнем к нам краю. После взрыва состава расстреливает пост и контролирует свой конец моста. Особое внимание зенитке – если ее расчет сможет открыть огонь, то нам всем кранты, даже если к тому времени мы уничтожим все на том конце моста.

Третья двойка – сапер и боец с автоматом. Сапер минирует центральную опору, боец его охраняет. Если все получится, должны управиться, пока немцы на соседних постах не спохватятся и не придут с подкреплением выяснять, что случилось. Всем все ясно?

Потом Сергей распределил бойцов по двойкам и назначил старших в них. Себе взял самое сложное – ПТР и состав с горючим на дальнем конце моста, Игорю оставил пулеметы и пост на его ближнем конце.

Нагрузившись ПТР, пулеметами и взрывчаткой, группа двинулась к месту предстоящей диверсии. За километр до моста нацепили маскировочные сетки, дальше ползком. Позиции заняли примерно за триста метров от немецких, затаились. Нужный им состав из паровоза, пары цистерн и пяти открытых платформ с возвышающимися над их бортами бочками с бензином появился уже в начинающихся сумерках. Пропустив его по мосту на дальний берег, к казарме, Сергей вполголоса скомандовал своему напарнику бить по паровозному котлу, а сам прицелился в среднюю платформу с бочками.

Как только паровоз, громко и звонко засвистевший перегретым паром из пробоины в котле, резко сбавил ход и с него испуганными мышками метнулись в сторону члены паровозной бригады, Сергей выстрелил по бочкам. И сразу убедился, что, читанные им ранее неоднократно

хвалебные отзывы о высоких характеристиках немецких патронов 7,92×94 Маузер к противотанковым ружьям, вовсе не преувеличены. Бочки взорвались после первого же выстрела, после чего последовали детонация и взрывы остальных платформ с бензином.

Результат, как говорится, превзошел все ожидания. Взрывная волна была такой силы, что снесла не только цистерны с путей, а потом казарму, зенитку и пулеметный пост на своем конце моста, но и достала даже немцев на противоположном. Да что там немцев – даже Сергея с его бойцами чуть оглушило. И пока контуженые солдаты на ближнем конце моста приходили в себя, Петров со своим напарником в два пулемета выкосили их практически в одно мгновение, а сапер со своим помощником, взбодренные командирским пинком, уже бежали к мосту.

В этот раз Сергей дал команду собрать только патроны к пулеметам, – сердце кровью обливалось оставлять остальные трофеи, но больше они не уже не утащат. Поэтому, когда сапер закончил минировать опору, все остальные уже были готовы к движению, и, увидев его довольное лицо и поднятый вверх большой палец, вся группа как можно более быстрым шагом двинулась от моста в ночь. Успели отойти чуть больше двухсот метров, когда их догнал воздушный удар, а потом и звук от взрыва моста. Отряхнувшись, а потом и обернувшись, Сергей с огромным удовольствием зафиксировал взглядом упавшие в реку с двух сторон от центральной пролеты моста, освещенные заревом пожара от расстрелянного состава с горючим. И совсем небольшой остаток центральной опоры, которую немцам теперь наверняка придется возводить заново.

На душе у него потеплело. Впервые с того момента, как Сергей попал на эту войну, он почувствовал, что смог реально что-то сделать для замедления танковой лавины немцев, рвущейся сейчас к Минску.

– Благодарю за службу, бойцы, – негромко сказал Сергей, оглядывая группу.

Затем, дождавшись уставного ответа, продолжил:

– Большое дело мы с вами сделали. Немцам теперь этот мост не меньше месяца восстанавливать. И все это время снабжение топливом и боеприпасами наступающей от Гродно на Минск, и дальше, танковой группировки – возможно только автотранспортом, по автомобильным дорогам. А там уже мы – сидим, ждем, – с улыбкой закончил Сергей и подмигнул бойцам, которые от этого радостно загомонили.

К месту стоянки своей техники прибыли уже ближе к полуночи. Сказались и темнота, и накопившаяся при движении с приличным грузом усталость. Перекусили, и бойцы, свободные от караулов, улеглись спать. К Сергею сон не шел, он все думал, что же делать с раненым летчиком. Если его не забрать, тогда неизбежно умрет. Если забрать – его надо сразу в госпиталь, и тогда диверсионный рейд придется прервать, в результате несколько немецких колонн безнаказанно пройдут к фронту. Что выбрать? Принести человеческую жизнь в пользу стратегической необходимости? Выбрать меньшее зло? Так это как раз в настоящее время уже делают местные правители на всех уровнях, от «вождей» и «отцов нации» до всяких «уполномоченных», затыкающих живыми людьми свои ошибки и просчеты. И армейские чины от них не отстают, посылая необученных и вооруженных устаревшими винтовками солдат против пулеметов, артиллерии, танков и самолетов противника. А уж как простых людей приносили в жертву различным идеям и интересам чиновников всех уровней в той, прошлой жизни Сергея!

Так что же делать?..

Не спал и младший лейтенант Игорь Петров. Он лежал тихо, имитировал дыхание спящего человека, но сквозь полуприкрытые веки наблюдал за лейтенантом Ивановым. Сегодняшний день опять принес ему массу подтверждений, что лейтенант Иванов не тот, за кого себя выдает. Его неизвестные и необычные знания, потрясающие по эффективности тактические приемы уничтожения фашистов – все указывало не только на высокий уровень разведывательной и диверсионной подготовки, но и на большой опыт проведения таких дерзких операций. Но где пехотный лейтенант, командир заурядного взвода заштатной стрелковой роты обычного

стрелкового полка мог получить такие знания и такой опыт? И что писать в отчете для начальника особого отдела по возвращении?

Игорь видел, что Сергей тоже не спит, и догадывался, что он думает о том, что делать с умирающим летчиком, – видел сегодня его изменившийся взгляд, когда доложил о раненом. И сам для себя решил, что то, как лейтенант Иванов поступит с летчиком, будет последней проверкой. Пограничники своих раненых не бросали – никогда. И если Сергей бросит беспомощного раненого летчика умирать или, того хуже, ждать немецкого плена – тогда он, конечно, может быть, и советский командир. Но тогда он один из тех – идеологически правильно подкованных, колеблющихся вместе с генеральной линией партии – командиров, что для выполнения громких лозунгов и своих карьерных замыслов никого вокруг не жалеют – трупами себе дорогу наверх устилают. И тогда он – пусть и советский, но пограничнику Игорю Петрову не свой, и верить ему до конца Игорь уже никогда не будет. С этой мыслью Петров задремал.

За два часа до рассвета Сергей окончательно решил, что оставить раненого летчика умирать или дожидаться неизбежного плена просто не сможет, и разбудил Петрова.

– Игорь, возьми тягач и бойца за пулемет, съездите на хутор и заберите раненого летчика. Хуторянам еще патронов оставь, просто так, в качестве благодарности за то, что они летчика выхаживали. Возвращайтесь сюда и ждите нас. А мы с сапером съездим к мосту дальше по дороге, на которой вчера немецкую колонну уничтожили – глянем, что к чему.

Когда Петров на «шнауцере» уехал, Сергей разбудил сапера, и они, оседлав мотоцикл, вдвоем отправились сначала к дороге, а потом по ней к автомобильному мосту. До него от места, где группа Сергея съехала с дороги в лес, было не больше десяти километров, добрались за час, как раз к рассвету. Осмотрев мост в бинокль, Сергей понял, почему по дороге от Августова на Домброво идут только небольшие колонны без бронетехники. Сам мост был деревянным и даже визуально выглядел настолько ветхим, словно его не ремонтировали лет десять. Очевидно, немцы знали об этом, вот при наступлении и использовали эту дорогу только как вспомогательную. Охранялся мост соответственно своему статусу и состоянию – одним патрулем из трех солдат на мотоцикле с пулеметом в коляске. Все три патрульных сладко спали возле мотоцикла, наверное, решив, что они в тылу, а война ушла далеко вперед. Осмотрев в бинокль дорогу, и убедившись, что она пуста в обоих направлениях, Сергей всего тремя выстрелами из пистолета превратил сладкий сон солдат патруля в вечный сон. Затем он вместе с сапером полил мост бензином из мотоциклетной канистры и поджег его. Когда, уже на двух мотоциклах, куда сложили оружие и трофеи с немцев, они отъезжали от моста, тот всюду разгорелся и весело гудел сильным пламенем.

Вернувшись к месту стоянки техники, Сергей убедился, что Петров на «шнауцере» уже успел вернуться с раненым летчиком, а остальные собрались и готовы к выезду. То, что летчик плох, было сразу видно даже при беглом взгляде на него. Летчик тяжело, с хрипом, дышал, временами теряя сознание. Идущий от него тяжелый запах недвусмысленно указывал на скорую близость процесса отмирания тканей в области ранений.

Сергей задумался, глядя на карту.

Чтобы спасти летчика, придется ехать в Сокулку по наиболее короткому маршруту, это через Домброво, а там уже немцы. Но у группы вся техника трофейная и имеется форма фельджандармерии, – авось проскочим. Решено, двигаться будем в сторону Домброво, а там, не заезжая в город, поворот на Сокулку и дальше около тридцати километров по прямой. Приняв решение, Сергей распределил бойцов по технике. Впереди мотоцикл БМВ, в нем боец за рулем и Игорь Петров за пулеметом – оба в облике фельджандармов. За ним «шнауцер», в его кузове за зенитным пулеметом Сергей. Остальные мотоциклы с пограничниками за рулем замыкают колонну.

– Готовы? Поехали!

Глава 8

Прошли почти сутки с того момента, когда начальник особого отдела 33-й танковой дивизии бригадный комиссар Трофимов, в сопровождении бойцов комендантского взвода на полуторке, выдвигаясь с рубежа обороны на северо-западном въезде в Сокулку, забрал оттуда единственный пушечный броневедомитель БА-10 и направился в сторону наступающих немецких войск.

Лейтенант Ковалев, незадолго до этого назначенный командиром оборонительного рубежа, провожая взглядом уходящий с него броневедомитель, еще подумал тогда, что единственную боевую машину, с помощью которой у него была хоть какая-то надежда удержать оборону, забрали, а значит, скоро его бойцам, да и ему самому придет конец. Строго говоря, бойцы на переезде были не его и вообще не были боеготовым подразделением – так, собранные с борю по сосенке, солдаты из различных разбитых подразделений, попавших в город в ходе отступления от границы, наскоро организованные в два стрелковых взвода неполного штата и направленные оборонять въезд в город. Боевой дух соответствующий – в сторону вероятного появления немецких войск бойцы косились с плохо скрываемым страхом.

Да и сам лейтенант Ковалев, хоть и старался всеми силами этого не показывать, но испытывал липкий холодный мандраж, ибо настоящим командиром еще не был. Только что из училища, был направлен для дальнейшего прохождения службы в 8-ю стрелковую дивизию, что дислоцировалась возле границы между Граево и Ломжей, но доехать туда не успел – началась война. В ходе отступления от границы оказался в Сокулке, здесь на второй день войны получил под командование два наспех собранных взвода, две противотанковые пушки и пушечный же броневедомитель, и боевую задачу – усилить почти уничтоженный регулярными бомбежками заслон на въезде в город и удерживать оборону любой ценой. И вот теперь, провожая взглядом уходящий броневедомитель, лейтенант Ковалев готовился к своему первому и, наверное, последнему бою. Потому что без броневедомителя, только на «сорокопятки» особой надежды не было, – суетливый вид и резкие, дерганные движения артиллеристов выдавали в них таких же необстрелянных новичков, каким был и сам Ковалев.

А потом начались странные, но приятно волнующие неожиданности. Сначала со стороны ушедшей колонны в город въехали четыре мотоцикла с колясками, которые оказались немецкими – трофеи с уничтоженного мотоциклетного дозора. Причем в одной из колясок везли пленного немца. Потом до поста донеслись звуки недалекого боя. А потом на позиции – встречать своего начальника Трофимова – вернулся старший политрук из особого отдела, который командовал проехавшей в город ранее колонной мотоциклов. Он находился в благодушно-приподнятом настроении и рассказал, что примерно в километре-полтора от города бойцами комендантского взвода и броневедомителем, взятым с этого вот рубежа, была уничтожена шедшая на город с их направления моторизованная рота вермахта и несколько легких танков. И что сейчас он прибыл встречать победителей с остальными трофеями. Бойцы, окружившие особиста и жадно слушавшие его рассказ, оживали на глазах. И к моменту возвращения в город полуторки с бойцами и броневедомителем, к которым добавился трофейный немецкий грузовик, восторг и боевой дух бойцов лейтенанта Ковалева был высок как еще никогда на этой войне.

Но на этом приятные для оборонительного рубежа лейтенанта Ковалева новости не закончились. Неожиданно трофейный грузовик остановился, из него вылез пехотный лейтенант, о чем-то переговорил с начальником особого отдела дивизии, а потом позвал командира броневедомителя, и вдвоем они подошли к Ковалеву.

Последующие полчаса показались Ковалеву волшебным и сказочным сном. Лейтенант Иванов скупыми, точными фразами рассказал, где и как расставить и замаскировать противотанковые орудия, которые неопытные артиллеристы поставили в чистом поле и почти рядом.

Где и как оборудовать запасные позиции для них, как наиболее эффективно использовать броневик и прятать его от авиации, как оборудовать основные, запасные и отсечные позиции для пулеметов, в том числе немецких, которые лейтенант Иванов и выдал из своих трофеев, – вообще много чего из трофеев выдал, даже тяжелый миномет артиллеристам оставил, с приличным запасом мин. Рассказал, как бойцам от бомбежек спастись, и еще много ценных для необстрелянного новичка советов дал.

Потом они с Трофимовым уехали, а для бойцов оборонительного рубежа началась насыщенная боевая учеба, совмещенная с радостями физического труда на свежем воздухе. Благо, немцы, потеряв на этом направлении целую роту и несколько танков, до следующего утра никаких действий не предпринимали и дали Ковалеву время для реализации советов лейтенанта Иванова по улучшению обороны, а также своих собственных мыслей, родившихся под влиянием общения с Ивановым и в результате прироста трофейного вооружения. Хотя и неопытный, необстрелянный, но учеником лейтенант оказался способным, да и сам по себе был далеко не дурак, в военном училище учился старательно и на совесть. Окрыленный резко изменившимися в лучшую сторону перспективами будущего боя, он не только выполнил все советы лейтенанта Иванова, но и сам придумал несколько достаточно интересных в тактическом плане вещей.

Щели приказал выкопать не только на позициях, но и неподалеку от вынесенных вперед и в стороны от флангов противотанковых «сорокопятков», чтобы их расчеты тоже могли прятаться от бомбежки. Ближние к домам щели оборудовал перекрытиями из бревен и досок от развороченных бомбами домов, сверху замаскировал строительным мусором. Послал бойца в город, приказав хоть из-под земли достать куски рыболовных сетей, а потом доставленными сетями с привязанными пучками травы замаскировал «сорокопятки» и щели возле них.

Возле орудий – чуть в стороне и позади – дополнительно расположил по пулеметному расчету в замаскированных пулеметных гнездах – для стрельбы во фланги наступающей пехоте.

После окончания фортификационных работ, по настоянию лейтенанта артиллеристы провели обучение бойцов стрельбе из немецких 50-миллиметровых минометов, потом из наиболее способных организовали три минометных расчета и подготовили для каждого по несколько запасных позиций. Аналогично Ковалев организовал обучение бойцов обращению с немецкими МГ-34 и комплектование пулеметных расчетов.

А утром, 25 июня, немцы устроили лейтенанту Ковалеву и его бойцам жесткую проверку стойкости и боевого духа.

Сначала традиционная бомбежка, которую бойцы Ковалева переждали в щелях. Потери при этом, в отличие от ситуации при прошлых бомбежках, были минимальны – пара легких контузий от особенно близких разрывов. Потом традиционный передовой дозор на двух мотоциклах с МГ-34 – его подпустили поближе и расстреляли в упор – сказалось превосходство в огневой мощи благодаря шести трофейным пулеметам. После уничтожения дозора Ковалев послал несколько наиболее проворных бойцов, и те, до подхода основных сил немцев, успели докатить до позиций один целый мотоцикл и дотащить второй, поврежденный, а также трофеи с убитых – вдохновленный советами и опытом Иванова, лейтенант приказал тащить на свои позиции все, что можно дотащить. А поврежденный мотоцикл, может, потом на запчасти сгодится. После этого короткого боя задор и боевой дух его бойцов еще усилился, хотя казалось, что больше уже некуда. С горящими глазами, весело перешучиваясь, они ждали следующих врагов, готовясь уничтожить и их.

Но первыми на оборонительных позициях появились не враги, а вчерашний старший политрук-особист. Прибыв на позиции со своей СВТ, он сообщил лейтенанту Ковалеву, что тот по-прежнему командует обороной рубежа, а он здесь только для наблюдения и сбора информации о ходе боевых действий, после чего попросил определить ему место в боевых порядках.

А пока, пользуясь затишьем, зарисовал схему конфигурации обороны, подробно расспросил Ковалева, что и как было сделано, особо интересуясь советами от лейтенанта Иванова, затем расспросил о ходе первого утреннего боя и осмотрел трофейные мотоциклы, пулеметы с которых уже сняли и сейчас готовили дополнительные позиции для них. Своей дотошностью особист так вымотал Ковалева, что тот даже с радостью услышал доклад наблюдателя о появлении основных сил немцев и схватил трофейный бинокль.

До конца дня бойцы лейтенанта Ковалева на усовершенствованном оборонительном рубеже отбили четыре атаки танков и пехоты вермахта, перемежаемые бомбежками и артиллерийскими обстрелами. Уничтожили три легкие пушечные «двойки» и две легкие пулеметные «единички», и до роты пехоты. Потери обороняющихся на фоне немецких потерь выглядели мизерными – лейтенант Ковалев потерял двенадцать человек убитыми, еще пять тяжелоранеными. Были еще девять легкораненых, но они отказались уходить в тыл и упростили лейтенанта оставить их на боевом рубеже. Особист, кстати, во время боя проявил себя очень неплохо. Он оказался настоящим снайпером и из своей «светки» – даже без оптического прицела – лихо выбивал немецкие пулеметные расчеты и командиров.

Из вооружения обороняющиеся к концу целого дня боев потеряли обе «сорокапятки» и четыре немецких пулемета. Но зато добыли отличный трофей – практически неповрежденный немецкий легкий разведывательный броневый автомобиль «Leichte Panzerspähwagen» (Sd.Kfz.222), вооруженный 20-миллиметровой автоматической скорострельной пушкой, как на немецкой «двойке», к тому же с оптическим прицелом. Тут, надо признать, им просто повезло. В последней атаке у немцев кончились танки, а у обороняющихся красноармейцев были разбиты обе противотанковые пушки. И снаряды у БА-10 тоже кончились, а подвезти, как это часто бывает, не успели. Поэтому немцы для поддержки своей пехоты отправили в атаку легкий броневик, а уцелевшие советские артиллеристы начали обстрел наступающей немецкой пехоты и броневика из трофейного 81-миллиметрового миномета. К ним присоединились трофейные 50-миллиметровые минометы. И одна из мин удачно прилетела в башню немецкой машины. А башня у этого броневика открыта сверху, поэтому вместо крыши у нее стальной каркас с натянутой на нем проволочной сеткой (защита от гранат). Вот в эту сетку и попала мина, после чего экипаж в составе трех человек практически мгновенно погиб, а броневик заглох посреди поля. И после того, как последняя атака была отбита, уцелевшие немцы почему-то не стали на ночь глядя устраиваться в обороне, а вместо этого свернули свои боевые порядки и отошли. Вот тогда, в ходе сбора трофеев с убиенной немецкой роты под прикрытием пулемета БА-10, его механик-водитель в темпе осмотрел немецкий броневик и выяснил, что он, за исключением экипажа, практически не поврежден. Наскоро отчистив сиденья от останков предыдущего водителя, Sd.Kfz.222 завели и перегнали в один из сараев за линию обороны. А потом экипаж БА-10 в несколько ходок дружно выпотрошил подбитые немецкие танки, сняв оттуда еще девять пулеметов с боекомплектом и притащив немалый запас снарядов для пушки немецкого броневика – пушки-то у них одинаковые. Да еще с немецкой пехоты бойцы приволокли один целый и пять поврежденных МГ-34, два 50-мм миномета, запас мин и патронов к ним. Ну, и конечно, немецкие автоматы, пистолеты, патроны к ним. А немецкие винтовки Ковалев даже не считал – их излишки грудой свалили за одним из домов после того, как бойцы перевооружились трофеями и сдали остатки мосинских патронов расчетам с ДП.

Ни лейтенант Ковалев, ни особист-наблюдатель, да и сами бойцы, не ожидали настолько успешных результатов первого дня оборонительных боев. Практически на ровном месте, без капитальных инженерных оборонительных сооружений – только за счет плотности и маневра огнем, неожиданных для фашистов – два неполных взвода бойцов сумели нанести им чувствительные потери в живой силе и технике. И при этом – за счет трофеев – практически не потеряли в огневой мощи, а по пулеметам так и значительно усилили ее. Лейтенант Ковалев, когда особист все, что хотел, зарисовал, подсчитал и выяснил, и собрался ехать в штаб диви-

зии на немецком мотоцикле, захваченном утром, набрался наглости и попросил его прислать для захваченного немецкого броневика экипаж, чтобы использовать его в завтрашнем бою. А своим бойцам дал команду выставить дозоры и отдыхать. Так закончился для него первый день войны – его собственной войны.

А старший политрук поспешил в штаб дивизии – доложить бригадному комиссару Трофимову результаты своих наблюдений.

Трофимов, ознакомившись с отчетом своего помощника, которого он направил проверить эффективность идей лейтенанта Иванова по улучшению обороны на въезде в Сокулку, высказанных им вчера, а также степень понимания и реализации этих идей лейтенантом Ковалевым, серьезно задумался. То ли молоденький и еще ни разу не бывший в бою лейтенант Ковалев оказался очень способным учеником, то ли лейтенант Иванов – очень способным учителем. А скорее всего – и то, и другое вместе. Иначе, как объяснить потрясающую эффективность первого для молодого командира дня боев, четыре отбитые атаки, низкие потери в живой силе и технике? И это под регулярной бомбежкой и артобстрелом! А еще богатые трофеи, которых бойцы Ковалева – ну хомяки, право слово, – за день боев столько насобирали, как бы ни больше, чем у них было до этого!

Да, трофеи... Трофимов, сам воюя давно и на разных фронтах, знал, что сбор трофейного оружия и техники и последующее их использование в боях в Красной Армии не только не поощрялось, но и прямо запрещалось под угрозой наказания. Согласно действующей идеологии – сбор и использование трофейного оружия были показателем признания того факта, что оружие врагов Красной Армии (и Советской власти соответственно) является более лучшим, чем собственное оружие. Не говоря уже об остальных трофеях – с ними было еще строже. Трофимов с такой точкой зрения на сбор и использование трофеев был не согласен, считал это глупостью и перегибами, но молчал.

А вчера утром – в ходе засады и последующего расстрела маршевой колонны немецкой роты – собственными глазами увидел и убедился, как использование трофейных немецких скорострельных пулеметов помогает сохранить жизни советских бойцов и увеличить количество уничтоженных врагов. После этого он молчаливо разрешил лейтенанту Иванову оставить на въезде в город трофейные пулеметы и минометы, чтобы усилить оборону, а сам послал одного из своих помощников оценить эффективность и целесообразность использования трофейного оружия неподготовленными бойцами Красной армии. А также, выслушав просьбу и несколько неуклюжую аргументацию лейтенанта Иванова, разрешил бойцам использовать более удобное немецкое снаряжение, включая ранцы, и поменять свои ботинки с обмотками на качественные немецкие сапоги.

И вот теперь, ознакомившись с отчетом своего помощника, бригадный комиссар глубоко и надолго задумался.

Пожалуй, целесообразность использования трофейного оружия – особенно автоматического и тяжелого – для усиления огневой мощи советских войск, можно считать доказанной. Особенно его образцов, превосходящих аналогичные наши образцы по своим характеристикам. И даже особого обучения для этого не требовалось.

Кстати, что там лейтенант Иванов написал про вооружение этих своих мотоманевренных групп? Ну да, точно – почти все вооружение трофейное предлагает использовать, за исключением СВТ. И его доводы очень хорошо подтверждаются результатами сегодняшнего боя.

Начальник особого отдела 33-й танковой дивизии снова глубоко и надолго задумался, готовясь принять, пожалуй, самое нелегкое в своей жизни решение и внести наконец свой, персональный, вклад в изменение хода этой войны.

Потом вызвал дежурного по отделу и продиктовал тому три распоряжения:

«Командирам, начальникам всех частей и подразделений 33-й танковой дивизии! По результатам анализа сложившейся оперативной обстановки, оценки соотношения огневых сил

и средств в передовых порядках немецких и советских войск особый отдел дивизии направляет рекомендации о необходимости сбора трофейного вооружения, боеприпасов и техники с целью последующего их использования в боях с немецко-фашистскими захватчиками. Особое внимание уделить сбору и использованию трофейных немецких пулеметов и противотанковых ружей. Командирам частей и соединений в журналах боевых действий вести отдельный учет количества трофейного оружия и эффективности его использования. Рекомендовать провести с личным составом частей и соединений политические беседы с привлечением сотрудников особых отделов, в которых разъяснить целесообразность использования оружия врага против него самого для защиты Советской Родины и скорейшей победы над фашистами. Сотрудникам особых отделов усилить наблюдение за состоянием дисциплины и боевого духа личного состава в подконтрольных подразделениях. Строго пресекать разговоры о превосходстве немецких войск, их техники и вооружения, выявлять и изолировать инициаторов таких разговоров.

Сотрудникам особых отделов 33-й танковой дивизии в течение суток собрать данные о количестве и номенклатуре трофейной техники, находящейся в подконтрольных подразделениях, обобщенные списки работоспособной трофейной техники с указанием технического состояния и наличия боекомплекта представить в особый отдел дивизии.

Отдельно представить списки наличия поврежденной и поломанной трофейной техники с заключениями воентехов о возможности и целесообразности ее ремонта, с использованием технических возможностей ремонтно-восстановительного парка дивизии в городе Сокулка.

Отдельно представить указанные данные по поломанной и поврежденной советской технике, в том числе других частей и подразделений РККА, находящейся в расположении частей дивизии.

Сотрудникам особых отделов 33-й танковой дивизии в течение двух суток принять все возможные меры к установлению местонахождения массовых скоплений техники дивизии, оставленной при отступлении в результате поломок или без топлива.

Собрать и представить в особый отдел дивизии списки техники – отдельно поломанной, с указанием вида и степени поломки, возможности ремонта на месте при условии доставки запасных частей – отдельно исправной, оставленной без топлива.

Отдельно собрать и представить в указанный срок данные о местах скопления брошенной артиллерии всех калибров и систем, с указанием технического состояния орудий, наличия боеприпасов.

По возможности, собирать и представлять в особый отдел дивизии по мере готовности данные о местонахождении массовых скоплений техники, артиллерии, других частей и подразделений РККА, оставленной при отступлении по аналогичным причинам.

Сотрудникам особых отделов при проведении установочных и контрразведывательных бесед с вышедшими в расположение частей дивизии бойцами и командирами других частей и подразделений РККА в обязательном порядке собирать данные по наличию и расположению оставленных при отступлении складов, баз и мест хранения вооружения, снаряжения, боеприпасов и иных материальных ценностей. Собранные данные по мере готовности направлять в особый отдел дивизии с приложением материалов об обстоятельствах оставления врагу материальных ценностей».

Отправив дежурного шифровать и рассылать свои распоряжения, бригадный комиссар вызвал одного из своих сотрудников и отправил того с эскизами глушителя для СВТ и клиньев Шавгулидзе к заместителю командира дивизии по тылу – организовать скорейшее изготовление и обеспечить режим секретности.

Потом Трофимов вызвал командира ремонтно-восстановительного батальона дивизии и приказал готовить все ремонтно-восстановительные мощности к возможному наплыву неисправной и подбитой техники, причем не только советской, но, возможно, и трофейной. И пре-

дупредил, что низкая скорость восстановления техники может быть расценена «компетентными органами» как саботаж, чем опечалил того до невозможности. Но потом, глядя на вмиг поникшего головой комбата, дал ему разрешение использовать для ремонтно-восстановительных работ не только ресурсы своего батальона, но и все производственно-ремонтные мощности города, включая ресурсы локомотивного и вагонного депо железнодорожной станции, автомастерских и вообще всего ремонтного потенциала города, до которого тот сможет дотянуться. И дал еще один совет, где можно найти дополнительные рабочие руки.

– Сейчас в городе уже скопилось много беженцев, а скоро их может быть еще больше. И всем им надо что-то есть и где-то жить. А бежать дальше скоро может оказаться некуда, да и не на чем, если немец в наши тылы прорвется и дороги под контроль возьмет. Поэтому – обратись к военному коменданту города, я дам команду – и он тебе предоставит возможность выбрать из них инженерный, технический и рабочий состав. Шпионов и пособников фашистов среди них сейчас особо искать не будем – не до этого, да и нет у тебя там ничего секретного. Оплату труда этих работников организуем продуктами, поможем с жильем. Желающих без специальности и женщин – тоже бери – им ведь податься некуда, а есть и где-то жить тоже нужно. А так будешь их на подсобных работах использовать, своих специалистов для более серьезных дел высвободишь.

Отпустив изрядно повеселевшего «главпотеха», начальник особого отдела с хрустом потянулся и посмотрел на часы – приближалась полночь. Надо бы хоть несколько часов поспать. Но поспать не получилось – в дверь постучали, и дежурный сообщил, что пришел приказ из штаба Западного фронта.

Глава 9

Ранним утром 26 июня 1941 года небольшая колонна, состоящая из мотоцикла фельд-жандармерии, крупновского тягача, и трех замыкающих мотоциклов, неслась по дороге, стараясь поддерживать максимальную скорость – выходило примерно тридцать пять – сорок километров в час. И, наверное, только высокая скорость спасла экипаж головного мотоцикла от смерти – пулеметчик из леса неправильно взял упреждение, в результате чего короткая очередь прошла мимо. Передовой мотоцикл затормозил и пошел юзом, чуть не слетев с дороги. Сергей, традиционно дежуривший в кузове «шнауцера» возле зенитного пулемета, сразу догадался, что это, скорее всего, свои – немцам еще рано по лесам засады устраивать, это у них позже, ближе к 1943 году начнется. К тому же характерный грохот и лязганье ручного пулемета Дегтярева спутать с немецким пулеметом было никак невозможно. Поэтому он из кузова «шнауцера» дал длинную очередь в сторону лесного стрелка, на уровне пары метров от земли, чтобы не задеть, и крикнул водителю грузовика тормозить, после чего схватил автомат, выпрыгнул из кузова грузовика и, пригибаясь, бросился в лес, где присел за деревом и замер, прислушиваясь. Младший лейтенант Петров, злобным бизоном вломившись в лес метров на пятнадцать дальше, тоже замер. В наступившей тишине слышался слабый треск веток, ведущий в глубину леса. Подбежавшим бойцам Сергей дал команду отвести транспорт на обочину и выставить боевое охранение, а они с Игорем осторожно пошли в глубь леса, по следам незадачливого истребителя немецко-фашистских захватчиков.

Пройдя вглубь метров примерно двести, услышали бормотание, изредка прерываемое горестным женским голосом. Осторожно подобравшись к источнику шума, увидели небольшую полянку, на которой находились пятеро бойцов погранвойск НКВД различной степени побитости и явно истощенных, а на самодельных носилках лежал раненый командир погранвойск НКВД с эмалевым прямоугольником (шпалой) в петлицах. Завершала картину красивая, статная девушка в некогда белом, а сейчас довольно грязном гражданском платье и жакете,

сидевшая возле раненого с тощей медицинской сумкой через плечо и сердито выговаривающая бойцу с ручным пулеметом Дегтярева в руках.

– Ну, зачем ты стрелял?! Последние патроны истратил, а транспорт не добыл. И что теперь? Как мы раненого командира к нашим, в госпиталь, будем транспортировать? У нас медикаментов нет, бинты кончаются. Не донесем ведь – умрет.

Оружие остальных бойцов – четыре винтовки СВТ-40 – было кучей сложено в углу поляны. Боец с пулеметом виновато оправдывался.

– Не смог я сдержаться. Как увидел, что они по нашей земле, как у себя дома раскатывают – такая злоба меня взяла, что опомнился, только когда стрелять начал. Жаль, не попал...

Сергей слушал этот диалог и невольно улыбался. Девушка, отчитывающая молоденького пограничника, почему-то напоминала ему кошку-маму, что преувеличенно сердито шипит на своего котенка-несмышленища, воспитывая его.

– Раненого капитана я знаю. Это начальник 3-й пограничной комендатуры нашего погранотряда, она в городе Августов находилась, – еле слышно выдохнул Игорь Сергею.

Сергей посмотрел на Игоря, шепнул, чтобы тот сдвинулся в сторону и страховал, а сам, тоже сдвинувшись на пару-тройку метров в противоположную от Игоря сторону, негромко кашлянул из-за дерева.

Девушка на поляне осеклась и громко ойкнула, боец с «Дегтярем» повернулся и поднял пулемет, остальные вскочили и напряжились, развернувшись на звук.

– Стоять! – Сергей лязгнул затвором автомата и вышел на поляну. – Тем более что патронов у вас, как я только что услышал, все равно нет.

Он посмотрел на побледневшую от страха девушку и легко улыбнулся ей, затем перевел взгляд на подобранных для броски бойцов, с ненавистью глядевших на его немецкую форму, и сказал, не опуская автомат:

– Где-то я это уже видел. Лес, пограничники, раненый командир на самодельных носилках. Только красивой девушки там не было. Так, товарищ младший лейтенант пограничных войск?

– Так точно, товарищ лейтенант, – ответил Игорь, выходя на поляну с другой стороны от Сергея и тоже не опуская автомат.

Когда Игорь вышел на поляну, обстановка слегка разрядилась, потому что один из пограничников его узнал – видел в лицо, когда младший лейтенант перед войной приезжал в 3-ю комендатуру по делам своей заставы. Но разрядилась не до конца. Старший из боеспособных пограничников на поляне – и по возрасту, и по званию – седоусый сверхсрочник лет сорока с четырьмя треугольниками в петлицах, который и узнал Игоря, встал, оправил форму и четко доложил.

– Старшина пограничных войск НКВД Авдеев, 3-я пограничная комендатура Августовского погранотряда. Прошу представиться и объяснить, что вы тут делаете в немецкой форме.

– Игорь, принимай под командование своих коллег, объясни им, кто мы, и что мы тут делаем, только коротко, – отдал команду Сергей.

Потом повернулся к девушке, снова улыбнулся и спросил, заглянув в ее большие зеленые глаза, на дне которых страх боролся с надеждой.

– Вы врач? А как вас зовут?

И на ее кивок, а потом тихое «Таня» – облегченно улыбнулся.

– Это очень хорошо, что вы врач, потому что у нас тоже есть раненый, и весьма серьезно. Посмотрите его?

Девушка снова кивнула, Сергей подал ей руку, помог встать и, не отпуская руку, потропил остальных:

– Собирайтесь и выходите к дороге. И побыстрее – наш раненый тоже плох, и его тоже нужно как можно скорее доставить в госпиталь. А мы с товарищем врачом пойдем вперед, может быть, она ему прямо сейчас как-нибудь помочь сможет.

Когда пограничники со своим раненым командиром погранкомендатуры вышли к дороге и увидели количество захваченной у немцев техники, они явно были поражены. Конечно, товарищ младший лейтенант Петров коротко рассказал, как их специальная диверсионная группа под командованием лейтенанта Иванова захватила грузовик, мотоциклы и уничтожила железнодорожный мост, но после горечи боев и отступлений первых дней войны увидеть белым днем, в тылу у немцев, солидную колонну техники, захваченной у врага, а рядом с ней решительных и уверенных в себе бойцов, не особо обращающих внимания на возможность появления немцев, они явно не ожидали. И Сергей видел, как на глазах расправляются усталые плечи, взгляды истощенных и измученных неопределенностью людей твердеют, вновь наливаются осознанием своей нужности и причастности к Великой армии Великой страны.

К тому времени на кузов «шнауцера» уже натянули тент, туда поместили второго раненого, врача и всех найденышей, после чего колонна тронулась, по пути глазами передового дозора подыскивая удобное место, чтобы остановиться на привал.

Найдя подходящее место с протекающим поблизости ручьем, колонну загнали в перелесок, метров на сто в сторону от дороги, замаскировали и выставили охранение. Здесь Татьяна занялась обоими ранеными уже всерьез. Легчику снова – уже тщательно – почистила раны, профессионально перевязала и вколола лекарства, что были в трофеях диверсионной группы. Раненого капитана-пограничника тоже перевязала и обколола лекарствами. Теперь шансы донести до госпиталя живыми обоих раненых значительно возросли. Сергей издали наблюдал за ее уверенными движениями и сам себя хвалил, что при сборе трофеев уничтоженной колонны снабжения не забыли захватить медицинское имущество.

Пока шла перевязка, Сергей занимался пополнением. Выяснение их воинских специальностей порадовало – еще один пулеметчик и один снайпер (тот самый седоусый старшина-сверхсрочник). Правда, патронов к его СВТ-40 с оптическим прицелом у группы в закромах не было, но Сергей особо не расстроился. Ведь снайпер – это сам по себе меткий стрелок. А у них есть немецкие противотанковые ружья PzB-39, вот одно из них снайперу и выдали. Пулеметчику, конечно же, МГ-34, ну а остальным бойцам трофейные автоматы. Немецкой формы хватило только на трех новеньких, поэтому после обеда Сергей переформировал состав колонны. Сам он, в форме фельдшарма сел за пулемет в коляску передового мотоцикла. За ним шли остальные мотоциклы, а «шнауцер» – последним. Петров сидел в кузове тягача у заднего борта в немецкой форме и с пулеметом, контролируя тыл. Вновь прибывшие пулеметчик и старшина с ПТР, которым не хватило немецкой формы, лежали на полу кузова в готовности открытия огня с заднего борта. Также в кузове ехали раненые и врач. Остальных бойцов в немецкой форме Сергей рассадил за пулеметы в коляски мотоциклов. И колонна снова на максимальной скорости понеслась в сторону Домброво.

По дороге старшина Авдеев, все еще находясь под впечатлением от груды трофейного оружия и остальных трофеев, которыми был весьма плотно загружен «шнауцер», вновь принялся расспрашивать Игоря Петрова о подробностях боевого пути их диверсионной группы и о том, какой лейтенант Иванов командир.

– Какой лейтенант Иванов командир? Что я тебе могу сказать, старшина. Лейтенанта Иванова я и мои бойцы увидели на второй день войны, он в одиночку немецкий патруль из трех человек уничтожил, мотоцикл с пулеметом добыл, ну и трофеи с них. И при этом рассказывал об этом как о каком-то пустяке, незначительном эпизоде. Вот скажи, много ты командиров или бойцов знал, чтобы они сами, в одиночку, могли такое сделать? А он – как о пустяке. А про наш боевой путь так скажу. Два дня назад под его командованием неполный взвод солдат и один броневик немецкую моторизованную роту и два танка за 15 минут боя уничтожили, причем из

наших бойцов ни одного убитого, только несколько легкораненых. День назад наша группа из шести человек, чуть дальше к границе по вот этой самой дороге, немецкую колонну снабжения уничтожила за несколько минут боя. От них нам этот грузовик и трофеи достались. Несколько минут – и колонна из пяти грузовиков умерла вся. И снова без наших потерь. Правда, немцев в той колонне немного было, всего пара десятков. В тот же день мы мост железнодорожный уничтожили, а это не меньше двух взводов охраны, пулеметы, даже зенитки по обоим концам моста стояли. Я, когда этот мост увидел, подумал тогда: «Все, конец нам. И сами поляжем, и задачу не выполним». А лейтенант Иванов так все придумал, что мы все в живых остались, а вот все немцы из охраны моста погибли, сам мост капитально разворотило, да еще и эшелон немецкий с топливом для их техники попутно уничтожили. Да если бы все командиры так войну вели, думаю, немцы бы до сих пор на границе кровью умывались, а не разъезжали бы на своих танках по нашей земле.

Вот и соображай, какой он командир. Еще вот что тебе скажу, старшина. Чувствую, неспроста ты этот разговор затеял, думаешь со своими пограничниками к нему прибиться. И мой тебе совет – проситесь к лейтенанту Иванову и держитесь за него. С ним и немцев славно бить будете, и головы понапрасну не сложите.

– А вы, товарищ младший лейтенант?

– И я тоже к нему проситься буду, даже если рядовым бойцом.

Старшина уважительно покивал головой, и разговор затих, дальше каждый думал о своем.

Сергей смог реально убедиться в высокой репутации немецкой фельджандармерии, когда их колонна, без остановок и проверок документов миновала все немецкие армейские посты и контрольно-пропускные пункты в районе Домброво и выехала на дорогу в сторону Сокулки. На постах им никто даже ни одного вопроса не задал!

Проехав немецкие посты, Сергей уже было решил, что их приключения в первом рейде закончены, но, как оказалось, он ошибался.

До Сокулки оставалось километров семь-десять, по краям дороги уже потянулись пригородные поля и поселки, когда Сергей услышал впереди звуки боя и остановил колонну. Вскинув бинокль, он увидел примерно в двух километрах впереди типичную для первых дней войны картину: какая-то немецкая часть по всем канонам «правильной войны», то есть используя авиационную, танковую и артиллерийскую поддержку, добивала пойманную при отступлении «сборную солянку» из частей Красной Армии.

По результатам осмотра поля боя обстановка Сергея ну очень не порадовала.

Примерно в двух километрах от них, прямо на дороге, дымили два легких советских танка Т-26 и полуторка, метров на двести-триста дальше, уже в поле, горели еще два стоявших боком Т-26 и пушечный броневик БА-10, а чуть в стороне догорал легкий пулеметный броневик БА-20. Два оставшихся целыми броневика – один БА-10 и один БА-20 – активно маневрировали под огнем минометов и танковых пушек немцев, изредка огрызаясь пулеметным огнем. Помимо двух броневиков бой вел еще один танк, средний Т-34 с 76-миллиметровой пушкой. Пехота, численностью до роты, залегла прямо в поле и не успела окопаться, сейчас немцы методично обстреливали ее из пулеметов и минометов, постепенно сокращая численность обороняющихся.

Скорее всего, прикинул Сергей, ту пару танков Т-26, что дымят сейчас на дороге, передовые немецкие танки подбили в корму еще на марше, до того, как противника вообще заметили. Что, в общем-то, совершенно не мудрено, учитывая разницу в качестве и характеристиках танковых приборов наблюдения у нас и у них. Потом танки расстреляли полуторку и из своих скорострельных 20-миллиметровых пушек добились остальные Т-26 при попытке развернуться и рассредоточиться для боя. Судя по воронкам от авиабомб на поле, за время боя немцы как минимум один раз успели вызвать авиационную поддержку.

Сейчас три взвода полнокровной стрелковой роты вермахта были развернуты на расстоянии около пятисот метров от позиций красноармейцев обратными клиньями – три стрелковых отделения с ручными пулеметами впереди, четвертое стрелковое отделение с пулеметом на станке и расчет взводного 50-миллиметрового миномета во второй линии. Расчеты противотанковых ружей тоже разместились в первой линии, на стыках взводов. В тылу, примерно в ста метрах от боевых порядков роты, была развернута батарея из трех тяжелых 81-миллиметровых батальонных минометов, приданная роте в качестве артиллерийской поддержки. Танковый взвод в составе трех легких «двоек», также приданный роте в качестве средства усиления, сейчас рассредоточился по фронту за боевыми порядками пехоты и вел артиллерийскую дуэль с уцелевшей советской бронетехникой.

Управление боем, очевидно, велось из командирского полугусеничного бронетранспортера *Nanomag* (*Sd.Kfz. 251*), со штыревой антенной и двумя пулеметами (один курсовой, с бронешитком, второй у заднего борта, на зенитной турели), стоявшего примерно в двухстах метрах от переднего края боя, и в ста метрах позади минометной батареи. Вероятно, командир роты не хотел лезть ближе к переднему краю, под огонь «тридцатьчетверки». Возле бронетранспортера, чуть в стороне, в неглубокой ложбине, сосредоточились хозяйственные и вспомогательные подразделения роты, в том числе ее автотранспорт в виде трех грузовиков «Опель-Блитц».

Судя по всему, немцы давно должны были добить обескровленную в прошлых боях колонну советских войск. Но как говорится – не все скоту масленица. Им не повезло в одном – у отступающих красноармейцев, помимо легких танков, оказался Т-34, который в лоб не брали ни противотанковые ружья, ни малокалиберные танковые пушки немецких «двоек», ни мины 82-мм минометов. «Тридцатьчетверка» несокрушимым утесом возвышалась на поле, изредка постреливая по немецким танкам. Один Т-2 уже горел, оставшиеся два пока спасались за счет подвижности при маневрах.

«Дело плохо, – подумал Сергей. – Судя по темпу стрельбы «тридцатьчетверки», снаряды у них на исходе. Скоро они закончатся, а все остальные для немцев не противники. Подойдут вплотную, подорвут или захватят безоружную и беспомощную «тридцатьчетверку», добьют остальных...»

Он смотрел на панораму боя, а в душе толчками поднималась тяжелая, удушливая злоба вперемешку с ненавистью. Вот так вот, значит, летом сорок первого полнокровные, отлично обученные, вооруженные и экипированные немецкие части в налаженном тесном взаимодействии между пехотой, артиллерией, танками и авиацией громили недоукомплектованные, недостаточно вооруженные и растерянные, без грамотного командования и связи, части Красной Армии, загоняя их в «котлы», окружая и уничтожая поодиночке. Когда от злобы и ненависти стало трудно дышать, Сергей взял себя в руки. Об этом можно подумать потом, а сейчас самое время вмешаться и поломать фашистским уродам их веселый пикничок.

Сергей собрал всех бойцов, кроме раненых, и быстро, но четко поставил задачи каждому, особо напирая на эффект неожиданности за счет четкого выполнения каждым своей задачи и на высокую огневую мощь группы за счет использования трофейных пулеметов. Раненых быстро перетащили в небольшую ложбину на лугу, метрах в двухстах в сторону от дороги, и замаскировали, с ними же оставили девушку-врача и одного бойца с автоматом – на всякий случай. Затем, убедившись, что каждый твердо усвоил «свой маневр», Сергей повел группу в бой.

Когда из дорожной пыли к аррьергарду немецкой стрелковой роты выкатил «шнауцер» в сопровождении четырех мотоциклов с пулеметами в колясках, командир немецкой стрелковой роты решил, что их, скорее всего, догнала разведка какой-то другой немецкой части. Немного смутил «шнауцер», но в пылу боя гауптману было как-то не до этого. Мельком оглянувшись на подъехавший и ставший чуть позади бронетранспортера тягач, он дал команду радисту, временно не занятому полезным трудом, открыть кормовые бронированные створки

десантного отделения и впустить старшего прибывшей колонны для доклада, а сам отвернулся и снова поднес к глазам бинокль, вернувшись к наблюдению за боем. Это была последняя в его статусе офицера и командира вермахта команда. Выстрелы парабеллума в руке Сергея, который, будучи в немецкой форме, спокойно забрался в бронетранспортер и только там открыл стрельбу на поражение, на фоне канонады боя и уханья тяжелых немецких минометов были почти не слышны и никого вокруг не насторожили. Да и было этих выстрелов не так уж много – по одному на радиста, командира роты, пулеметчика и водителя, потом еще по одному на радиста, пулеметчика и водителя, в качестве контроля. Раненого в плечо правой руки командира роты Сергей решил не добивать – может пригодиться для допроса, – а только стукнул дополнительно по голове пистолетом, вызвав кратковременную потерю сознания, перевернул его арийской мордой в не очень чистый пол и быстро связал руки его же собственным ремнем. Затем Сергей закрыл створки бронетранспортера и заблокировал их изнутри, потом встал к переднему курсовому пулемету с бронещитком и окинул взглядом окружающую обстановку.

К этому моменту группа его красноармейцев, вооруженных трофейными автоматами, уже уничтожила личный состав тыловых подразделений и водителей грузовиков, а теперь бойцы помогали пулеметчикам снимать с колясок мотоциклов пулеметы и готовить их к стрельбе по пехоте с тыла. Бойцы с противотанковыми ружьями во главе со старшиной Авдеевым тоже уже занимали позиции для стрельбы по немецким танкам, а за пулеметом в кузове «шнауцера» изготовился к стрельбе Игорь Петров. Довольно кивнув, Сергей приник к своему пулемету и взял на прицел расчеты немецких батальонных минометов.

Минометчики первого расчета умерли, не успев даже понять, что правила войны немного изменились. Второй расчет, попав под пулеметный огонь, прекратил стрельбу и попытался разбежаться, но спастись не успел. На нем скрестился огонь пулеметов Сергея и Игоря, который к тому моменту уже уничтожил «свой» – третий минометный расчет. Дав пару длинных очередей в спины расчетов станковых пулеметов и соответственно уничтожив оба расчета, Сергей снова оглядел поле боя.

– Так, тяжелых минометов у немцев больше нет, один танк в корму подбили бронбойщики, последний отвлекся на осмотр и анализ изменения обстановки на поля боя и поймал-таки снаряд «тридцатьчетверки». Со средствами усиления покончено. И это есть «гут». Осталась только немецкая пехота и немного вражеских пулеметов. Пожалуй, все это добьют и без меня.

Сергей перешел к кормовому пулемету, закрепленному на зенитной турели, и убедился, что он готов к бою, а значит, если вдруг снова налетит немецкая авиация, два скорострельных МГ-34 (в «шнауцере» и вот теперь в «Ханомаге») будут для нее очень неприятным сюрпризом. Затем в бинокль внимательно осмотрел тылы – не едет ли кто на помощь добываемой роте вермахта. Убедившись, что сзади и сверху все чисто, вернулся к кабине и стал разбираться с управлением, собираясь прихватить бронетранспортер с собой.

Сергей знал, что немецкий средний полугусеничный бронетранспортер Sd.Kfz.251, часто называемый в войсках просто «Ханомаг» (по названию создателя – немецкой фирмы Hanomag), был одним из самых массовых и удачных образцов германской бронетехники. С июня 1939-го по март 1945 года было изготовлено более 15 тысяч таких бронетранспортеров. Для сравнения: самый массовый советский броневладелец – средний БА-10 всех модификаций – был выпущен всего в количестве 3413 машин (а бронетранспортеров в Красной армии не было вообще).

Эти машины действовали всю войну и на всех фронтах, в немалой степени обеспечив успехи блицкрига первых военных лет. Они очень хорошо зарекомендовали себя как в наступлении, так и в обороне. Выпускались в различных модификациях, от чисто пехотных до самоходных зениток и артиллерийских установок. Часто использовались в качестве средства огневой поддержки моторизованных частей вермахта. Все бронетранспортеры оснаща-

лись радиостанциями, что значительно облегчало управление подразделениями и даже отдельными машинами в бою.

Конструктивно бронетранспортер «Ханомаг» был рассчитан на перевозку и огневую поддержку в бою отделения grenадеров. Его боевое (или десантное) отделение было выполнено открытым сверху, крышей накрывались только места водителя и командира. Вход и выход в бронетранспортер обеспечивала только двустворчатая дверца в кормовой стенке корпуса, других возможностей входа и выхода не имелось. В боевом отделении по всей его длине вдоль бортов монтировались две лавки. В лобовой стенке рубки были устроены два наблюдательных отверстия для командира и водителя со сменными смотровыми блоками. Внутри боевого отделения имелись пирамиды для оружия и стеллажи для иного военно-личного имущества. Для защиты от непогоды предусматривалась установка над боевым отделением брезентового тента, который в сложенном виде присутствовал в его кормовой части. В каждом борту имелось по три смотровых прибора, включая приборы командира и шофера. По шоссе бронетранспортер развивал скорость до 50 километров в час, а бак емкостью 150 литров позволял проехать без заправки до 300 километров.

Лучшего бронетранспортера в годы Второй мировой войны не имелось ни в одной другой армии мира. Именно поэтому Сергей решил, что бросать такую технику, да еще и почти новую, в отличном техническом состоянии, будет неоправданным расточительством. Имея по «прошлой жизни» командно-инженерное образование со специализацией по эксплуатации авто- и бронетехники, а также большой личный опыт вождения различной техники, в том числе многоколесной и гусеничной, Сергей довольно быстро разобрался с управлением и снова полез наверх, к пулемету – оценить обстановку.

Вот теперь обстановка на поле боя Сергея порадовала, причем в противоположность ситуации, которую он наблюдал совсем недавно, порадовала очень сильно.

Наша пехота, увидев неожиданное и необъяснимое прекращение огня тяжелых минометов и последовавшее за этим уничтожение танков, долго раздумывать не стала и бросилась в атаку под прикрытием пулеметного огня своих уцелевших бронемашин. Немецкая стрелковая рота, буквально полчаса назад бывшая хозяином положения, а теперь зажатая пулеметным огнем с двух сторон, не выдержала натиска и в панике побежала. Побежала в тыл. На пулеметы бойцов Сергея. Естественно, до пулеметов не добежал никто. Вернее, никто из немцев – красноармейцы добежали и остановились в замешательстве.

Сергей вылез из бронетранспортера и направился к красноармейцам, крича на ходу:
– Не стрелять! Свои!

Подойдя ближе, он представился и выкрикнул старшего.

– Старший лейтенант Микульченко, командир стрелковой роты 345-го стрелкового полка 27-й стрелковой дивизии, – представился усталый командир с окровавленной бинтовой повязкой на голове. Командую сводной колонной из остатков полка и бронетехники 29-й танковой дивизий 11-го мехкорпуса, а также примкнувших по дороге частей. Идем с боями от самой границы. Сегодня вот даже в боевые порядки развернуться не успели. Так что если бы не вы, это был бы наш последний бой. Но кто вы и откуда здесь, да еще в немецкой форме?

– Выполняем особое задание штаба 33-й танковой дивизии, – слегка приукрасил действительность Сергей. – Делаем жизнь наступающих немецких частей ярче и насыщенней. Вот что, товарищ старший лейтенант, расслаживаться и ждать немецкую авиацию тут нечего, да и еще у нас два тяжелораненых, и их надо срочно доставить в госпиталь. Нужно быстро собрать трофеи и убраться отсюда. Поэтому давай разделим задачи: сейчас врач подъедет, ваших раненых осмотрит – собирайте их пока к немецким грузовикам. Ты сам как, еще держишься? Тогда командуй своим людям собрать все оружие, боеприпасы и снаряжение с немцев. Уточняю, что снаряжение в данном случае – это все, что на них надето, помимо штанов и кителя. Документы и все, что у них в карманах, тоже собрать обязательно.

И не надо морщиться так, старший лейтенант, – это не мародерство и не грабеж беззащитного местного населения, как делают они. Это боевые трофеи, которые пригодятся нам в дальнейшем, чтобы более эффективно сражаться с этими наглыми фашистскими захватчиками, пришедшими незваными на нашу землю. У тебя у самого, кстати, какое при себе оружие имеется? Тульский Токарев? И все?! Ну, это только застрелить в упор немного немцев, и потом застрелиться самому – от стыда. Причем я сейчас не о ТТ говорю, – так то он пистолет не плохой, – а вообще обо всех пистолетах. Не оружие это для серьезного боя, согласен со мной, товарищ старший лейтенант? Во-о-т, а теперь у тебя лично будет еще и трофейный автомат, а хочешь – можешь и пулемет взять, да и бойцам твоим, помимо трехлинейек, будет, чем боевую мощь усилить. А также что надеть на ноги, повесить на спину и прицепить на пояс.

Вот такую вот точку зрения на боевые трофеи я тебе, товарищ старший лейтенант, советую иметь на будущее. С этим разобрались? Тогда дальше. Раненых немцев твои бойцы тоже пусть сносят, конечно, когда обезоружат и все с них соберут, но отдельно – вон туда, потом наш врач и их посмотрит. Все собранное пусть грузят в те два грузовых опеля, а этот – под раненых, водителей из своих бойцов, уверен, ты найдешь. Особое внимание пулеметам, пусть грузят даже поврежденные, потом оружейники разберутся. Артиллеристов, пулеметчиков, саперов и вообще всех специалистов собери отдельно, я сейчас подойду, и мы с тобой им дело найдем.

Потом Сергей созвал своих бойцов.

– Младший лейтенант Петров, принимай командование группой. Соберите вокруг все нужное и полезное. Особое внимание биноклям, планшетам с картами, часам. Ну, ты уже опыт имеешь. Немецкую форму, которая поцелее и почище будет, тоже соберите и документы с убитых, если бойцы Микульченко пропустят или не захотят в крови возиться. Потом выстави в тыл боевое охранение и готовьте нашу технику к движению. Пулеметы обратно на мотоциклы, боекомплект пополнить, в них же догрузить малогабаритные трофеи, чтобы в кузовах грузовиков место освободить. «Шнауцер» отправь забрать и привезти сюда наших раненых и врача. Потом с его кузова снять тент, зенитный пулемет готовьте к бою, сам определишь, кто за ним встанет. Я поведу бронетранспортер, он полугусеничный, сложный в управлении. Мне в него бойца на зенитный пулемет тоже подбери. Саперу – готовить минную ловушку на дороге, в трехстах метрах позади нас. Как закончишь – доложишь.

Поставив задачи своим, Сергей проверил, как идет перевязка раненых и направился к собранной возле бронетранспортера группе военных специалистов, со старшим лейтенантом Микульченко во главе. По итогам короткого опроса здесь были потерявшие технику танкисты, артиллеристы, нашелся даже зенитчик, что сильно обрадовало Сергея – с минуты на минуту могли налететь вражеские самолеты.

– Значит так, товарищи командиры и бойцы. Слушай боевой приказ!

Зенитчик, бегом к вон тому смешному грузовичку, проведи короткий инструктаж бойцу у зенитного пулемета, он ни разу не зенитчик. Потом лезь в бронетранспортер и осваивай его зенитный пулемет, готовься к отражению атаки с воздуха. Там уже боец должен быть, его переставь за передний пулемет и, если время будет, тоже инструктаж по борьбе с самолетами проведи.

Артиллеристы, осмотрите немецкие тяжелые минометы. Какие не повреждены – грузите их в кузова грузовиков, весь боекомплект туда же, людей в помощь выделит товарищ старший лейтенант.

Танкисты, осмотрите немецкие танки. Снимите с них пулеметы и боекомплект – они конструктивно могут использоваться как ручные. Если что еще ценного найдете, тащите все в грузовики. Проверьте танковые орудия и наличие снарядов, потом мне доложите. Затем проверьте наши подбитые танки и броневики. Если они ремонтпригодны и их можно буксировать, – готовьте к буксировке. Если нет, снимайте все, что можно быстро снять. Особое внимание нашим танковым пулеметам и их боекомплекту – они тоже конструктивно приспособлены

для использования в качестве ручных, а имея выдвижной металлический приклад и гораздо более компактный трехрядный магазин, вмещающий при этом не 47, а 63 патрона, в бою и поухватистее, и поудобнее пехотных «дегтярей» будут. По готовности – доклад.

Разослав специалистов выполнять поставленные задачи, и отправив Микульченко на перевязку, Сергей направился к замершим неподалеку Т-34 и двум уцелевшим броневикам, экипажи которых сейчас суетились у своих машин. Танк был исправен и не имел повреждений, за исключением мелких сколов лобовой брони от вражеского огня. Но дизельного топлива у него было в обрез – только доехать до Сокулки, а снарядов к оружию осталось всего пять. Уцелевшие броневики тоже были технически исправны, и с топливом у них было нормально – успели слить бензин из танковых баков подбитых Т-26, там же пополнили боекомплект к пулеметам, а пушечный БА-10 загрузился еще и 45-мм снарядами к своей башенной пушке.

Теперь у Сергея, для выполнения задуманного им плана, из бронетехники на ходу были пулеметный и пушечный броневики, и трофейный бронетранспортер. А задумал Сергей на месте недавнего боя устроить засаду следующей колонне наступающих немецких войск, используя для этого также подбитые танки с исправными орудиями, но не подлежащей ремонту ходовой частью. Причем как советские, так и немецкие танки. Потом, на бронетранспортере, под прикрытием броневиков, догнать своих...

Тем временем, стали поступать доклады о выполнении отданных Сергеем приказов и поручений. Артиллеристы уже погрузили все три неповрежденных немецких 81-миллиметровых миномета и все собранные мины в грузовики. Также, уже по своей инициативе, они осмотрели и погрузили в грузовики три неповрежденных легких 50-миллиметровых миномета с запасом мин, оставшихся от пехотной роты.

Танкисты осмотрели подбитые танки и броневики. Один из трех немецких танков (подбитый в корму бронбойщиками Сергея) ехать не мог, но мог стрелять и имел половинный боекомплект. Второй и третий танки, получившие приветы от «тридцатьчетверки», ни стрелять, ни ехать уже не могли ввиду серьезности полученных повреждений – они пополнили боекомплект снарядов для первой «двойки». Два советских Т-26 на дороге сгорели полностью, еще два Т-26, подбитых в поле, были не на ходу, буксировке не подлежали, но стрелять тоже могли. Со всех танков сняли пулеметы и патроны к ним, собрали уцелевшие снаряды. С поврежденными броневиками ситуация была получше. Пушечный БА-10 имел сильно разбитую башню, но мог ехать сам, а легкий БА-20 получил снаряд в двигатель, но был пригоден к буксировке. Его уже прицепили к Т-34.

Все, что можно было собрать с поля боя, было собрано и погружено в кузова грузовиков, сапер доложил о готовности минной ловушки. Раненые были перевязаны и также размещены в грузовиках.

Раненые немцы также были перевязаны и теперь компактной группой лежали метрах в семидесяти от дороги, в тени небольшой рощицы. В этот раз Сергей решил их не добивать по двум причинам. Во-первых, раненые будут отвлекать на себя сначала здоровых бойцов для переноски, транспортировки, а потом ресурсы на лечение и уход. Во-вторых, раненые своим видом и рассказами будут подрывать боевой дух «непобедимых солдат вермахта», заставляя их задуматься о том, что легкая прогулка по Европе закончилась, подкрадывается толстый и пушистый полярный зверек под названием «песец», присутствие которого крайне негативным образом будет сказываться на их самочувствии, физических кондициях и самой жизни в итоге.

Кстати, во время перевязки раненых немцев произошло одно неприятное событие, повлекшее за собой два очень полезных, для последующих планов Сергея, следствия. Неприятное событие заключалось в том, что легкораненый немецкий гауптман – командир только что уничтоженной стрелковой роты – не смог удержать в себе чувства разочарования от конечных результатов так хорошо складывающегося боя и выплеснул свои эмоции сверхчеловека на мирно перевязывающую его Таню Соколову.

Дальше начались приятные следствия.

Во-первых, выяснилось, что Таня в совершенстве знает немецкий язык, причем понимает, говорит, читает и пишет на нем свободно, включая идиомы. Попутно выяснилось, что точно так же она владеет еще английским и французским, но главное – здесь и сейчас – знает язык противника в совершенстве. После чего, весьма обрадованный вновь открывшимися обстоятельствами Сергей конечно же привлек Татьяну к допросу пленных в качестве переводчика. И заодно заранее напросился позаниматься с ней немецким на потом.

Во-вторых, разозленные оскорблениями в адрес девушки и остальных унтерменшей советские недочеловеки под каким-то предлогом отвели Таню в сторону, а сами выразили свое несогласие с оценками немецкого офицера в наиболее доступной и для них, и для него форме. После чего и сам офицер, и видевшие процесс обмена мнениями по расовой теории остальные немцы резко изменили свои взгляды на вопросы добровольного сотрудничества с врагами. И при последующем ведении допросов в присутствии Тани не только не пришлось применять методы физического убеждения – немцы даже не ругались по-своему, а на все вопросы отвечали быстро и с явной готовностью сотрудничать. При этом, почему-то косясь на своего, теперь уже находящегося в весьма тяжелом физическом состоянии, командира роты, лежащего неподалеку. Поскольку тот в ходе только что закончившейся дискуссии потерял способность членораздельно выражать любые мысли (а также комплектность собственных зубов и целостность ребер), его Сергей решил забрать с собой для последующей беседы, когда его немного подлатают в госпитале.

Закончив с допросами нескольких раненых немцев, Сергей отметил время, с момента окончания боя прошло не более двух часов и пошел искать старшего лейтенанта Микульченко. Тот, выслушав идею Сергея, сначала решил, что это шутка. Для него, несколько дней подряд отступавшего с боями в надежде догнать своих, а сегодня уже потерявшего эту надежду в последнем неравном бою, желание Сергея задержаться, и уничтожить еще одну немецкую воинскую часть группой из нескольких человек, пусть и при поддержке броневиков, казалось самоубийством. Но мешать лейтенанту Иванову Микульченко не стал и построил весь свободный личный состав. Когда тот стал вызывать двух добровольцев, умеющих стрелять из танковой пушки Т-26, и двух заряжающих в помощь им, вперед вышли все «безлошадные» танкисты, все артиллеристы и еще пара десятков бойцов, которые не умели стрелять из танковой пушки, но хотели прикрыть отход своих боевых товарищей. Сергей смотрел на осунувшихся, усталых добровольцев, только что вышедших из тяжелого боя и вновь готовых идти в бой за Родину, за своих товарищей, и в душе его поднималось давно забытое в той жизни чувство. Чувство гордости за этот народ, наравне с пониманием того, почему и как был сломан хребет лучшей в мире на этот момент военной машине в его истории.

Выбрав среди добровольцев четырех, нужных именно сейчас, Сергей вдруг почувствовал, что вот так просто взять и отпустить остальных бойцов, переступивших сейчас в своей душе какую-то черту и вызвавшихся на смертный бой ради своих товарищей, будет неправильно.

– Товарищи бойцы: Братцы! Сегодня вы вызвались добровольцами в бой, чтобы прикрыть своих товарищей, чтобы еще раз бить врага, который вторгся на нашу землю. Сегодня не все из вас оказались нужны в предстоящем бою. Но вы по-прежнему нужны своему народу, своей Родине. Нужны здоровыми, сильными, смелыми и умелыми бойцами, чтобы вы били фашистов всегда и везде – летом и зимой, в обороне и в наступлении, а сами при этом оставались в живых. Да, в живых, потому что ваши жизни также дороги и нужны Родине, как и Родина нужна и дорога вам. Поэтому сейчас мы останемся, а вы в составе колонны пойдете дальше, в Сокулку. И там, отдохнув, набравшись сил, кое-чему подучившись, вы еще много раз будете бить врага, защищая Родину. Но помните, что я сказал вам сейчас. Мы, те, кто сейчас остается, тоже не собираемся умирать. Мы разобьем врага и догоним вас. И мы еще повоюем вместе!

Сергей и сам не мог понять, с чего это его вдруг потянуло на столь пафосную речь. Но вот накатило, когда он глядел в глаза людей, только что вышедших из неравного боя и снова готовых идти в неравный бой.

И теперь, глядя, как не только добровольцы, но и весь строй от его слов будто обрел второе дыхание, Сергей не жалел об этом. Более того, подошел к старшему лейтенанту Микульченко и попросил того без особого шума составить список тех, кто вызвался сейчас добровольцем, намереваясь по возвращении в Сокулку найти их и забрать к себе. А еще попросил Микульченко, если вдруг Сергей с бойцами не догонит их на марше, найти в штабе 33-й танковой дивизии начальника особого отдела бригадного комиссара Трофимова, рассказать о бое и передать просьбу Сергея, чтобы их встретили у передового поста на въезде в город. Это – для сбережения трофейной техники от уничтожения и ускорения процедуры выяснения личностей.

С отходящей колонной Сергей отправил также всех своих бойцов и технику группы, за исключением Игоря (тот напросился в бронетранспортер за пулемет). Зенитчика, как тот ни упирался, тоже отправил с колонной, – там он в качестве ПВО был важнее и нужнее. Но, когда колонна уже отправлялась, из кабины «шнауцера» вдруг выскочила Таня, подбежала к нему, на ходу заливаясь румянцем смущения, и порывисто схватила за руку, вновь затаив его взгляд в омут своих широко распахнутых зеленых глазниц. Постояв так пару секунд, Таня сжала руку Сергея и тихо прошептала, еще более пунцовея:

– Пожалуйста, будь осторожен!

И побежала обратно, оставив Сергея с глупой улыбкой на губах.

Глава 10

Татьяна Соколова родилась и выросла в Москве, в интеллигентной учительской семье. Отец – преподаватель математики на физико-математическом факультете Московского государственного университета, мама – выпускница Московского Александровского женского института – преподавала в гимназии литературу, словесность и иностранные языки, коих в совершенстве знала пять. Родившись в 1916 году, Танечка, благодаря опеке и заботе родителей, почти не видела ужасов революции и гражданской войны.

С детства будучи, опять же благодаря наследственности и правильному, разностороннему воспитанию, умным и развитым ребенком, Таня рано пошла в школу, где с удовольствием училась, успевая, помимо школьной программы, изучать дома с мамой, и по ее примеру, одновременно французский, английский и немецкий языки, которые давались ей удивительно легко. Татьяна и выросла вся в мать – высокая, статная черноволосая красавица с зелеными глазами. При этом от обоих родителей взяла глубокий интеллект и аналитический склад ума, интеллигентность, рассудительность, добродушный характер и определенное благородство в поведении и манерах, незримо присущее потомственным дворянам из «правильных» родов. То есть людям, рожденным в достатке и беззаботности, но не прожигавшим жизнь за картами, рулеткой, пьянством и блудом по всем значным местам Европы и остального мира, а вместо этого развивающим науку, культуру, образование, инженерную мысль и т. д. и т. п.

Окончив школу с отличием, также легко поступила на лечебный факультет 1-го Московского медицинского института. Врачом она твердо решила стать в детстве, лет с десяти, когда подобрала на улице котенка со сломанной лапкой и родители отвели ее с котенком на руках к участковому доктору. Тот, хорошо знавший их семью, не отказал и не отослал к ветеринару, а сам занялся жалобно пищавшим котенком. Вот тогда-то Таня, наблюдая за уверенными движениями доктора, накладывающего гипс на кошачью лапку, решила, что самое лучшее занятие на земле – лечить. Котенок, кстати, вырос в огромного, но доброго и ласкового кота, совсем

не хромал и очень любил громко урчать, лежа у Тани на коленях. Его смерть от старости стала для Тани первой большой трагедией.

Окончив медицинский институт в июне 1941 года, Татьяна Соколова получила направление на работу в городскую больницу города Августов. Туда и ехала на поезде 22 июня, когда началась война...

Поезд попал под бомбежку около 7 часов утра, уже почти на подходе к городу. Один из пролетающей мимо группы немецких самолетов, идущих со стороны границы, как-то лениво отвернул и в пикировании сбросил бомбы на паровоз их поезда, хотя четко видел, фашист и подонок, что это не военный эшелон. А потом сделал еще пару заходов, расстреливая мечущихся в панике безоружных людей из скорострельных пушек и пулеметов. Там, возле разбитого состава, пытаясь скромными ресурсами своей маленькой медицинской сумки помочь раненым, Татьяна впервые познала щемящее чувство бессилия, когда у нее на руках люди умирали от тяжелых ран, а она, как ни старалась, ясно видела и понимала, что им уже ничем не помочь.

Пока Татьяна возилась с тяжелоранеными, уцелевшие пассажиры поезда в страхе и панике разбрелись кто куда, и она осталась одна.

Что делать?! Куда идти?!

Впервые в жизни Таня совершенно растерялась, привычный мир осколками рассыпался под немецкими бомбами и пулеметами, а новая реальность пугала своей неизвестностью. И она, взяв свою изрядно похудевшую медицинскую сумку да пару вещей из чемодана, побрела от страшной железной дороги в лес, куда, как она успела заметить, ушло и большинство пассажиров растерзанного немецкой авиацией мирного поезда.

На второй день блужданий по лесу Татьяна набрела на какой-то хутор, где встретила с пограничниками, тащившими своего раненого командира по немецким тылам. Попросилась идти с ними и вот уже пару суток шла от границы вслед за отступающими советскими войсками, ухаживая за раненым. А раненый, что было видно и без серьезных медицинских познаний, был плох... Таня, как и все врачи, получила в институте военную подготовку по направлению военно-полевой хирургии и ясно видела, что ему срочно нужна операция – несколько осколков засели глубоко внутри. Она даже, наверное, рискнула бы сама сделать эту операцию, но без инструментов, с ее небольшим набором медикаментов и перевязочных средств, это было невозможно, поэтому Таня только меняла повязки да чистила раны от нагноения. Об этом и сказала остальным: или командира нужно срочно на операционный стол, или день-два – и летальный исход неизбежен.

Вот тогда один из пограничников взял пулемет, куда зарядил все остатки патронов, и направился к дороге – наблюдать обстановку и искать транспорт. Когда через некоторое время он быстро вернулся и сообщил, что стрелял по немецкой колонне, но не попал, а сейчас нужно уходить, потому что враги могут организовать преследование, Татьяну вновь охватило отчаяние. Не за себя даже – за беспомощного раненого. Еще один человек умирает у нее на руках, и она снова не может помочь. В отчаянии Таня стала сердито и горестно выговаривать бойцу, хотя разумом понимала, что боец не виноват – так складываются обстоятельства этой проклятой войны.

А потом на полянку неожиданно вышел человек в немецкой форме и тепло, по-доброму, улыбнулся ей. И оказалось, что это не немцы, а свои, советские бойцы, которые выполняют особое задание в немецком тылу, и у них есть транспорт, и они всех заберут с собой, к нашим... И пока она, бережно поддерживаемая под локоть их командиром с какой-то по-особому доброй улыбкой, шла по лесу к дороге, а потом осматривала и наскоро обрабатывала раненого летчика, в ее истерзанную горем и переживаниями душу постепенно возвращались покой и ощущение того, что теперь все будет хорошо.

Позже, на привале, уже по-настоящему обрабатывая раны и вкалывая лекарства, которые в изрядном количестве нашлись у этих необычных бойцов в немецкой форме, Татьяна иногда, искоса, бросала быстрые взгляды на этого, как она слышала, лейтенанта Сергея Иванова. И каждый раз почему-то легонько вздрагивала, наткнувшись на его спокойный, чуть улыбочивый взгляд. И не могла понять – да что же это с ней такое? А потом был этот неожиданный бой. И она сидела уже с двумя ранеными в небольшой, наскоро замаскированной ложбине в полутора километрах от места боя, слушала звуки разрывов и боялась. Боялась за *него*. И очень-очень хотела, чтобы с *ним* ничего не случилось. А когда потом ее с ранеными забрали и привезли к месту боя, выскочила из кузова и первым делом отыскала взглядом *его*. Живой! И не ранен! Таня почувствовала, как из ее души снова уходит тревога, уступая место светлой радости, и, покраснев, быстро отвернулась, сосредоточившись на осмотре и обработке раненых. А лейтенант Иванов заметил, что раненых много и ей с непривычки тяжело, подошел, похвалил и сказал пару ласковых слов. После этого ей сразу как-то легче стало, будто второе дыхание открылось.

Закончив с ранеными красноармейцами, которые хвалили ее легкие руки и тихо благодарили, Татьяна устало разогнулась и, пару минут отдохнув, перешла к раненым немцам.

Немцы оказались разными.

В большинстве своем простые солдаты, бывшие рабочие и фермеры. Они, быстро и безжалостно отрезвленные от сладкой патоки геббельсовской пропаганды болью собственных ранений и уже успевшие понять, что для них легкая победоносная война с «расово неполноценными славянскими народами» на просторах России закончилась, а теперь начинаются тяготы и лишения, называли Таню «фроляйн» и тоже тихо благодарили по-немецки за облегчение страданий. Таня, сосредоточившись на работе, так же тихо шептала им по-немецки что-то ласково-ободряющее, чем врачи обычно успокаивают своих пациентов.

Но были и такие раненые, которые смотрели на нее с плохо скрываемой ненавистью, а после перевязки тихо шипели вслед ругательства. Таня старалась не обращать на эти ругательства внимания, пока не наткнулась на раненого офицера. Тот, будучи довольно легко ранен навывлет в мягкие ткани плеча, уже пришел в себя и смотрел на Таню со смесью ненависти и высокомерия. А когда Таня начала делать перевязку, сначала осыпал ее грязными ругательствами, самым приличным из которых было «вонючая русская свинья», а потом перешел к угрозам и описанию того, что с Таней сделают победоносные немецкие солдаты, когда разобьют Красную Армию и придут на эту землю хозяевами. Вот тут Татьяна не выдержала и, закончив перевязку, в ответ, на чистом немецком языке с прекрасным произношением, ядовито прокомментировала результаты боя «победоносных немецких войск» на вот этом конкретном поле боя, а также нынешний социальный статус победоносного немецкого офицера. Поскольку в диалоге обе стороны не сдерживали голос, произошло несколько значимых и для Тани, и для немецкого офицера вещей.

Для Тани – новость о том, что она хорошо понимает и говорит по-немецки, быстро достигла ушей Сергея, который попросил ее после перевязки помочь с допросом пленных. А после восхитился многогранностью ее талантов и полушутя-полусерьезно попросил позднее позаниматься с ним немецким, на что Таня с радостью и охотой согласилась.

А вот для немецкого офицера его монолог послужил причиной трагичных изменений в судьбе и состоянии здоровья. Бойцы, видевшие, как Таня бережно возится с ранеными, и очень благодарные ей за это, сразу после ее эмоционального диалога с немецким офицером столпились вокруг и настойчиво попросили перевести, что сказал немец. Таня при переводе постаралась смягчить исходный монолог гауптмана – ей было одновременно и стыдно, и противно переводить такое. Но бойцам хватило и отредактированной версии. После этого самый сообразительный из них ласково попросил «товарища доктора» отойти от немцев и еще раз осмотреть одного раненого советского бойца, которому внезапно стало хуже, – самого дальнего

от раненых немцев. А когда Таня, отойдя, проверила этого бойца, который очень удивился, когда узнал, что ему стало хуже и вновь нужна медицинская помощь, и, вернувшись закончить с немцами, мельком бросила взгляд на надменного немецкого офицера – она его сначала даже не узнала. Теперь уровень его здоровья и физического состояния был тяжелым и уверенно стремился к критическому. Кроме того, немца, судя по его теперешнему взгляду, полному боли и печали, мучили также и душевные страдания. Таня не смогла спокойно пройти мимо и снова взялась за его лечение. К ее удивлению, немец, с трудом шевеля сломанной челюстью и шепелявя выбитыми зубами, попросил прощения за оскорбления и даже нашел в себе силы сказать спасибо после повторной перевязки.

Пока Татьяна возилась с потерпевшим немецким офицером, потом заканчивала перевязки остальных раненых немецких солдат и переводила при допросе нескольких пленных, суматоха на поле недавнего боя улеглась. Бойцы закончили сбор трофеев и подготовку техники к маршу, начали рассаживаться по машинам. Вот и ее зовут в этот маленький грузовичок, который все бойцы Сергея почему-то называют смешным немецким словом «мордастенкий». А где же лейтенант Иванов? Он почему-то никуда не спешил, стоя чуть в стороне и что-то объясняя группе бойцов лейтенанта Микульченко. Уже сев в кабину, Таня услышала, что лейтенант Иванов не едет, а остается в какой-то заслон. И тогда она выскочила из кабины «шна-уцера», подбежала к нему, на ходу заливаясь румянцем смущения, и порывисто схватила за руку, глядя в глаза и не находя слов. Постояв так пару секунд, Таня сжала руку Сергея и тихо попросила его быть осторожным, а потом побежала обратно, чувствуя, как горит от смущения лицо, и снова спрашивая себя – да что же это с ней такое?

Глава 11

Когда изрядно увеличившаяся в размерах сводная колонна под командованием старшего лейтенанта Микульченко покинула место боя и двинулась в сторону Сокулки, Сергей стер с лица улыбку и созвал на инструктаж всех оставшихся, включая экипажи броневиков.

– Внимание, товарищи командиры и бойцы. Для тех, кто не понял с первого раза, повторяю – наша задача не героически погибнуть здесь, а героически поубивать всех врагов, кого сможем, и живыми догнать своих на бронетранспортере, оставленном специально для этого. И сохранить приданные броневики, поэтому их экипажам – на рожон не лезть, огонь вести из-за укрытий, в качестве которых очень хорошо подойдут корпуса уничтоженных танков.

После чего разъяснил диспозицию и поставил задачи каждому экипажу. Сам Сергей полез в башню немецкой «двойки» и убедился, что автоматическая 20-миллиметровая пушка заряжена и готова к бою, а специальные кассеты по десять снарядов к ней расположены удобно и доступны для быстрой перезарядки. Потом высунулся в люк с биноклем, и потекли минуты ожидания.

Не прошло и часа, как терпение засады было вознаграждено с лихвой. Показалась колонна, при виде которой у Сергея даже дыхание перехватило – от радости и злобного предвкушения. Наверное, где-то в отлаженной немецкой машине оценки обстановки и планирования движения войск произошел сбой.

Как иначе объяснить то, что по дороге, даже без традиционного мотоциклетного дозора, бодро пылили средние (тяговым усилием пять тонн) полугусеничные артиллерийские тягачи (Sd Kfz 6/1) производства известной немецкой фирмы Бюссинг-НАГ со 105-миллиметровыми легкими полевыми гаубицами (10,5 cm leFH 18) на буксире. Расчеты орудий ехали в тягачах, в них же, в оборудованных в кормовой части зарядных ящиках, перевозились боеприпасы к буксируемым орудиям. Всего Сергей насчитал 12 тягачей с гаубицами – это, получается, полный артиллерийский дивизион трехбатарейного состава моторизованной дивизии вермахта (именно моторизованной, потому что гаубицы обычных пехотных дивизий перевозились на

конной тяге). И за ними следом – такой же полугусеничный Sd Kfz 6, но уже не артиллерийский тягач, а машина для инженерных войск, с немного другим типом кузова, предназначенным только для перевозки личного состава, и с буксируемым прицепом, в котором уложено все необходимое инженерное оборудование. Ни боевого охранения, ни зенитного сопровождения у колонны не было. Сергей, как это увидел, сначала не поверил, а потом пробормотал сквозь зубы:

– Это что же, после успехов первых дней войны немчики так обнаглели, что уже без охранения и зенитного прикрытия свою артиллерию тягают? Ну, прямо как наши сейчас. Но наши-то от безысходности – техники поддержки и ПВО у нас кот наплакал, а эти? Или они думают, что Красная Армия уже совсем загнана? Опасное заблуждение, камрады, я бы сказал, смертельно опасное заблуждение. И сейчас мы вам это докажем на практике. После чего прицел к прицелу танковой пушки.

Подрыв первого тягача на минной ловушке послужил сигналом к общему избиению колонны. И автоматическая пушка немецкого танка при этом оказалась вне конкуренции. Пока 45-миллиметровые пушки двух обездвиженных легких Т-26 и, периодически высывающегося из-за подбитого немецкого танка БА-10 уничтожали технику в голове колонны, Сергей начал с конца и успел сначала аккуратно расстрелять кабину последнего (инженерного) тягача, чтобы не повредить прицеп, а затем, не особо торопясь, расстрелял еще пять тягачей с конца колонны. Потом, пока его танкисты и броневик добивали остальные тягачи, выскочил из башни немецкого танка и метнулся к бронетранспортеру, где за курсовым пулеметом уже подпрыгивал от нетерпения и сильной жажды убийства немцев Игорь Петров. Залез на водительское место и вывернул бронетранспортер носом вдоль немецкой колонны, с той стороны, где залегли расчеты орудий. Загрохотал скорострельный МГ-34, и под его злыми очередями стали поспешно умирать хорошо обученные, опытные, прошедшие войну в Европе, немецкие артиллеристы. С другой стороны колонны свою лепту в воздаяние фашистам по делам их вносили пулеметы броневиков.

Через пятнадцать минут после начала боя полный артиллерийский дивизион моторизованной дивизии вермахта лишился всех своих артиллерийских расчетов. Настала очередь техники. У Сергея сердце кровью обливалось – уничтожать эти надежные и простые в обслуживании немецкие гаубицы, имевшие к тому же высокую живучесть ствола (8–10 тысяч выстрелов). Утащить их с собой, да еще с полным боекомплектом – это был бы «просто праздник какой-то». Но все тягачи избиваемой артиллерийской колонны при атаке были настолько сильно повреждены, что без серьезного ремонта ходовой части, а то и двигателей, никуда ехать и ничего тащить уже не могли.

Здесь Сергей в очередной раз – и очень сильно – пожалел об отсутствии мобильной радиосвязи. Тогда перед боем можно было бы по радио внести коррективы в первоначальный план атаки, и организовать расстрел артиллерийской колонны так, чтобы сохранить при этом хотя бы несколько тягачей.

– Но сейчас делать уже нечего, сейчас имеем то, что имеем, – печально вздохнул Сергей.

Единственное, что он смог придумать в этой ситуации, – прицепить одну, по виду самую новую, гаубицу к бронетранспортеру, в него же загрузить боезапас осколочно-фугасных, бронебойных и зажигательных снарядов и зарядов к ней – сколько поместится. У бронетранспортера мощность двигателя, конечно, слегка поменьше, чем у артиллерийского тягача, но не намного, а ходовая часть такая же, поэтому он, на малой скорости, гаубицу должен успешно дотащить. Да тут и недалеко, меньше десяти километров.

Для гарантированного уничтожения остальных вражеских гаубиц Сергей решил применить способ необратимого повреждения ствола и казенника орудия при попытке выстрела заранее заклиненным в стволе снарядом. Чтобы не попасть под взрывы и осколки, к орудиям цепляли длинный трос, дергая за который, производили выстрел. Трос, как и материалы для

заклинивания снарядов в стволах, нашли в прицепе с инженерным имуществом, а сам прицеп Сергей дал команду прицепить к броневикам БА-10 – инженерное оборудование в хозяйстве всегда пригодится.

Полное уничтожение артиллерийских тягачей вообще не представляло проблемы, – двигатели у них бензиновые, бак пробил, бензином хорошенько полил, горящую ветошь бросил, – и все, готово дело. После хорошего пожара отремонтировать их уже не получится, даже на запчасти они не пойдут – только в переплавку. Жалко, конечно, эти надежные, тяговитые машины с отличной проходимостью уничтожать, но делать нечего. С собой их забрать не получится, а немцам оставлять, чтобы они отремонтировать и снова использовать смогли – да ни в коем случае. Именно поэтому Сергей приказал собрать с тягачей запасные канистры с бензином, провода, фары, аккумуляторы и прочие технические мелочи, бензин слить и залить бак бронетранспортера под пробку, а тягачи перед отходом сжечь.

Бойцов скорость уничтожения колонны, а также простота и эффективность показанного Сергеем способа превращения орудий в металлолом весьма впечатлила, во взглядах читалось восхищение командиром и азарт продолжения боя. Танкисты даже стали просить Сергея задержаться и подождать следующую колонну, чтобы уничтожить еще немного фашистов. Но Сергей прекрасно понимал, что везение сегодняшнего дня не может продолжаться вечно, поэтому дал команду поджечь тягачи и оставляемые танки, которые так помогли, а потом отходить. И отходить желательно побыстрее – сейчас могут начать рваться боеприпасы. Весело обсуждающие прошедший бой танкисты погрузились в бронетранспортер, пулеметный броневик пристроился впереди, а пушечный БА-10 с трофейным инженерным прицепом на буксире – сзади, и маленькая колонна, под грохот начинающих рваться в горящих тягачах боеприпасов, на средней скорости потащила честно добытую в бою гаубицу в сторону Сокулки...

Начальник особого отдела 33-й танковой дивизии бригадный комиссар Трофимов только что вернулся в свой кабинет с совещания, проведенного командиром дивизии после возвращения его с уцелевшими частями дивизии в Сокулку. Вернулся раздраженный и злой. Оперативная обстановка была неутешительной. Да что там неутешительной – она была пугающей. И, кстати, в точности такой, как предсказывал этот странный, непонятно откуда взявшийся «оракул» – лейтенант Иванов.

Танковые клинья вермахта все сильнее вгрызались в советскую территорию, охватывая Белостокский выступ с двух сторон по сходящимся направлениям.

33-я танковая дивизия под командованием полковника Панова действительно 23–24 июня вела тяжелые бои под Гродно в составе 11-го мехкорпуса, в разгар боев осталась практически без запасов горючего и боеприпасов, командир дивизии хотел отводить ее на Новогрудок, где, как сказал лейтенант Иванов, дивизия и погибла бы вся. Но Трофимов, поверив его словам, принял решение вмешаться в ситуацию, после чего послал комдиву шифрограмму, в которой указал, что, по полученной информации, там уже немцы. Благодаря этому, вчера Панов смог вернуть сильно потрепанные и потерявшие значительное количество техники части дивизии к месту дислокации, в Сокулку. Здесь, имея дивизионную ремонтную базу и склады запчастей, значительную часть поврежденных танков и бронемашин за день-два удастся полностью восстановить. А остальным достаточно залить топливо и загрузить боекомплект из запасов дивизионных складов. То есть снова привести дивизию, пусть и потерявшую за два дня боев почти треть состава, в боевую готовность.

Трофимову радоваться бы, – дивизию удалось спасти от разгрома, но вчера же, 25 июня, уже поздней ночью пришел приказ по 3-й и 10-й армиям об отступлении советских войск с полным оставлением Белостокского выступа. И бригадный комиссар до утра не спал, все продумывал, как убедить командира и руководство дивизии в том, что отступление смерти подобно. Потом напряженный день, руководство организацией передовых оборонительных

рубежей дивизии по новым принципам, с применением инженерных сооружений и бронетехники для усиления пехотных подразделений.

А вечером 26 июня на совещании командир дивизии полковник Панов зачитал этот приказ штаба Западного фронта об организации отступления и предложил штабу готовить план оставления Сокулки и движения в сторону Минска.

Начальник особого отдела дивизии Трофимов взял слово. Он попытался указать на бесперспективность и пагубность отступления, предупреждал о том, что по якобы имеющейся секретной информации по линии особого отдела (а на самом деле информации лейтенанта Иванова) немецкие войска уже глубоко прорвали оборону на флангах Белостокского выступа и готовят окружение отступающих войск. Говорил о том, что на отступление не хватит горючего, боеприпасов и ресурса бронетехники, при этом очень много ценного и нужного имущества, снаряжения, боеприпасов и вспомогательной техники придется бросить. Пытался доказать целесообразность организации узла обороны на основе корпусных ресурсов Белостока и дивизионных ресурсов Сокулки. Приводил данные о соотношении немецких и наших потерь при организации оборонительных порядков по новым принципам, с использованием высокой огневой мощи бронетанковой техники, установленной в качестве неподвижных огневых точек на защищенных полузакрытых позициях. Ну, или подвижных огневых точек – если для них готовить несколько позиций. Ссылался на опыт подразделения лейтенанта Ковалева, который вторые сутки успешно перемалывал отборную немецкую моторизованную пехоту при минимуме своих потерь. Да еще, в промежутках между атаками, и трофеями прирастал. Даже намекал на возможную ответственность перед Родиной и соответствующими «органами» за поспешное выполнение приказа, который может оказаться ошибочным. Ошибочным потому, что даже на уровне их дивизии оперативная обстановка недостаточно изучена и быстро меняется, вовремя отследить эти изменения трудно и не всегда получается. А что тогда можно сказать о полноте и своевременности данных, поступающих в штаб фронта!

Но его никто не услышал. А может, его просто не захотели услышать. Все остальные участники совещания, упрямо ссылаясь на приказ штаба фронта, активно поддержали идею отступления. Поэтому Трофимов вернулся с совещания раздраженный и злой. И подумал о том, что, похоже, интенсивные атаки немецких войск в сочетании с постоянными бомбежками, да еще в условиях отсутствия эффективной ПВО, могут надломить боевой дух не только рядовых бойцов, но и командиров весьма высокого уровня. И что лейтенант Иванов может снова оказаться прав, говоря о том, что командование его дивизии выйдет из окружения, а бойцы и техника останутся в нем.

Единственная хорошая новость этого дня заключалась в том, что его старый друг и боевой товарищ, начальник особого отдела 6-го мехкорпуса, дивизионный комиссар Титов, прислал ответное сообщение, в котором информировал Трофимова, что смог убедить своего комкора. И тот отводит сильно потрепанный в боях под Гродно корпус не по направлению Крынки – Волковыск – Слоним, а под Белосток, причем через Сокулку, частично используя при этом возможности Белостокской железной дороги на участке Гродно – Белосток. Так что совсем скоро Титов с командиром корпуса будут здесь, в Сокулке. И здесь немного задержатся, чтобы он, Трофимов, объяснил комкору и свое, отличающееся от командования мнение, и источники информации, на основании которых он сформулировал свою странную просьбу. Но что им сказать, Трофимов не знал. Это знал лейтенант Иванов, который должен был вернуться из своего диверсионного рейда еще утром. Но не вернулся. А сейчас уже вечер. И где только его черти носят?!

От этого не спавший всю ночь и разочарованный итогами совещания Трофимов еще больше злился. Поэтому, когда дежурный по особому отделу доложил, что к Трофимову просится командир прибывшей час назад в Сокулку «сборной солянки» из отступающих частей,

старший лейтенант Микульченко, бригадный комиссар встретил этого самого Микульченко очень неласково.

– Кто такой?! Чего надо?!

– Товарищ бригадный комиссар, разрешите доложить! Старший лейтенант Микульченко, командир стрелковой роты 345-го стрелкового полка 27-й стрелковой дивизии, полк дислоцировался у границы в районе Августова. С первого дня войны, в результате мощных ударов немецких войск с массированным применением артиллерии и авиации, полк отступал от границы, без связи со штабом дивизии, ведя тяжелые оборонительные бои с превосходящими силами немцев. По пути отступления в состав полка вливались отступающие и разбитые подразделения различных родов войск. Я, как старший по званию, принял командование над остатками полка вчера вечером, после смерти от ран командира батальона капитана Никифорова. По состоянию на утро сегодняшнего дня под моей командой были сосредоточены четыре легких танка Т-26, один Т-34, два средних пушечных и два легких пулеметных броневых автомобиля из отступающих частей 29-й танковой дивизии 11-го мехкорпуса. Кроме того, до роты пехоты с четырьмя ручными пулеметами ДП-27 и примкнувшие по дороге специалисты военно-технического состава (танкисты, артиллеристы и т. п.) общей численностью до взвода. Пехота передвигалась на полуторке и на броне танков.

– Скажи-ка мне, старший лейтенант, – наливаясь злобой, прорычал Трофимов. Ты это все к чему мне сейчас рассказываешь?! Или ты считаешь, что мне больше делать нечего, кроме как историю твоего отступления выслушивать?!

– Так меня об этом просил лейтенант Сергей Иванов, товарищ бригадный комиссар, – устало ответил Микульченко и слегка пошатнулся.

– Лейтенант Сергей Иванов? – сразу подобрался Трофимов. – Так с этого надо было начинать! И не стой столбом, старший лейтенант, садись вон на стул и рассказывай.

– Хотя, подожди. Дежурный! Принеси старшему лейтенанту чаю и пожевать чего-нибудь. А теперь давай, рассказывай дальше.

– Слушаюсь, товарищ бригадный комиссар. Утром в составе сводной колонны мы проселками обошли Домброво, – там уже немцы, – и двинулись по дороге в сторону Сокулки. Примерно в четыре часа дня, в десяти примерно километрах от Сокулки, нас догнала моторизованная рота вермахта, усиленная тремя танками, тяжелыми минометами и бронетранспортером. Нам пришлось принять бой без предварительного развертывания и подготовки.

– И сколько вас выжило после того боя? – спросил Трофимов, внутренне холодея. Он, прошедший Испанию, Халхин-Гол и финскую, знал, что в таких ситуациях – когда противник ловит и расстреливает походную колонну на марше – процент потерь всегда очень велик.

– Знаете, товарищ бригадный комиссар... Я в том бою уже думал, что все кончено и не выживет никто из нас. Немцы с ходу уничтожили половину легких танков и грузовик, потом начали долбить тяжелые минометы, да еще и авиация немецкая налетела, бомбили. Через час боя у меня из брони только одна «тридцатьчетверка» осталась, почти без снарядов, да один пушечный БА-10, но уже совсем без снарядов. Ну, и один легкий пулеметный броневик. При этом броневики, сами понимаете, больше от немецких танков и минометов уворачивались, чем реально бой вели. От роты пехоты осталось чуть больше половины, патроны к винтовкам и ручным пулеметам почти закончились. Хотел уже людей в рукопашную поднимать – так и так помирать, но хоть сколько-нибудь фашистов с собой захватили бы. Но тут вдруг – кто-то ударил немцам в тыл. Да так ударил, что через несколько минут у них уже не было ни танков, ни тяжелых минометов. Бронетранспортер тоже прекратил стрелять. А потом снова начал, но уже по немецкой пехоте. И еще несколько пулеметов по немецкой пехоте с тыла стрелять начали – я по их звуку определил, что немецкие. За пару минут боя половину немецких пулеметных расчетов уничтожили. Ну, я моментом воспользовался, своих бойцов в атаку поднял. Немцы не выдержали и в тыл побежали. А в тылу – пулеметы тех, неизвестных. В общем, когда мы до

немцев добежали, у них в живых только раненые были. А чуть дальше, за пулеметами, бойцы лежат, вперемешку – в нашей и немецкой форме, но по нам не стреляют. И всего их чуть больше десятка. А потом командир их вперед вышел, тоже в немецкой форме. Представился лейтенантом Ивановым, Сергеем, сказал, что выполняет особое задание штаба 33-й танковой дивизии. Еще сказал, что нам надо с места боя убираться поскорее, и дал много полезных советов. За полчаса, пока моих раненых перевязывали, а у него даже не ранен был никто, мои и его бойцы под руководством Сергея немцев так на трофеи ободрали – как голодная собака кость. Технику нашу, что починить можно, с собой забрали – тоже лейтенант Иванов придумал. Да еще и свои трофеи – легкий немецкий грузовик, мотоциклы, много оружия и боеприпасов, снаряжение – он к нам в колонну пристроил, вместе со своими бойцами и двумя ранеными, что они по дороге подобрали.

А меня лейтенант Иванов попросил сразу, как прибудем, к вам зайти, про бой рассказать и попросить, чтобы его у передовых постов обороны ваши особисты встретили. Ну, я сразу, как прибыл и нас в особый отдел отправили, к вам попросился.

– Как это встретили? – вновь напрягся Трофимов. – Разве лейтенант Иванов не с вами прибыл?

– Нет, товарищ бригадный комиссар. Он из танкистов четырех добровольцев выбрал и с ними, да со своим младшим лейтенантом Петровым, остался в засаде, следующих немцев ждать. Еще, правда, оба исправных броневика себе оставил, а в БА-10 снаряды из наших разбитых легких танков загрузил. И еще полугусеничный бронетранспортер командира немецкой роты себе оставил, почти новый. Из-за него и просил на передовых постах встретить, чтобы бойцы за немцев не приняли и не обстреляли.

Трофимов слушал пехотного лейтенанта и не мог поверить своим ушам. Маленькой группой бойцов обеспечить разгром полнокровной немецкой роты, да еще со средствами усиления, а потом, снова – еще более маленькой группой – остаться в засаде и ждать следующую немецкую часть, чтобы уничтожить и ее...

«Да кто он такой, этот «лейтенант Иванов»?! Где и когда он научился так воевать?!» – в очередной раз задал сам себе вопросы Трофимов, и снова признался сам себе, что даже приблизительных ответов на эти вопросы у него нет...

– Значит так, старший лейтенант Микульченко. Сейчас допивай чай, потом разместишь своих людей – я дам команду. Потом медсанбат, баня и столовая. А потом напишешь подробнейший рапорт о сегодняшнем бое, передашь дежурному – и только потом отдыхать.

Трофимов вызвал дежурного, отдал распоряжения по обустройству прибывших, потом вызвал одного из своих помощников.

– Значит так. Допросы по выявлению шпионов и вражеских пособников среди прибывших вместе со старшим лейтенантом Микульченко начнете завтра с утра – сегодня пусть бойцы отдохнут. Отдельно и максимально подробно – про последний бой и что было потом, после боя, особенно действия лейтенанта Иванова. Но во время допросов палку не перегибать! Люди с боями от самой границы к своим вышли, а не к врагам попали.

Да, еще вот что. Всю трофейную технику, что в городе есть, собрать и загнать в технический парк возле штаба дивизии, выставить охрану. И потом организуй – пусть ее ремонтники посмотрят, подремонтируют, если нужно. Чувствую, она нам скоро понадобится.

И пошли кого-нибудь на передовые посты у въезда в город со стороны Домброво – встретить лейтенанта Иванова. Он, возможно, тоже будет на трофейной технике. Как встретят – его сразу ко мне, трофеи – ты уже знаешь, куда. Но учти – встретить, а не арестовать...

Колонна из броневиков и бронетранспортера дотащила трофейную гаубицу к передовым оборонительным укреплениям на северо-восточном въезде в Сокулку уже почти в сумерках. Сергей, который действительно боялся, чтобы по ошибке его бронетранспортер не разобрали на запчасти бдительные артиллеристы противотанковой обороны, за километр от поста оста-

новил колонну, велел всем зажечь фары, а бронетранспортер с гаубицей переставил последним. И колонна медленно-медленно потянулась к въезду в город. Но, к его несказанному облегчению, все обошлось. На посту их встретил особист, быстро проверил документы и сопроводил колонну к штабу дивизии. Там он отправил всех, кроме Сергея, в казарму, потом в медсанбат, в баню, в столовую – и отдыхать. А Сергея проводил напрямик в кабинет Трофимова. Бригадный комиссар, при виде живого и здорового лейтенанта Иванова, не смог скрыть облегчения.

– Ну, здравствуй, пропащий лейтенант Иванов, – шутливо приветствовал он Сергея. – С самого утра тебя жду. Много немцев настрелял?

– Ой, много, товарищ бригадный комиссар, – в тон ему, с улыбкой ответил Сергей и попросил карту. Вот тут, на железнодорожной линии Августов – Домброво – Гродно, по которой у немцев организовано снабжение 3-й танковой группы, мост был. Хороший такой мост – большой, двухпролетный. А теперь этого моста нет и, как минимум, месяц точно не будет. Мы его ну так качественно обиходили – не только обе фермы моста в реку уронили, но еще и среднюю опору хорошо так повредили. Как теперь танкам генерал-полковника Гота, что к Минску рвутся, бензин будут доставлять – просто ума не приложу. Да и Белостокский котел со стороны Гродно им теперь гораздо сложнее организовывать будет, без топлива-то. Кстати о топливе – по мосту как раз состав с топливом проходил, так мы его случайно тоже – того, как он горел, как горел – любо-дорого посмотреть было. Ну и охрану моста, само собой, при этом немного убили.

Дальше Сергей оставил шутливый тон и коротко рассказал о боевом пути группы за два дня, показывая его на карте. Трофимов слушал, смотрел на карту и, тихо балдея от услышанного, пытался убедить себя, что это ему не снится. На фоне разгромов корпусов и дивизий, отступления на грани паники десятков тысяч солдат, сотен единиц разбитой и просто брошенной техники – группа бойцов из шести человек, используя трофейное оружие, которое они сами же себе и добыли, за два-три дня уничтожила почти половину моторизованного полка вермахта. И это только личного состава, не считая танков и артиллерии – особенно артиллерии. И, вдобавок ко всем своим похождениям, спасли от неминуемой гибели добываемую немцами советскую колонну людей и бронетехники. А это как минимум два взвода обстрелянных солдат и почти сорок опытных воентехников различных специальностей.

– Сергей, – перешел на доверительный тон Трофимов. – Ну, вот объясни мне, как так получается, что ты, с горсткой бойцов – обычных бойцов, каких сейчас очень много отступает, а некоторые и просто бегут, – умудряешься так успешно немцев бить, как не каждый полнокровный батальон сможет. В чем здесь секрет?

– Видите ли, товарищ бригадный комиссар. На самом деле никакого секрета тут нет. На моем, нижнем, уровне командования все видится довольно просто. Многим великим людям в разных вариациях приписывается такая фраза: «Для успешной войны нужны всего три вещи – деньги, деньги, и еще раз деньги». Адаптируя эту, несомненно, глубокую мысль, для наших конкретных условий, ее можно сформулировать так: для успешной войны нужны средства (ресурсы) на организацию армии, вооружение армии, подготовку армии.

Если эти средства или ресурсы найдены вовремя и с умом использованы, тогда мы имеем хорошо организованную, вооруженную и обученную армию, способную действовать с максимальной эффективностью и в обороне, и в наступлении, и комбинируя в любых пропорциях эти две основные составляющие военного искусства. И чем выше развиты эти три фактора относительно аналогичных в армии противника, тем лучше результаты любых боев и соотношение потерь, причем потерь не только в людях, но и в технике, ресурсах и прочем.

Вот возьмем для примера немецкую армию. Ее организация, вооруженность и обученность в целом сейчас явно превосходят аналогичные показатели Красной Армии, поэтому Красная Армия – повторяю, на данном этапе войны – терпит поражения.

Теперь возьмем мою группу. Мы, в сравнении с обычными частями вермахта. Лучше организованы. Мы используем элементы тактики малых боевых групп, которая особенно эффективна в немецком тылу и на их транспортных коммуникациях. Фактически – это тактика диверсий и засад, позволяющая нанести противнику большие потери в живой силе и технике за счет использования эффекта неожиданности и неготовности противника к бою. Немцы, конечно, тоже так действовать умеют, и у них для этого еще перед войной были созданы специальные подразделения типа «Бранденбург 800». И части для противодействия такой тактике у них тоже есть, но вот именно здесь и сейчас их нет, поскольку немцы такого здесь и сейчас не ожидали, соответственно к этому не готовы.

Второе: мы лучше вооружены, так как используем трофейное оружие вермахта. Это снимает вопрос снабжения боеприпасами в тылу врага. Но мы для уничтожения живой силы используем наиболее эффективное на сегодняшний день стрелковое оружие – пулеметы, причем наиболее эффективные сейчас трофейные МГ-34, причем насыщенность этим оружием нашей группы намного выше, чем в обычных немецких частях. Я уж и не говорю про оснащенность пулеметами обычных стрелковых частей Красной Армии. На бумаге, то есть по штатам, они должны быть вооружены лучше, чем аналогичные немецкие части. А по факту вооружены гораздо хуже – ну где вы видели хотя бы по четыре ручных пулемета ДП на стрелковый взвод? И это притом, что они по характеристикам сильно уступают немецкому единственному пулемету МГ-34.

Третье: мы лучше обучены или лучше подготовлены – можно и так, и так оценить. Во-первых, группа изначально была укомплектована пограничниками, а их уровень образованности, подготовки и мотивации в принципе выше, чем у рядовых бойцов Красной Армии. Во-вторых, в ходе выполнения боевых задач члены группы и примкнувшие специалисты проводят обучение остальных по своим специализациям – пулеметчик, сапер, зенитчик, и так далее. Ну, и, в-третьих, я тоже, по возможности, провожу обучение личного состава группы.

– Вот-вот, ты тоже проводишь обучение, – уцепился за последнюю фразу Сергея бригадный комиссар. Причем проводишь обучение тому, чего никто раньше не знал и не использовал. Доложили мне уже про твои маскировочные сети и накидки из рыболовных сетей. И про рельсовый клин, чтобы немецкие эшелоны под откос пускать, прочитал успел. И даже уже изготовление организовал. Подозреваю, что ты очень много полезного еще знаешь и умеешь. Но я повторяю свой вопрос, на который ты, лейтенант, не ответил в прошлый раз. – Так откуда же ты это знаешь? И кто учил этому тебя?

Вместо ответа Сергей спросил Трофимова:

– Приказ на отступление наших 3-й, 4-й и 10-й армий с Белостокского выступа уже пришел?

– Да, – помрачнел тот. – И в штабе дивизии все уже готовятся к отступлению. Я пытался это отступление хотя бы приостановить, чтобы подготовить технику и запасы к маршу, но меня никто не поддержал. В том числе и командир дивизии. Хорошо еще, я успел сообщение отправить, и он от Гродно дивизию сюда отвел, а не на Новогрудок, как изначально хотел. В результате сейчас в Сокулке примерно две трети от штатной численности людей и техники сосредоточено, через два дня они все будут в исправности и боевой готовности. Но, боюсь, сегодня-завтра дивизия все-таки оставит Сокулку и начнет отступление, бросив здесь много всего того, что потом с удовольствием будут использовать немцы, – в общем, все, как ты и говорил.

– Это очень плохо, – вздохнул Сергей. – Если дивизия начнет отступление, спасти ее уже не получится. И главное – погибнет дивизия бездарно, бессмысленно, только ослабив этой потерей наши войска и напротив, усилив немецкие своей брошенной техникой, ресурсами. А что с 6-м механизированным корпусом и его командиром, генерал-майором Хацкилевичем? – озвучил Сергей свою главную надежду. – Удалось вам связаться со своим другом и передать информацию?

– Связался, информацию передал, – чуть оживился Трофимов. – И даже недавно получил от него ответ, что комкор Хацкилевич информацию получил и ее принял. Поэтому сейчас Хацкилевич отводит корпус от Гродно в район Белостока, и уже сегодня ночью или завтра утром они вместе с начальником особого отдела корпуса, дивизионным комиссаром Титовым, придут в Сокулку. Придут за получением разъяснений по моей странной просьбе к Титову, между прочим, а ты продолжаешь темнить!

После этих слов у Сергея словно гора с плеч свалилась. Если 6-й мехкорпус, пусть и сильно потрепанный в боях, возвращается под Белосток, на свои базы снабжения и ремонта, и если удастся убедить комкора Хацкилевича, используя ресурсы корпуса, взять на себя организацию оборонительного узла... Тогда возможность срыва немецкого блицкрига, как минимум, в Белоруссии и, как следствие, общего изменения хода этой войны в лучшую для СССР сторону становится очень реальной.

– Вот это вы меня порадовали, товарищ бригадный комиссар! Но, прошу Вас, потерпите еще немного. – Они придут, и я тогда вам всем, сразу троим, на все вопросы отвечу. – Но, товарищ бригадный комиссар, – только Вы, я и они. Секретность этого разговора должна быть высочайшей. Позже Вы сами поймете – почему.

А сейчас, пока их еще нет, можно мне тоже в баню?...

Глава 12

После бани, где Сергей с наслаждением отмыл с себя всю грязь полевого выхода и оставил в стирку свою пропыленную немецкую форму, он вышел в предбанник. Там его уже ждали новый комплект лейтенантского обмундирования с нашитыми знаками различия и новые же сапоги, уже кем-то начищенные. И еще – старшина погранвойск НКВД СССР Авдеев, который при появлении Сергея вскочил с лаки и вытянулся строго по уставу.

– Товарищ лейтенант, разрешите обратиться.

– Обращайся, старшина. Чего хотел?

– Так ведь это, товарищ лейтенант, ходят слухи, что завтра с утра нас всех особисты допрашивать будут, а потом – распределять по подразделениям, что оборону на окраинах города держат. Вот я и хотел у вас узнать, а можно как-нибудь решить, чтобы мне и пограничникам, что вместе со мной были, к вам в группу попасть?

Сергея просьба старшины очень обрадовала, хотя он и постарался это не афишировать. Обрадовала по двум причинам.

Во-первых, старшина и найденные вместе с ним бойцы-пограничники – первые люди, которые захотели к нему в боевую группу самостоятельно, а не по приказу того же Трофимова. И это после того, как все они видели, что группа не отсиживается в стороне от войны, а постоянно участвует в боях, причем со значительно превосходящими силами противника. И даже сами участвовали в последнем совместном бою, выручая людей старшего лейтенанта Микульченко, где, кстати, проявили себя очень неплохо, особенно старшина Авдеев. И уж если этот хитрый, тертый жизнью и службой старшина-сверхсрочник с простецкой улыбкой и умным, цепким взглядом, несмотря на явный риск и опасности для членов группы в ходе будущих операций, хочет со своими бойцами влиться в нее – значит, эти люди верят Сергею и хотят воевать вместе с ним. А это, в свою очередь, означает, что Сергей уже не один в этом мире – не одинокая песчинка в жерновах истории, участь которой незавидна, а возможности ничтожны. Теперь он лидер пусть пока и небольшой, но сплоченной и решительной группы бойцов, опираясь на которую, он сможет гораздо раньше в этой истории воплотить идею создания моторизованных армейских подразделений.

И во-вторых, такой ушлый и опытный хозяйственник, как бывший старшина комендатуры погранотряда, который наверняка в негласной иерархии хозяйственников имеет почет-

ную степень отличия «самый замечательный и выносливый хомяк» (все, что заметит – вынесет и к себе в закрома унесет, не корысти ради, а пользы для), будет очень полезен их группе, а в перспективе отдельному подразделению, в деле организации закровов со всем необходимым для войны, а также для организации более или менее комфортного быта на этой самой войне.

– Хорошо, старшина. До утра подготовь список твоих бойцов, утром пойду с ним к начальству.

После этих слов и последовавших сразу за ними действий Авдеева Сергей убедился, что его предварительно высокое мнение о способностях старшины не только не преувеличено, но, быть может, даже и слегка преуменьшено.

– Вот список, товарищ лейтенант.

Авдеев тут же достал из кармана бумаги со списками своих бойцов, причем оказалось, что список он подготовил не один – списков было два. Первый список – для начальства, в нем было обычное перечисление бойцов с указанием фамилии, имени, отчества, года рождения и воинского звания в порядке убывания оногo, а также номера воинской части. А вот второй список – лично для Сергея – помимо этого содержал достаточно много дополнительной информации по каждому новому члену группы, начиная с самого Авдеева. Там были указаны воинские специальности и умения, а также дополнительные способности бойцов, например – снайпер, пулеметчик, хороший наблюдатель, ловкий разведчик, далеко и точно метает гранаты, хороший механик и слесарь, хорошо готовит и тому подобные сведения о предполагаемых подчиненных Сергея. Кроме того, в этом списке старшина Авдеев дополнительно указал также личностные характеристики своих бойцов – этот горяч, в бою может иногда терять осмотрительность, тот слегка тугодум, но зато исполнительен и старателен, и так далее, по каждому. Сергей, пробегая глазами листок и выхватывая отдельные характеристики, не переставал восхищаться столь ценным для него приобретением, как этот немолодой старшина, благодаря предусмотрительности которого каждого нового бойца сразу можно будет использовать с максимальной эффективностью.

С особым и вполне понятным интересом Сергей зацепился взглядом за то место в списке, где Авдеев указал информацию о себе. Старшина-сверхсрочник пограничных войск Авдеев Павел Егорович, 1900 года рождения, родом из донских казаков. Воюет еще с гражданской, когда вся его семья померла от тифа, а он сам выжил и в ходе бело-красной казачьей междоусобицы прибил к пулеметной команде в конной армии Буденного. Потом остался на сверхсрочную службу, окончил с отличием пулеметные курсы, успел послужить в кадровом составе частей особого назначения (ЧОН), боролся с басмачами в Средней Азии. Потом снова курсы – на этот раз снайперов – и служба в войсках НКВД. Не обошла его и «зимняя война» с белофиннами в 1939–1940 годах. Там успел послужить в частях НКВД по охране тыла, потом в железнодорожных войсках НКВД, ловил вражеских разведчиков и диверсантов. Был неоднократно ранен, награжден медалью «За отвагу» и двумя медалями «За боевые заслуги». После войны был направлен в 3-ю пограничную комендатуру Августовского погранотряда. Практически всю службу совмещал выполнение боевых задач и обязанности хозяйственно-материального обеспечения личного состава подразделений, в которых служил.

– Отлично, Павел Егорович, – Сергей назвал старшину по имени-отчеству, подчеркивая уважение. – Ты молодец, особенно второй список меня порадовал. Тогда сейчас отдыхайте – завтра будет напряженный и суетный день.

Распрощавшись с Авдеевым, Сергей направился в казарму, думая перед встречей у Трофимова еще раз, уже вдумчиво, изучить умения и личные склонности своих новых бойцов, а потом немного поспать, но жизнь внесла свои коррективы. Примерно на полпути в казарму Сергея встретил младший лейтенант Петров и тоже попросил переговорить наедине. Разговор, к легкому удивлению и большой радости Сергея тоже пошел о сильном желании Игоря и его пограничников войти в группу лейтенанта Иванова на постоянной основе. Здесь, правда, с

организацией процесса интеграции было похуже – после согласия Сергея, вместо списка бойцов он получил только широкую радостную улыбка Игоря, очень довольного результатом разговора. Поэтому, в качестве первого поручения в новом качестве постоянного заместителя командира группы, младший лейтенант Петров получил указание найти тоже уже постоянного старшину группы Авдеева и дать тому указание подготовить новый общий список группы для начальства. Судя по недоуменному виду, Игорь не совсем понял столь сложно сформулированное название списка, но Сергей успокоительно похлопал его по плечу – мол, старшина поймет, что нужно сделать. После того, как Петров, все еще сияя довольной улыбкой, умчался искать Авдеева, Сергей, уверенный, что на сегодня все встречи и разговоры окончены, снова направился в казарму, предвкушая короткий отдых. Однако жизнь снова внесла свои коррективы, и ему предстояла еще одна встреча. Встреча с Татьяной Соколовой, которая окликнула его из темноты у входа в казарму, еле-еле освещенного в целях обеспечения светомаскировки...

Татьяна Соколова плохо помнила дорогу до Сокулки – все было как в легком тумане, сердце то сжималось, то беспокойно билось от тревоги за лейтенанта Иванова, который остался там, в заслоне. В городе немного отвлеклась – навалились новые заботы и хлопоты, связанные с обустройством привезенных раненых, которые временно вытеснили личные переживания. Потом, когда в ходе приема раненых в медсанбате дивизии узнали, что Таня дипломированный врач и имеет, хоть и не очень большую, хирургическую подготовку, ее сразу оставили в операционной, и она до позднего вечера ассистировала уставшим хирургам при операциях. За это время ее подробно расспросили: где училась, что еще умеет, какой опыт лечения, – и из операционной медсанбата Татьяна вышла уже штатным врачом хирургического отделения в звании военфельдшера, что соответствовало армейскому лейтенанту. Только форму получить не успела – сказали, завтра утром выдадут. И тут снова навалились мысли о нем – где он, что с ним? Оставив свои немудреные пожитки в выделенной ей комнатке общежития, где был расквартирован весь медперсонал, Таня, преодолевая смущение, отправилась в комендатуру – ей сказали, что всех прибывших в город регистрируют там. Оттуда – в штаб дивизии, к дежурному, где, наконец, узнала, что лейтенант Иванов вечером прибыл в город и его можно найти в казарме при штабе дивизии, которая расположена вон там и в которой на первом этаже размещен рядовой и младший начсостав, а на втором этаже – командиры и военные специалисты. Надо сказать, в ходе поисков Таню здорово выручало новенькое удостоверение военфельдшера медсанбата дивизии – иначе вряд ли бы она продвинулась в своих расспросах дальше комендатуры, и хорошо еще, если бы обошлось без допроса в особом отделе. Вот возле входа в казарму Татьяна и ждала появления Сергея, узнав у дневального, что он еще не подошел. Ждала и боялась встречи, потому что совершенно не знала, что же она ему при встрече скажет. Знала только, а вернее, чувствовала, что ей тепло и спокойно рядом с ним, и хотела, чтобы это чувство продолжалось подольше. Потом Татьяна увидела Сергея у входа и окликнула его, а потом замерла, так и не решив, что сказать или сделать дальше...

Когда Сергей услышал оклик и увидел в полутьме статную женскую фигурку все в том же светлом платье и жакете, он тоже испытал противоречивые чувства. Его еще с первой встречи в лесу очень тянуло к Татьяне, но каждый раз, заглядывая в ее красивые зеленые глаза, доверчиво и без малейших признаков кокетства смотрящие на него, Сергей очень боялся сделать что-нибудь не так, ненароком обидеть ее. Ведь он из другого времени, где отношения между мужчинами и женщинами уже давно совсем другие, чем здесь и сейчас. Тем не менее, он поспешил ей навстречу с широкой улыбкой, потому что, несмотря ни на что, хотел ее видеть и был очень рад, что Таня сама его нашла.

– Здравствуйте, Танечка! Доехали вы нормально, я уже знаю, а как устроились?

Начиная разговор, Сергей ненавязчиво проводил Татьяну к пустующей сейчас курилке и усадил на небольшую скамейку рядом с ней.

– Спасибо, хорошо. Я вместе с ранеными сразу в медсанбат направилась, там и осталась помогать, а потом, как узнали, что я дипломированный врач и хирургическую практику имею, меня сразу в штат и зачислили, я теперь военфельдшер. А у вас все удачно сложилось? И где вы теперь будете?

– Пока не знаю, завтра утром, после разговора с начальством, будет какая-то определенность. Если все получится, как я планирую, то буду командовать отдельным подразделением из тех бойцов, что в рейде встретили, – они все ко мне в подчинение просятся.

– Вот, кстати, про всех бойцов под вашим командованием. А можно и мне к вам перейти, вам ведь, наверное, в подразделении медик нужен будет?

Сергей, не ожидавший такой просьбы, сначала даже опешил. К нему в группу, которую Сергей изначально создавал для организации боев и всяческих диверсий в немецком тылу, хочет молодая и красивая женщина? А если окружение и последующая героическая гибель группы? А если, что будет гораздо хуже для нее, плен?! С другой стороны, Татьяна же не знает, что это будет за группа и где, а главное как она будет воевать. И опять-таки – он ведь все равно собирается группу расширять и организовывать на ее базе весьма значительное по штатам подразделение, где и штаб и службы обеспечения в тыл врага ходить не будут. А собственный медик, да еще квалифицированный, который сможет организовать медподготовку всего личного состава подразделения, а нескольких наиболее способных бойцов подготовить как санитаров – это на любой войне персона очень нужная и очень полезная. Да и организовать ей максимально возможную на войне безопасность Сергей уж постарается. Решено – надо брать. И Сергей, в задумчивости машинально беря Татьяну за руку, которую она к его радости не отняла, проникновенно сказал:

– Понимаете, Танечка, вот прямо сейчас точно нет. Сейчас у нашей группы предполагается напряженный график визитов в немецкие тылы, а подвергать вашу жизнь дополнительной опасности я категорически не согласен. Но в будущем я что-нибудь придумаю, обещаю вам.

Таня слушала Сергея и улыбалась. Как он смешно строит фразы – «график визитов в немецкие тылы»! Так иронично о столь серьезных вещах никто сейчас не говорит. И главное – Сергей ей не отказал, обещал подумать, как решить вопрос с переводом в свое подразделение!

– Спасибо. Но если я чем-нибудь могу помочь прямо сейчас – только скажите.

Сергей не успел ответить – из казармы выскочил дневальный и срочно позвал его к начальнику особого отдела дивизии. Сергей пожал Татьяне руку, которую она так и не отняла во время разговора, перед этим легко, чуть заметно, погладив ее, и сказал, прощаясь.

– Спасибо вам, Танечка, и за этот разговор, и за желание помочь. Я подумаю, чем вы можете помочь, и утром забегу к вам в медсанбат, хорошо?

Получив в ответ ее улыбку и приглашение заходить в любое удобное время, радостный Сергей быстрым шагом направился к Трофимову. Бригадный комиссар встретил его прямо на входе в особый отдел дивизии, возле стола дежурного, что само по себе указывало на степень его волнения. Отойдя так, чтобы их никто не мог услышать, Трофимов остановился, и глядя Сергею в глаза, негромко произнес:

– Ну что, лейтенант Иванов. Только что в штаб дивизии прибыли командир 6-го механизированного корпуса генерал-майор Хацкилевич и начальник особого отдела корпуса дивизионный комиссар Титов, которого я уговорил передать твою информацию комкору. Сейчас они оба у меня в кабинете, ждут ответов на свои вопросы. Ты готов дать эти ответы?

Сергей, взволнованный не меньше начальника особого отдела, глубоко вздохнул. Вот он, момент истины. Если ему не поверят, если он не сможет убедить Хацкилевича не оставлять Белосток, его появление в этом мире окажется практически бесполезным. И история Великой Отечественной войны здесь, как и во времени Сергея, пойдет по своей колее – с ее окружениями, «котлами», десятками миллионов погибших советских людей и ужасающей послевоенной разрухой. От осознания важности предстоящего разговора у Сергея застучало в висках и

слегка перехватило дыхание. Но Трофимов ждал, все так же испытующе глядя в его лицо, и Сергей, собравшись, утвердительно кивнув, ответил.

– Готов, товарищ бригадный комиссар!

Глава 13

Войдя в кабинет начальника особого отдела, Сергей увидел двух сидящих на диване у дальней стены кабинета военачальников, от которых сейчас зависело столь многое.

В более высоком военном, со знаками различия генерал-майора, двумя орденами Красного Знамени и орденом Красной Звезды на груди, Сергей сразу узнал командира корпуса Хацкилевича – в прошлой жизни видел его фото в Интернете. Второй, более кряжистый, со знаками различия дивизионного комиссара и тяжелым, пронизывающим почти насквозь взглядом, который он сразу воткнул в лицо вошедшего Сергея, не мог быть никем иным, кроме как особистом. Следовательно, это, скорее всего, начальник особого отдела механизированного корпуса.

Поздоровавшись и заняв указанный стул, предложенный ему в преддверии долгого разговора, Сергей получил разрешение и начал свой рассказ:

– Товарищ генерал-майор! Это я просил товарища бригадного комиссара Трофимова, через его друга, товарища дивизионного комиссара Титова, уговорить вас отступить и отводить части корпуса обратно в Белосток, к месту постоянной дислокации вашего корпуса. Вы ведь хотели отводить части корпуса в направлении Крынки, потом Волковыск и далее по шоссе Волковыск – Слоним?

– Да, – кивнул Хацкилевич. – И я очень удивился, когда мой начальник особого отдела корпуса попросил меня не делать того, что я только обдумывал и о чем никому не говорил. Он просил на правах старого друга, которому я верю как себе, мы не раз спасали друг друга от смерти. Сказал, что все объяснит в Сокулке.

– Ну, тогда он вам еще раз жизнь спас, товарищ генерал, – Сергей по старой привычке начал опускать приставку «майор», обозначающую самую низкую ступень звания Хацкилевича в номенклатуре генеральских званий Красной Армии. – Потому что, если бы вы его не послушали и стали отводить корпус, как планировали, вы бы погибли еще вчера, 25 июня 1941 года, а сейчас немцы добивали бы остатки корпуса, стоящего без горючего и боеприпасов в районе Волковыска, который они возьмут через два дня, 28 июня.

– Да ты что, лейтенант!.. – начал вставать Титов, но Хацкилевич успокаивающе махнул ему рукой, и с интересом посмотрел на Сергея.

– Вы знаете будущее?

– Скорее прошлое, – вздохнул Сергей.

Начиналась самая тяжелая, и самая важная, часть разговора.

– Дело в том, что я из другого времени. Или из другой реальности – у нас по этому вопросу ученые никак не могут определиться и придти к единому мнению. Там я тоже был Сергеем Ивановым, только отчество другое. И возраст – там я был уже глубоким стариком. Всю свою сознательную жизнь служил в армии, в разных местах и частях. Последние звание и должность – подполковник, командир отдельного разведывательного батальона мотострелковых войск, это дальнейшее развитие современной вам мотопехоты. Как и зачем попал сюда, к вам, в вашу реальность – я не знаю. Но в моем времени тоже была война с фашистской Германией, которая тоже началась 22 июня 1941 года. А закончилась только в мае 1945-го, в Берлине – закончилась нашей Победой. Я, к слову, родился в 1946 году, уже после Великой Отечественной войны, как ее потом называли у нас. И первые два года той войны – тяжелые бои и потери Красной Армии, практически постоянное отступление наших войск и оккупация немцами значительной части территории. В конце 1941 года бои шли под самой Моск-

вой! И в той войне, в моей реальности, 6-й мехкорпус 23 июня тоже начал выдвижение из района Белостока в направлении Гродно, для участия в контрударе. По ходу движения части корпуса постоянно несли потери от ударов немецкой авиации – ПВО у корпуса не было вообще, потому что дивизионы ПВО, на момент начала войны, находившиеся отдельно от мехкорпуса, по пути на соединение с корпусом были переподчинены и впоследствии использованы для выполнения других задач. 4-я и 7-я танковые дивизии вышли на рубеж развертывания к полудню 23 июня, где были встречены сильным противотанковым огнем и постоянными ударами авиации. В результате ожесточенного боя им удалось отбросить прорвавшиеся юго-восточнее Гродно части вермахта и к вечеру выйти в полосу обороны 27-й стрелковой дивизии 3-й армии. На следующий день, после захвата немцами Гродно, 6-й мехкорпус наносил удар в северном направлении. Натолкнувшись на мощную противотанковую оборону, корпус понес большие потери. Во второй половине дня 24 июня танковые дивизии 6-го мехкорпуса были перенацелены на юго-восток от Гродно, где вечером вступили в бой с соединениями 3-й танковой группы Гота, пытаясь остановить ее продвижение на Минском направлении. Введя в сражение 8-й и 20-й армейские корпуса, 25 июня противнику удалось расчленить дивизии 6-го мехкорпуса, которые были вынуждены вести разрозненные, не связанные общим замыслом бои. Командующий Западным фронтом Павлов вечером 25 июня отдал командующему корпусом приказ: «Немедленно прервать бой и форсированным маршем, следуя ночью и днем, сосредоточиться в городе Слоним». А город этот еще 24 июня был захвачен 17-й танковой дивизией генерала фон Арнима...

В моей реальности вы, товарищ генерал, после бессмысленного и безнадёжного контрудара 6-го мехкорпуса из Белостока под Гродно отводили его через Крынки и Волковыск на Слоним, при отступлении погибли сами, корпус был полностью уничтожен, а немцам досталось очень много техники, часто даже не поврежденной, брошенной без горючего и боеприпасов.

– Это возможно, – медленно сказал Хацкилевич после небольшой паузы. – И приказ об отходе на Слоним пришел, и горючего да снарядов после боев под Гродно у нас действительно осталось крайне мало, без пополнения запасов полноценно воевать не смогли бы. Что было дальше в вашей истории?

Сергей рассказал, как в его реальности немецкие войска, используя высокий уровень взаимодействия танков с пехотой, артиллерией и авиацией, громили отступающие в беспорядке, без связи и единого командования, части 3-й и 10-й армий. Как немцы организовали Белостокский, а затем и Минский «котел». Как в этих «котлах» были уничтожены 11 стрелковых, 2 кавалерийские, 6 танковых и 4 моторизованные дивизии, погибли 3 комкора и 2 комдива, попали в плен 2 комкора и 6 командиров дивизий, ещё 1 командир корпуса и 2 командира дивизий пропали без вести.

– 8 июля 1941 года бои в Белостокско-Минском «котле» были завершены. По итогам боев немцами было взято в плен около 300 тысяч человек, в том числе несколько старших генералов, захвачено более 3000 танков, около 2000 орудий, порядка 250 неповрежденных самолетов и другие многочисленные военные трофеи. Безвозвратные потери советских войск составили 341 тысячу человек, плюс почти 77 тысяч раненых. Общие потери – более 417 тысяч человек...

Сергей в полной тишине закончил свой рассказ о том, как это было в его истории, и добавил:

– Именно поэтому я хочу, чтобы в вашей реальности такого не было. В моем времени, и сразу после войны и сейчас, в начале 21 века многие исследователи рассматривали, так и эдак, неудачи начального периода войны, неорганизованное отступление и огромные потери первых месяцев. Потери солдат – убитыми и пленными, потери уничтоженной и захваченной врагом боевой техники, потери снаряжения, оружия, боеприпасов, продовольствия и много чего еще, уничтоженных при отступлении, либо брошенных, и доставшихся в результате немецким вой-

скам. И почти все сходились во мнении, что все плохое для нашей армии начиналось именно здесь и сейчас – в первом в этой войне Белостокском «котле».

Вот потому, товарищ генерал, я, через товарища Трофимова просил вашего друга товарища Титова донести до вас мысль – вернуть части корпуса под Белосток, в места постоянной дислокации, к базам снабжения и ремонта. Чтобы сам корпус уцелел и не погиб бесполезно, без топлива и боеприпасов, под ударами авиации и артиллерии противника, а вы бы выжили и смогли вместо Белостокского «котла», организовать из отступающих и частично разбитых частей 3-й, 4-й и 10-й армий Белостокский узел обороны.

– Но почему именно я? – глухо спросил Хацкилевич, явно подавленный рассказом Сергея о масштабах поражения и страшных потерях первых дней войны. – Есть же командующие армиями, командующий Западным особым военным округом генерал армии Павлов, наконец. Они имеют опыт командования большими соединениями и наверняка смогут организовать оборону лучше. Почему вы не пошли к ним?

– Ну, командующий Западным округом Павлов – по нему отдельный разговор, товарищ генерал. К нему обязательно обращаться придется, но – как бы это поточнее сформулировать – только за подтверждением ваших полномочий, и не более того. Рассчитывать на другую помощь от него сейчас просто бессмысленно – ну не сможет ни Павлов, ни любой другой военачальник, пусть он даже военный гений, отсюда ничем помочь в организации обороны здесь. Не зная обстановки, которая постоянно и быстро меняется, не владея информацией о перемещении как наших, так и немецких войск, не имея устойчивой связи... Вот, разве что, Павлов свой приказ об отступлении отменит, но отступающие, а кое-где уже и просто бегущие войска он уже не остановит. Это придется делать здесь, на месте, причем в ряде случаев для остановки отступающих и бегущих, скорее всего, к отдельным командирам придется применять давление, а может, и насилие.

Командармы? Командующий 3-й армией, генерал-лейтенант Кузнецов и командующий 10-й армией, генерал-лейтенант Голубев. Их потолок боевого опыта – командование стрелковым полком во время гражданской войны. Весь остальной карьерный рост – это уже в условиях мирного времени.

– А теперь – почему вы. На то есть несколько причин, товарищ генерал. Вы в прошлом кавалерист, прошли боевой путь от командира эскадрона до командира полка, потом командовали кавалерийской дивизией, затем кавалерийским корпусом. Следовательно, хорошо знаете принципы и тактику ведения маневренных боевых операций. Год назад вы приняли под командование 6-й механизированный корпус, и смогли за короткое время организовать его боевую подготовку, вывести перед войной корпус на лидирующие позиции по показателям боевой учебы в округе.

Вы готовы к современной, маневренной войне. Вспомните свой доклад на совещании высшего руководящего состава РККА 23–31 декабря 1940 г. все, что вы говорили о реорганизации штатов корпуса, его снабжения, организации боевого применения и взаимодействии корпуса с авиацией, – все это сейчас необходимо срочно внедрять и использовать при ведении боевых действий. Как бывший кавалерист и командир кавкорпуса, вы должны хорошо знать генерал-майора Никитина, командира 6-го казачьего кавалерийского корпуса имени Сталина, что перед войной дислоцировался в городе Ломжа, недалеко от границы. И именно вам, товарищ генерал, будет проще всего убедить его вместо отступления использовать кавкорпус при организации системы активной обороны на базе Белостокского узла. Кроме того, имея соответствующий опыт, вы сможете грамотно использовать его кавалерийские части в боевых операциях. Вообще за год командования корпусом вы хорошо изучили театр военных действий Западного округа и Белостокского выступа в частности. Следовательно, сможете организовать систему активной обороны Белостокского оборонительного узла с учетом использования особенностей местности, гражданской и военной инфраструктуры.

Сергей закончил приводить свои доводы и оглядел присутствующих. Судя по виду Хацкилевича и Титова, которые сидели с крайне изумленными, обескураженными, но недоверчивыми лицами, – словам Сергея они пока не верили. Предчувствуя, что надежда на изменение хода войны становится все более призрачной, Сергей решил привести свой последний довод, использовать который он очень не хотел, опасаясь возможных трений среди высокого командного состава в будущем.

– Ну, и последняя причина, – медленно сказал Сергей, глядя прямо в глаза генерал-майору Хацкилевичу и видя в них отчаянную борьбу между недоверием, колебаниями, осознанием грядущей катастрофы и решимостью ее предотвратить. Борьбу, в которой пока не было победителей. Она, эта причина, не имеет отношения к логическим причинам или формальным доводам, но для меня она самая важная... Вы, товарищ генерал, в моей реальности погибли в танке, лично ведя своих бойцов на прорыв из окружения. А командармы 3-й и 10-й армий... Они оба вышли в итоге из окружения, а солдаты их армий остались в «котлах», после чего были уничтожены или взяты в плен немецкими войсками. Теперь вы понимаете, почему я решил обратиться именно к вам?

– Понимаю. – медленно и задумчиво сказал Хацкилевич, судя по его виду, находясь сейчас мыслями где-то далеко отсюда.

И тут, пользуясь возникшей в результате задумчивости комкора паузой, в разговор вмешался Титов, который, не скрывая своего недовольства и подозрительности, спросил Сергея:

– Но почему оборону нужно строить именно здесь, под Белостоком? Вы, лейтенант, предлагаете организовывать оборону в окружении! А как же снабжение, взаимодействие с другими частями и соединениями?! Ведь можно же, используя информацию о ближайших действиях немецких войск из вашей истории, организованно отвести наши войска, влиться в общий фронт обороны и там дать немецко-фашистским захватчикам достойный отпор?

После этих слов Титова Сергей увидел, что Хацкилевич снова надолго задумался, вероятно, осмысливая слова Титова и взвешивая для себя возможности такого развития событий. И почувствовал, как его охватывает холодное бешенство.

Для кого он тут битый час распинался, рассказывая о потере командованием управления частями и соединениями, о неорганизованном отступлении-бегстве советских войск под постоянными бомбежками, о том, наконец, что немецкие танковые и моторизованные клинья уже ведут бои почти под Минском?! Куда и как сейчас можно «организованно отступать»?! Ну ладно, Москва, ну ладно, Минск, где сейчас оперативную обстановку воспринимают искаженно и фрагментарно, но как могут быть столь слепы и наивны реальные участники тяжелых приграничных боев и неуклюжих, неподготовленных и в результате неудачных контрударов?!

Чувствуя, что уже почти не контролирует себя от злости и разочарования, Сергей резко встал со стула и попросил у Трофимова крупномасштабную оперативную карту Западного особого военного округа, причем чистую, без штабных отметок о расположении частей и соединений и их планируемых перемещений в текущей оперативной обстановке. Когда, по указанию Трофимова, принесли новую карту ЗОВО, Сергей, к тому времени чуть успокоившийся, расстелил ее на столе, взял в руку карандаш в качестве указки и пригласил всех подойти поближе.

– Итак, товарищи военачальники. Я специально попросил чистую карту, чтобы вы потом могли проверить мои слова на карте с нанесенной реальной оперативной обстановкой. Сначала к вопросу о том, почему именно Белосток. Вот смотрите. Как я уже говорил, немецкие войска в Белоруссии взрезали своими танковыми и моторизованными клиньями фланги Белостокского выступа. Вот здесь – на участке Брест – Гайновка – Бельск, с общим направлением на Барановичи и далее на Минск. И вот здесь – на участке Гродно – Меркине – Алитус, далее разделяя наступающий клин в двух направлениях – на Минск, и на Слоним, замыкая кольцо окружения войск Белостокского выступа. На флангах обоих наступающих клиньев вермахта, предвидя попытки контрударов, немцы разворачивают мощную противотанковую оборону. Вы, това-

рищ генерал, только что участвовали в таком контрударе и то, как немцы организуют ПТО в своих боевых порядках, отлично видели сами. Таким образом, через день-два немецкие войска замкнут кольцо окружения 3-й, 4-й и 10-й армий Белостокского выступа в районе населенных пунктов Мосты – Волковыск – Слоним, создавая столь излюбленные ими во время всей летней кампании 1941 года «двойные клещи» и образуя первый на этой войне «котел» – Белостокский. Для нас в этой ситуации очень важно то, что немцы, интенсивно атакуя на направлениях главных ударов, чтобы быстрее замкнуть кольцо окружения, на фронте нашей 10-й армии ведут отвлекающие бои, не отличающиеся большой интенсивностью и мощностью атакующих действий. В результате, сейчас на территории Белостокского выступа напряженные и жестокие боевые действия идут только на его флангах, где атакуют войска немецких механизированных клиньев. А в глубине территории, в районе населенных пунктов Замбров, Ломжа, Стависки, Осовец, Хорощ, Сокулка, и собственно Белосток, – пока сильных наступательных действий немецких войск нет, – так, позиционные бои невысокой интенсивности. Именно это обстоятельство сейчас может позволить восстановить управление войсками в кольце окружения, собрать разрозненные отступающие части в единый центр и перегруппировать их для организации оборонительных порядков, наладить сбор и централизованное снабжение распределенных для обороны частей. Тогда, вместо планомерного и постепенного разгрома отступающих от Белостока на Волковыск частей наших армий, немцы, когда начнут сжимать кольцо окружения, найдут здесь не растерянные, разрозненные и небоеспособные из-за отсутствия боеприпасов и всего остального части, а заблаговременно и грамотно организованную активную оборону, обеспеченную всем необходимым.

Теперь о снабжении. Я ранее уже рассказывал товарищу бригадному комиссару, что ресурсов для организации обороны, снабжения боеприпасами, снаряжением, продовольствием и всем остальным, здесь – на Белостокском выступе – сейчас даже в избытке. Смотрите сами. Вот тут, в пятидесяти километрах от Белостока в сторону границы, находится крепость Осовец. Знаменита эта крепость своей стойкостью еще с Первой мировой войны, но к этому я вернусь чуть позже. Сейчас крепость Осовец – составная часть 66-го (Осовецкого) укрепрайона. Строительство его началось недавно – с лета 1940 года, и к началу войны была построена только примерно десятая часть оборонительных сооружений (59 из 594, из этих 59 – только 35 боеготовых). Гарнизон укрепрайона к началу войны составляли восемь пулемётно-артиллерийских батальонов и четыре артиллерийские батареи. И еще две танковые роты, вооружённые танками Т-18. Сейчас подразделения укрепрайона влились в состав 2-й и 8-й стрелковых дивизий, дислоцированных соответственно в Осовце и Стависки, и как раз сегодня, 26 июня, все эти части в составе 2-й и 8-й дивизий начинают отступление в направлении Белостока. По пути будет брошено все тяжелое вооружение, о боеприпасах и остальном я уже и не говорю. А теперь представьте, сколько оружия, боеприпасов и всего остального находится сейчас на дивизионных складах в Осовце и Стависки? А сколько и чего было уже завезено и хранилось на складах обеспечения Осовецкого укрепрайона?

Далее, 64-й (Замбрувский, или Замбровский) укрепрайон, также построенный примерно на десятую часть. Там, насколько я помню, была дислоцирована 13-я стрелковая дивизия и соответственно дивизионные склады с ее ресурсами. Сейчас там чехарда, части дивизии сегодня получили приказ на отступление к Белостоку и далее в район Супрасельской пуши, но ряд гарнизонов укрепрайона останутся и будут вести бои в окружении, без связи с командованием и внешним миром. А сама дивизия на марше от Белостока в сторону Супрасельской пуши будет практически полностью уничтожена немецкой авиацией. Так что задержать дивизию здесь, в Белостоке, – значит спасти ее от бесславной и бесполезной гибели под немецкими бомбами.

Затем – Ломжа. Там была дислоцирована одна из двух дивизий 6-го казачьего кавалерийского корпуса имени товарища Сталина – 6-я кавалерийская дивизия. Соответственно –

вся база снабжения этой дивизии. Эта дивизия вместе с вами, товарищ генерал, принимала участие в контрударе под Гродно, а сейчас разрозненными частями отступает в сторону Волковыска, где была дислоцирована вторая дивизия кавкорпуса – 36-я кавалерийская дивизия. Позднее дивизия полностью погибнет в Белостокском «котле». Вот эту 6-ю кавалерийскую дивизию надо бы обязательно задержать под Белостоком и снова собрать в единый кулак – сейчас эта дивизия одно из самых подготовленных соединений Красной Армии. А для маневренных действий в тылу врага, в условиях болотисто-лесистой местности – сейчас лучше не придумаешь. Особенно после нескольких тактических нововведений. Ведь люди и их лошади, даже с навьюченным на них тяжелым вооружением типа пулеметов, минометов и противотанковых ружей, легко пройдут по лесам и местности без дорог – там, где техника будет застревать или вообще не пройдет.

И, наконец, ресурсы вашего – 6-го механизированного корпуса, склады снабжения которого расположены, вы и сами знаете, где. Также вы лучше меня знаете, чего и сколько там есть, и насколько этого хватит при грамотном использовании.

– Кстати, здесь, товарищ генерал, я хотел бы сразу ответить на вопрос товарища дивизионного комиссара Титова: «Ведь можно же... организованно отвести наши войска, влиться в общий фронт обороны и там дать немецко-фашистским захватчикам достойный отпор?»

– Вспомните свое выступление на совещании высшего руководящего состава РККА 23–31 декабря 1940 г. – Вспомните ваши же слова о том, что один боекомплект танкового корпуса – это, примерно, 100 вагонов. О том, что боеприпасов надо брать много, так как в оперативной глубине без них делать нечего. О том, что горючего тоже надо брать в количестве не менее трех заправок. И какой нужен тыл, чтобы за собой это все тянуть, тем более, если иметь три с половиной боекомплекта. – Вспомните ваши слова о том, что корпусная артиллерия имеет небольшую подвижность и отстает от колесных машин и от танковых соединений, чем сдерживает движение всего корпуса. А теперь соотнесите ваши высказывания с текущей оперативной обстановкой. И представьте, товарищ генерал, – Как?! Чем?! и на Чем?! – Вы это все будете тащить за собой, «организованно отводя корпус, чтобы влиться в общий фронт обороны». И как вы будете тащить за собой артиллерию, которая будет сильно тормозить движение корпуса. А не тащить за собой все это нельзя, ибо без боеприпасов, топлива и артиллерии организованный отход снова превратится в беспорядочное отступление с бросанием техники – и все повторится, как было в моей Истории. И потом – если эти ресурсы за собой не утащить – то они неизбежно достанутся немцам. Или их надо уничтожать. И в том, и в другом случае – это потерянные ресурсы. А ведь наша Советская Родина, как и весь Советский народ, с потом и кровью, отрывая от себя последнее, создавали эти ресурсы, чтобы Красная Армия могла их использовать для борьбы с врагом. А вовсе не для того, чтобы мы, Красная армия, отступая, их уничтожали или оставляли врагу!

– Теперь – последняя сторона вопросов товарища дивизионного комиссара. А именно – как можно воевать в окружении, без взаимодействия с другими частями и соединениями фронта?

– Практика хода и Первой мировой войны, и этой войны, уже очень хорошо изученной в моей реальности, убедительно показала – можно. Причем, можно именно здесь, в этих местах. Совсем недавно я говорил вам про Крепость Осовец, что была построена еще до Первой мировой. Место строительства оборонительных сооружений этой крепости было выбрано так, чтобы перекрыть возможным агрессорам основное магистральное направление на восток. Обойти крепость в этой местности тогда было невозможно – на север и на юг располагалась непроходимая болотистая местность. Так вот, во время Первой мировой войны крепость была осаждена и трижды атакована имевшими многократный численный перевес немецкими войсками, в том числе с применением химического оружия. Русский гарнизон крепости отразил все попытки штурма, выдержал осаду многократно превосходивших войск противника в тече-

ние полугода и отошёл лишь по приказу командования, после того как стратегическая целесообразность дальнейшей обороны отпала. В мою историю подвиги русского гарнизона при обороне крепости Осовец вошли под названием «Атака мертвецов». Почему такое название? Потому что тогда, 6 августа 1915 года, в четыре часа утра (тоже в четыре утра, символично, вы не находите?), одновременно с открытием артиллерийского огня германские части применили против защитников крепости отравляющий газ – смесь хлора с бромом. Газовая волна более 10 метров в высоту и шириной около 8 километров проникла на глубину до 20 километров. Средства индивидуальной защиты, только начинавшие разрабатываться в России к тому времени, были малоэффективны, а может, и вовсе отсутствовали у обороняющихся. Считая, что оборонявший позиции крепости гарнизон мёртв, немецкие части перешли в наступление. В атаку пошли 14 батальонов ландвера – это не менее семи тысяч пехотинцев. Когда немецкая пехота подошла к передовым укреплениям крепости, навстречу им в контратаку поднялись оставшиеся защитники первой линии – остатки 13-й роты 226-го пехотного Землянского полка, чуть больше 60 человек. Русские сотрясались от дикого кашля, вызванного химическими ожогами легких, лица солдат были обмотаны окровавленными тряпками. Неожиданная атака и вид атакующих повергли немецкие подразделения в ужас и обратили в бегство.

Теперь пример уже из этой войны – и снова это здесь, в Белоруссии. Вот тут, юго-восточнее Минска, в населенном пункте Пуховичи, дислоцирован 4-й воздушно-десантный корпус, который сейчас входит в состав второго эшелона Западного фронта. В его составе три воздушно-десантные бригады, при этом только одна из них – 214-я воздушно-десантная бригада – была сформирована на базе 47-й авиадесантной бригады особого назначения, а остальные бригады воздушно-десантного корпуса были сформированы на базе обычных стрелковых дивизий. Так вот, речь пойдет именно об этой 214-й воздушно-десантной бригаде, которая была сформирована в 1938 году и принимала участие в польской кампании, зимней войне и походе в Бессарабию. В моей истории, в этой войне с самого ее начала, 214-я бригада действовала в отрыве от остальных сил воздушно-десантного корпуса. С июня 1941-го, в течение двух месяцев, бригада самостоятельно вела боевые действия в тылу вражеских войск в районе Минска. И только в конце августа бригада пробилась к своим войскам и вышла в расположение 21-й армии. Затем снова бои и диверсии в тылу врага. Известен, например, такой факт из истории этой бригады в моем времени. В ходе десанта в декабре 1941 года к западу от города Клин был выброшен один батальон 214-й воздушно-десантной бригады (415 человек). Десантники в течение 9 суток нападали на двигавшиеся колонны, уничтожали небольшие гарнизоны, взрывали мосты, поджигали автоцистерны с бензином для танков и грузовиков. Всего десантники взорвали 29 мостов, сожгли 48 автоцистерн, подбили 2 танка, уничтожили не менее 400 вражеских бойцов. Действуя небольшими диверсионными группами по коммуникациям противника в обширном районе, десантники вынудили врага бросить тяжёлое вооружение.

Следующий пример – это происходит прямо сейчас, совсем недалеко от Белостока – по прямой 116 км, а по трассе – 136 км, за 3–4 часа можно доехать, правда, без учета немецких войск на пути. Вот он, на карте, – пограничный город Брест, крупный железнодорожный узел и Брестская крепость в нем. К 22 июня 1941 года в Брестской крепости дислоцировалось 8 стрелковых и 1 разведывательный батальоны, артиллерийский полк и 2 артиллерийских дивизиона (ПТО и ПВО), некоторые спецподразделения стрелковых полков и подразделения корпусных частей, подразделения 17-го Брестского пограничного отряда, 33-го отдельного инженерного полка, часть 132-го батальона конвойных войск НКВД, а также штабы дивизий и управления 28-го стрелкового корпуса. Всего около 9 тысяч бойцов и командного состава. С немецкой стороны штурм крепости был поручен 45-й пехотной дивизии (около 17 тысяч человек) во взаимодействии с частями соседних соединений 12-го армейского корпуса 4-й немецкой армии. По плану немецкого штаба крепостью следовало овладеть к полудню первого дня войны. И действительно, в первые же часы войны массированным артиллерийским огнем в крепости

были уничтожены склады, водопровод, прервана связь, нанесены крупные потери гарнизону. Потом немецкие войска начали штурм. Но они просчитались – дезорганизованный в результате больших потерь и нарушения связи, разбитый на несколько очагов обороны гарнизон Брестской крепости оказал ожесточенное сопротивление, вплоть до штыковых атак, когда все было совсем плохо. Сейчас защитники крепости отбивают по 7–8 атак в день, причем в условиях применения немцами огнеметов. Их силы тают с каждым часом, но они не сдаются и сражаются в полном окружении, без помощи извне, без снабжения, без надежды на прорыв и отход. Под ударами немцев остатки гарнизона постепенно выдавливаются к центру крепости, в ее Цитадель. И будут оборонять ее до конца июля 1941 года. После войны в казарме 132-го отдельного батальона конвойных войск НКВД СССР на стене нашли надпись: «Я умираю, но не сдаюсь. Прощай, Родина. 20/VII-41».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.